

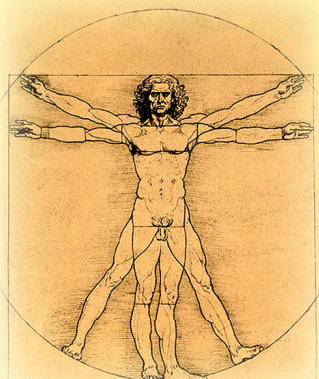
ISSN 2076-4359

№ II (90)

2026

Учёные записки

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

富足
富
足

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление в технических системах», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствоведение» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ФС77-38212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: keparu@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова , кандидат технических наук. E-mail: journal@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Ответственный секретарь:	Алина Валерьевна Бузикаева , кандидат технических наук. E-mail: keparu@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко , кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова . E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Никита Станиславович Шушарин . E-mail: web_dev@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:	
1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов , доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марьин , доктор технических наук, доцент. E-mail: maryinsb@mail.ru
2. Электротехнические комплексы и системы (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким , доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков , доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов , доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление в технических системах (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев , доктор технических наук, профессор. E-mail: keparu@knastu.ru Сергей Петрович Черный , доктор технических наук, доцент. E-mail: keparu@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов , доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ)	Валерий Иванович Одинокоев , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail.ru: avkosm@knastu.ru Константин Сергеевич Бормотин , доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий , доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин , доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев , доктор технических наук, профессор. E-mail: 013696@togudv.ru Олег Викторович Башков , доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твёрдого тела)	Анатолий Александрович Буренин , доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Олег Евгеньевич Сысов , доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:	
1. Культурология и искусствоведение (5.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская , доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова , доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru Виктория Юрьевна Прокофьева , доктор филологических наук, профессор. E-mail: nikars1999@mail.ru Илья Игоревич Докучаев , доктор философских наук, профессор. E-mail: i.dokuchaev@spbu.ru
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Татьяна Евгеньевна Наливайко , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru Екатерина Иосифовна Артамонова , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: manpo@yandex.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история, 5.6.2 - Всеобщая история)	Жанна Валерьяновна Петрунина , доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru Федирко Оксана Петровна , доктор исторических наук, профессор. E-mail: fedenka.67@mail.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЗНАНИЕ

Борзова Т. А., Воронина О. А. ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ШОКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ-ПЕРВОКУРСНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ «МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»	4
Брейтман А. С. КИТАЙСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МИРОВОЙ ФЕНОМЕН.....	12
Крыжановская Я. С., Цуй Етун МУЗЕЙНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	23
Маркова А. В., Прокофьева В. Ю. «СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АРАПА ЖЕНИЛ» А. МИТТЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ.....	31
Муллер Ю. Г. РУССКИЙ ДОМ И ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЗА РУБЕЖОМ.....	37
Мусалитина Е. А. «ГОЧАО» КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ.....	44
Наливайко Т. Е., Болотская Я. А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД», «ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ПРОЕКТ-ТЕХНОЛОГИЯ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	52
Петрунина Ж. В. ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА В ПОДДЕРЖАНИИ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ.....	57
Смотров В. Е., Осипова Г. Г. «ПИКОВАЯ ДАМА» П. И. ЧАЙКОВСКОГО: КИНОМУЗЫКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	62
Шушарина Г. А. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО- КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ).....	69
Ху Юэ, Брейтман А. С. «ФОТОГРАФИЯ БЕЗ КАМЕРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО.....	75

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Ларченко Ю. Г. ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ МЕТОД ЗАКРЕПЛЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА СТУДЕНТАМИ.....	84
Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. МЕТОДИКА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ.....	90
Пухов А. А., Новгородов Н. А., Ткачева Ю. И. «СЛУЧАЙ САМОУЧКИ» – КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ СИЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ С СИСТЕМАМИ КОМПЬЮТЕРНОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	96

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н. ГРАЖДАНСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	102
Гореликов А. И. СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2036 ГОДА: ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	107
Дербенев А. С. США – ИРАН: ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ЭСКАЛАЦИИ.....	113
Петрунина Ж. В., Недоступ Г. А. НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В 1990-Е ГОДЫ.....	118

Борзова Т. А., Воронина О. А.
T. A. Borzova, O. A. Voronina

**ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ШОКА КИТАЙСКИМИ
СТУДЕНТАМИ-ПЕРВОКУРСНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЕ
«МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»**

**OVERCOMING CULTURAL SHOCK BY FIRST-YEAR CHINESE STUDENTS
IN THE COURSE OF «INTERCULTURAL COMMUNICATION»**

Борзова Татьяна Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка Владивостокского государственного университета (Россия, Владивосток); тел. 8(914)790-32-88. E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Tatyana A. Borzova – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Russian Language Department, Vladivostok State University (Russia, Vladivostok); tel. 8(914)790-32-88. E-mail: borzovavladik@mail.ru.

Воронина Олеся Анатольевна – старший преподаватель кафедры русского языка Владивостокского государственного университета (Россия, Владивосток); тел. 8(914)963-88-86. E-mail: Voronina.Olesya@vvsu.ru.

Olesya A. Voronina – Senior Teacher, Russian Language Department, Vladivostok State University (Russia, Vladivostok); tel. 8(914)963-88-86. E-mail: Voronina.Olesya@vvsu.ru.

Аннотация. Статья посвящена эмпирическому исследованию явления культурного шока у китайских студентов-первокурсников, впервые прибывших для обучения в Россию. Исследование проводилось в рамках преподавания дисциплины «Межкультурная коммуникация» во Владивостокском государственном университете (ВВГУ) и имело целью выявить ключевые аспекты новой культурной среды, вызывающие наибольшее удивление, затруднения и стресс у иностранных студентов. Особое внимание уделено методическим приёмам, используемым на занятиях для осмысления и преодоления культурного шока. В работе описаны практические задания, направленные на снижение тревожности и развитие межкультурной рефлексии: совместная экскурсия по городу с российскими студентами-наставниками и ведение «культурного дневника». Методом сбора данных выступило анкетирование, в котором студентам был задан открытый вопрос: «Что вас удивило, когда вы приехали в Россию?». Анализ полученных ответов позволил выявить три основные группы факторов, вызывающих культурный шок: бытовые и социальные особенности (включая погоду, транспорт, общение), особенности образовательной среды (стиль преподавания, взаимоотношения с преподавателями) и восприятие национальных стереотипов. Полученные данные свидетельствуют о том, что культурный шок является сложным, многогранным явлением, затрагивающим как внешние, так и внутренние аспекты жизни. Результаты исследования подтверждают необходимость внедрения практических модулей по межкультурной адаптации в учебный процесс, что позволит снизить уровень стресса у студентов и способствовать их успешной интеграции в новую социокультурную и образовательную среду.

Summary. The article is devoted to an empirical study of the phenomenon of cultural shock among Chinese first-year students who first arrived to study in Russia. The study was conducted as part of the teaching of the discipline «Intercultural Communication» at Vladivostok State University and aimed to identify the key aspects of the new cultural environment that cause the greatest surprise, difficulties and stress among international students. Special attention is paid to the methodological techniques used in the classroom to comprehend and overcome cultural shock. The paper describes practical tasks aimed at reducing anxiety and developing intercultural reflection: a joint city tour with Russian student mentors and keeping a «cultural diary». The data collection method was a questionnaire survey in which students were asked an open question: «What surprised you when you came to Russia?». The analysis of the responses revealed three main groups of factors causing cultural shock: everyday and social features (including weather, transport, communication), features of the educational environment (teaching style, relationships with teachers) and perception of national stereotypes. The data obtained indicate that cultural shock is a complex, multifaceted phenomenon affecting both external and internal aspects of life. The results of the study confirm the need to integrate practical modules on intercultural adaptation into the educational process, which will reduce students' stress levels and promote their successful integration into a new socio-cultural and educational environment.

Ключевые слова: культурный шок, китайские студенты, первокурсники, межкультурная коммуникация, культурная адаптация, образовательная среда, Россия, Китай, иностранные студенты, педагогика.

Key words: cultural shock, Chinese students, first-year students, intercultural communication, cultural adaptation, educational environment, Russia, China, international students, pedagogy.

УДК 378.147:372.881.1(510+470)

В условиях глобальной мобильности образовательных потоков межкультурная адаптация иностранных студентов перестаёт быть сопутствующим аспектом учебного процесса и становится самостоятельной педагогической задачей. Особенно остро эта проблема проявляется в первые месяцы пребывания за рубежом, когда студент сталкивается не только с языковым барьером, но и с фундаментальными различиями в повседневных практиках, социальных нормах, стиле преподавания и ожиданиях от обучающегося.

Для китайских студентов, воспитанных в рамках конфуцианской традиции, где ценятся иерархия, уважение к авторитету и коллективная гармония, российская образовательная среда с её акцентом на критическое мышление, инициативность и более неформальные отношения между преподавателем и студентом может восприниматься как дезорганизованная или даже провокационная. Такое несоответствие ожиданий и реальности лежит в основе культурного шока – феномена, описанного ещё в 1950-х годах К. Обергом [19] и до сих пор остающегося ключевым понятием в межкультурной психологии и педагогике.

В современных исследованиях (С. Г. Тер-Минасова, Ю. Е. Прохоров, А. Ю. Питерова и др.) подчёркивается, что культурный шок – это не просто стрессовая реакция, а стадия когнитивной перестройки, в ходе которой формируется новая, более гибкая модель восприятия «другого» [10; 11; 12; 16; 17]. Однако без педагогической поддержки этот процесс может затянуться, привести к социальной изоляции, снижению мотивации и даже к досрочному прекращению обучения [7].

В этой связи особую роль приобретают дисциплины, специально ориентированные на развитие межкультурной компетентности. Курс «Межкультурная коммуникация», включённый в учебные планы многих российских вузов для иностранных студентов, предоставляет уникальное пространство для осмысленного проживания культурного шока – не как кризиса, а как возможности для личностного и профессионального роста.

С позиции культурологов, таких как Ю. М. Лотман [6], культурный шок возникает тогда, когда субъект сталкивается с непривычной семиосферой (иначе говоря, пространством для коммуникации), в которой знаки и символы несут иной, незнакомый смысл. Именно поэтому даже такие «мелочи», как количество цветов в букете или стиль общения, становятся точками культурного напряжения. Когда студент из Китая сталкивается с российской повседневностью – от структуры и нормы вежливости до практики обучения – он не просто замечает «странности», а вступает в контакт с иной семиотической системой, где привычные знаки (например, цветы, тишина в транспорте, стиль общения с преподавателем) несут иной смысл. Более того, повседневная жизнь для него становится не просто фоном, а носителем новых, незнакомых ментальных установок, посредством которых проявляется исторически сложившаяся картина мира. Таким образом, даже бытовые наблюдения китайских студентов («почему русские съели мороженое на морозе?», «почему в гости можно приходить без разрешения?») могут быть интерпретированы как попытка расшифровать глубинные культурные коды русской цивилизации, такие как романтизация природы, коллективная ответственность, ритуалы гостеприимства и т. п. И здесь культурный шок становится не просто педагогической проблемой, а культурологическим феноменом, требующим анализа через категории культуры: семиосферу, код, ментальность, символичность, репрезентацию. Только такой подход позволяет увидеть в поверхностном удивлении столкновение мировоззренческих основ, что делает исследование культурного шока частью культурологического вопроса.

Исследование явления культурного шока в его начальной фазе – у первокурсников – является крайне актуальным, поскольку именно этот период определяет дальнейшую успешность их обучения и социализации.

Целью настоящего исследования является анализ культурного шока у китайских студентов-первокурсников через призму создания национальных культурных кодов, символов и повседневных практик в российской социокультурной среде.

Задачи исследования:

- выявить и систематизировать ключевые аспекты российской социокультурной и образовательной среды, вызывающие наибольшее удивление и затруднения у китайских студентов-первокурсников;
- интерпретировать эмпирические данные проявления культурного шока через культурный код, символ, репрезентацию, ментальный стереотип;
- описать и обосновать педагогические приёмы, используемые в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация» для осмысления и преодоления культурного шока (в частности, совместную экскурсию с российскими студентами и ведение «культурного дневника»);
- обосновать роль рефлексивной практики как средства трансформации культурного шока в ресурс межкультурного взаимодействия.

Взаимодействие с иной культурной парадигмой, выходящее за пределы привычных границ национальной идентичности, зачастую сопровождается когнитивным диссонансом и переживанием стресса у участников межкультурного общения [8]. Как отмечается в научной литературе, «все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми при сопоставлении иностранных языков с родным и чужой культуры со своей родной, привычной» [16, 34; 17]. Это столкновение с «другим» инициирует процесс, известный как культурный шок.

Культурный шок представляет собой сложное психологическое и эмоциональное состояние, возникающее при непосредственном личном контакте с представителями иной культуры. Он характеризуется осознанием резкого расхождения в материальных и духовных аспектах двух культурных систем и проявляется в виде непонимания, искажённой интерпретации или прямого неприятия чужих норм и ценностей с позиций собственной культурной матрицы [5, 11]. Этот феномен является неотъемлемой частью процесса адаптации, который, как правило, проходит через несколько последовательных стадий. Начальный этап, часто называемый «медовым месяцем», характеризуется оптимизмом и повышенным интересом к новизне [7]. Однако он вскоре сменяется фазой разочарования, депрессии и фрустрации, когда на первый план выходят трудности в коммуникации, бытовые неудобства и чувство изоляции.

Отсутствие глубоких межкультурных знаний и компетенций может привести к серьёзным коммуникативным сбоям. Как подчёркивается в исследованиях, «использующий иностранный язык должен научиться понимать, почему люди другой культуры поступают определённым образом в каждой конкретной коммуникативной ситуации» [5, 37]. Только постепенно, в процессе длительного взаимодействия, у индивида формируется понимание того, что каждая культура обладает собственной, внутренне непротиворечивой системой правил поведения, что является ключевым фактором успешной интеграции в новую социокультурную среду [9; 10]. Эмпирические наблюдения подтверждают данную модель [1; 10; 11].

Так, китайские студенты, прибывающие в Россию для изучения русского языка, как правило, сталкиваются с глубоким культурным шоком. Их первоначальные, часто романтизированные представления о России, сформированные в условиях обучения в Китае, резко расходятся с реальностью российской языковой и культурной среды. Это столкновение с новой реальностью, включающее различия в поведении, менталитете и повседневных нормах, становится мощным катализатором для переосмысления собственных установок и формирования более сложной и адекватной картины мира [13; 14].

Методология исследования. Теоретической основой настоящего исследования стали фундаментальные труды отечественных и зарубежных учёных в области культурологии, межкультурной коммуникации, лингводидактики и адаптационной психологии: Ю. М. Лотмана, С. Г. Тер-Минасовой, Ю. Е. Прохорова, Л. С. Крючковой, А. Ю. Питеровой, а также классические работы К. Оберга и Г. Хофстеде по феномену культурного шока. В качестве базовых концепций были использованы:

- теория культурного шока как многоэтапного процесса адаптации;
- модель межкультурной компетентности, предполагающая развитие когнитивной, аффективной и поведенческой составляющих;

– деятельностный подход к обучению, согласно которому освоение межкультурного опыта происходит через включение в реальные коммуникативные и социокультурные практики.

Методологический каркас исследования построен на комплексном подходе, объединяющем социокультурный, рефлексивно-деятельностный и личностно-ориентированный аспекты:

– Социокультурный подход позволяет рассматривать культурный шок не как индивидуальную патологию, а как закономерный результат столкновения двух культурных систем, требующий педагогической поддержки.

– Рефлексивно-деятельностный подход акцентирует внимание на том, что преодоление шока происходит не пассивно, а через активную рефлексию собственного опыта и осмысленное участие в межкультурных ситуациях.

– Личностно-ориентированный подход подчёркивает ценность каждого студента как субъекта адаптации, чьи чувства, переживания и интерпретации являются ключевым объектом анализа.

Эмпирическую базу исследования составили 127 китайских студентов-первокурсников всех направлений подготовки Владивостокского государственного университета (ВВГУ), обучающихся в 2024-2025 учебном году. Сбор данных осуществлялся комплексно:

– анкетирование с открытым вопросом «Что вас удивило, когда вы приехали в Россию?» позволило получить искренние, неструктурированные высказывания, отражающие первоначальный опыт культурного столкновения;

– анализ письменных работ студентов по заданию «Мой культурный дневник» дал возможность отследить динамику осмысления культурных различий в течение семестра;

– наблюдение за участием студентов в совместных мероприятиях (включая экскурсии с российскими наставниками) позволило зафиксировать поведенческие проявления адаптации и снижения тревожности.

Полученные качественные данные были подвергнуты контент-анализу с последующей тематической кодификацией. Все ответы были систематизированы по смысловым категориям, после чего рассчитаны процентные соотношения для выявления доминирующих аспектов культурного шока. Такой многоуровневый подход обеспечил достоверность и глубину интерпретации эмпирических результатов.

Результаты исследования и их обсуждение. В рамках данного исследования был проведён опрос среди китайских студентов на тему «Что вас удивило, когда вы приехали в Россию»? В опросе приняли участие обучающиеся 1-го курса всех направлений и профилей подготовки ВВГУ в 2024-2025 учебном году.

Рассмотрим некоторые выдержки из ответов студентов и приведём систематизированные данные в виде таблицы. В отдельных ответах студентов были даны факты и комментарии к ним, например: «В России в помещениях сильно греют, и считается невежливым оставаться в верхней одежде и шапке внутри»; «В российских квартирах, офисах и общественных местах запрещено курить»; «В транспорте и на улице важно соблюдать умеренную громкость разговоров»; «Принято приходить в гости с шоколадом, цветами или алкоголем (например, вином или водкой)»; «В супермаркете много сортов йогурта и ягод, которых вы никогда не видели»; «Русские люди сначала кажутся строгими, но на самом деле очень добрые и гостеприимные»; «Русская доставка часто задерживается – иногда курьеры просто идут пешком по многоэтажкам»; «Школьные зимние каникулы длятся около недели (обычно с 1 по 8 января)»; «Большинство русских пьют чай с сахаром, мёдом или вареньем несколько раз в день».

Были отмечены и такие отличительные черты, которые касаются именно местного, приморского, колорита: «Еда меня удивила. Хлеб был особенно велик, твёрдый и ароматный. И все виды морепродуктов, ноги императорского краба толстые, как моя рука!»; «Ветер у моря сильный, а гулять по морю вечером приходится в пальто»; «К моему большому удивлению, многие люди здесь говорят по-китайски, и общение при покупке намного проще, чем я думал! Владивосток – город, полный сюрпризов»; «У местных жителей по-прежнему высокий уровень художественной грамотности, и на улицах и переулках ощущается сильная художественная атмосфера»; «Я был шокирован обширностью моря, которое я увидел из самолёта»; «Уникальный архитектурный стиль: в

городе есть здания с отпечатками советской эпохи, а также недавно построенные высотные здания и здания в русском стиле, которым десятки лет»; «По дороге в ВВГУ на университетском автобусе мы все были удивлены красотой заката. Это было так красиво! Мой родной город находится в центре страны, с множеством высотных зданий, но я редко вижу огромное небо и большие площади горящих облаков»; «Ночью Владивосток ярко освещён, и ночной вид очень красив, создавая ощущение, отличное от дневного городского пейзажа»; «Поскольку это дальневосточный город, здесь проживает большое количество иностранных студентов и туристов из разных стран Восточной Азии, а на улицах много китайских и японских ресторанов»; «Помимо традиционных русских деликатесов, таких как борщ, чёрный хлеб, икра и т. д., вы также можете попробовать деликатесы, вобравшие в себя восточноазиатские особенности»; «Во время прогулки почти каждые несколько минут можно увидеть статую».

Анализ ответов китайских студентов позволил выделить несколько категорий факторов, вызывающих культурный шок:

1. Быт (поведение в общественных местах, жизнь города, доставка, еда, дороги), в котором особое место китайцы отводят еде («Российский “Оливье” занимает центральное место на новогоднем столе»; «Медовый торт настолько сладкий, что его лучше есть с чаем – это идеальное полдник»; «Кафе и рестораны могут предложить очень вкусные блюда, в том числе и традиционную русскую кухню»; «Российское молоко особенно вкусное, ароматное и насыщенное по вкусу»), также отмечаются любовь русских к прогулкам на природе («Русские обожают прогулки. По утрам и вечерам многие гуляют часами, даже в морозы»; «Русские любят природу, и вы часто увидите людей на прогулках в лесах и парках»), специфика жизни в городе («Весёлая и активная вечерняя жизнь в городе, с концертами, театральными постановками и другими мероприятиями»). Отдельно выделяется такая особенность, как тишина в общественном транспорте («В поездах России так тихо, что слышно дыхание, люди здесь очень культурные»; «В автобусах особенно тихо, все читают книги или слушают музыку, никто не разговаривает громко»).

2. Национальные черты («Люди здесь очень страстные. Когда я спросил дорогу, хотя язык не был понятен, кто-то взял телефон, чтобы помочь мне проверить карту, и нарисовал маршрут, чтобы показать мне»; «Русские высокие»; «Поначалу русские могут показаться сдержанными, но, когда они узнают вас получше, они становятся очень добрыми и открытыми»; «Русские едят мороженое при температуре минус 30 градусов»; «Во время дождя многие россияне не используют зонтики»; «Русские очень доброжелательны к голубям»).

3. Архитектура («Стены зданий в некоторых старых районах могут быть очень толстыми, сделаны из камня или кирпича»; «Меня удивили церкви с золотыми куполами»).

4. Традиции («Принято не курить в помещениях»; «В гости нельзя без подарка»; «Русские любят дарить цветы нечётным количеством»; «В помещениях России обязательно нужно снимать пальто и шапку»).

5. Природное богатство («Владивосток расположен на берегу Японского моря, и морские виды здесь очаровательны»; «Прекрасное природное наследие. Я видел леса, широкие реки и величественные горы. Особенно впечатляет небо и звёздное небо на окраинах городов, которые не похожи на то, что я видел раньше»).

6. Культурное наследие («Здесь находится множество музеев и галерей, богатых культурным и историческим наследием»).

Результаты анкетирования отражены в табл. 1.

Таблица 1

Ответы на вопрос «Что вас удивило, когда вы приехали в Россию?»

Варианты ответа	%	Варианты ответа	%
Быт	62	Традиции	13
Национальные черты	12	Природное богатство	6
Архитектура	4	Культурное наследие	3

Полученные результаты показывают, что культурный шок китайских студентов-первокурсников является многогранным явлением. Хотя в условиях культурного шока у китайских студентов преобладают бытовые (62 %) и социальные аспекты (13 %), некоторые также отмечают особенности российской образовательной культуры: неформальный стиль общения с преподавателями, поощрение критического мышления и самостоятельности. Эти наблюдения не были выделены в какой-либо статистический значимый признак (не набрали высокие проценты при опросе), но они показали, что шок может быть зафиксирован и в культурной академической сфере. При этом речь идёт не о трудностях в процессе освоения учебных дисциплин, а о дезориентации в коммуникативных и поведенческих нормах учебной среды, например, в том, как принято задавать вопросы, как строится диалог с преподавателем, как выразить своё несогласие и т. п. Ответы студентов подтверждают классическую модель культурного шока [1; 9; 10], где на первом этапе доминируют поверхностные, легко наблюдаемые различия.

Особую значимость имеет тот факт, что студенты уже на начальном этапе замечают и пытаются осмыслить различия в образовательной среде. Это свидетельствует об их высокой рефлексивности и готовности к адаптации. Их удивление по поводу более демократичных отношений с преподавателями и активного стиля обучения указывает на потенциал для развития критического мышления и самостоятельности.

Кроме того, ответы о расхождении с национальными стереотипами показывают, что процесс адаптации начинается с переоценки собственных, личных установок. Это важный шаг к формированию более точной и сложной картины мира другой культуры. Когда китайские студенты сталкиваются с культурными кодами России («золотые купола», «старые каменные и кирпичные стены», «множество статуй на стенах домов»), это не просто реакция удивления на непривычную архитектуру, это встреча с визуальной семиотикой российской идентичности, где архитектура и публичное пространство выступают носителями памяти прошлого. Нормы «не курить в доме» и «говорить тихо в транспорте» – это не просто правила вежливости, а проявления коллективной ответственности и сдержанности, выходящие за пределы традиций общинности и внутренней дисциплины. Таким образом, даже бытовые наблюдения студентов могут быть интерпретированы как восприятие глубинных культурных смыслов, что обеспечивает необходимость культурологического подхода к анализу адаптационного опыта.

Полученные данные подтверждают, что культурный шок у китайских студентов носит комплексный характер и затрагивает как повседневные, так и ценностно-нормативные уровни взаимодействия с новой средой [11]. В этих условиях особенно важна не просто диагностика проявлений шока, но и целенаправленная педагогическая работа, способствующая его осмыслению и трансформации в ресурс межкультурного роста. Не последнюю роль в этом играет коммуникативный подход в преподавании, подразумевающий внедрение в образовательный процесс таких заданий, которые помогают реализовать речевые акты в различных коммуникативных обстоятельствах [2–4]. В рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация» разработаны и апробированы практические задания, которые позволяют студентам не только зафиксировать свои затруднения, но и совместно с преподавателем и российскими сверстниками интерпретировать их через призму культурных различий [12]. Считаем, что такой подход способствует снижению тревожности, развитию рефлексивности и формированию устойчивых стратегий адаптации. Происходит некий «диалог культур» – не в абстрактно-философском, а в практическом, повседневном смысле [15]. Студенты не просто получают информацию о российских нормах и традициях, но вступают в живое взаимодействие с их носителями – российскими сверстниками, преподавателями, горожанами. Именно в этом взаимодействии формируется не стереотипное, а личностно осмысленное понимание другой культуры. Диалог становится возможным тогда, когда «чужое» перестаёт восприниматься как угроза или отклонение от нормы, а начинает рассматриваться как альтернативный способ бытия, имеющий собственную логику и ценность. Такой подход соответствует гуманистической парадигме межкультурной коммуникации, в которой главной целью является не ассимиляция, а взаимное обогащение культурных репертуаров. В рамках учебной дисциплины «Межкультурная коммуникация» этот диалог специально структурируется через рефлексивные задания и

совместные практики, что позволяет трансформировать первоначальный культурный шок в ресурс для личностного и профессионального роста.

Далее в ходе обучения китайским студентам предлагаются специальные задания, направленные на осмысление и преодоление культурного шока. К числу таких заданий относятся совместные экскурсии по Владивостоку с российскими студентами-наставниками. В ходе экскурсии китайские студенты не только знакомятся с историческими и культурными достопримечательностями города, но и в неформальной обстановке обсуждают различия в повседневных привычках, нормах вежливости, восприятию личного пространства и времени. Такой формат позволяет снизить тревожность, связанную с «чуждостью» городской среды, и способствует формированию первых устойчивых межкультурных контактов. В рефлексивном задании «Мой культурный дневник» студенты фиксируют ситуации, вызвавшие у них недоумение, дискомфорт или удивление (например, стиль общения с преподавателем, поведение в транспорте, особенности питания). На последующих занятиях эти записи анализируются в группе под руководством преподавателя через призму культурных различий (индивидуализм/коллективизм, контекстуальность общения, отношение к иерархии). Это задание помогает трансформировать культурный шок в ресурс для личностного и межкультурного роста.

Заключение. Исследование, проведённое в рамках преподавания дисциплины «Межкультурная коммуникация», позволило получить ценные эмпирические данные о первоначальных впечатлениях китайских студентов-первокурсников. Анализ их ответов на вопрос «Что вас удивило?» выявил, что культурный шок проявляется в трёх основных сферах: бытовой, образовательной и социальной. Удивление, выраженное студентами, является признаком не только стресса, но и активного познавательного процесса. Оно свидетельствует о том, что студенты внимательно наблюдают за новой средой и пытаются её понять.

Явление культурного шока может выступать катализатором возникновения межкультурных коммуникативных ошибок, которые, в свою очередь, зачастую воспринимаются участниками общения как стрессогенные и болезненные, порождая недопонимание и дезориентацию [18]. Достичь подлинного взаимопонимания в условиях межкультурной коммуникации возможно лишь при условии транслингвистической компетенции, предполагающей не просто владение лексико-грамматической системой изучаемого языка, но и глубокое освоение его культурного контекста, национальных стереотипов поведения и специфики языковой картины мира носителей языка [5].

Этот процесс адаптации и переосмысления собственных установок наглядно иллюстрируется на примере рефлексии одной из китайских студенток, проходящих обучение в России: «Все эти различия должны быть, это характеристика каждого национального государства. Мы приехали сюда, полные глубоких чувств и переживаний. Но у нас здесь всё хорошо, и нам очень интересно изучать русский язык и русскую жизнь. Россия оказалась совсем не такой, как я представляла, и это было прекрасно!». Данные высказывания демонстрируют переход от первоначального удивления и осознания культурного диссонанса к этапу аккультурации, когда различия перестают восприниматься как угроза, а становятся объектом познавательного интереса и ценятся как неотъемлемая часть уникальной национальной идентичности. Здесь можно говорить о том, что шок у китайских студентов следует рассматривать не только как социальную адаптацию, но и как феномен культурного порядка – как столкновение двух семиосфер, каждой из которых свойственна собственная логика кодирования реальности. Понимание этого позволяет не просто «снижать тревожность», но и включать студентов в диалог культурных кодов, где этот признак становится не барьером, а ресурсом взаимного обогащения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут быть напрямую использованы для совершенствования программ адаптации иностранных студентов, в том числе через внедрение таких практико-ориентированных заданий, как совместные экскурсии и ведение «культурного дневника», которые уже показали свою эффективность в рамках дисциплины «Межкультурная коммуникация». Университетам следует разрабатывать специальные модули, которые бы заранее информировали студентов о ключевых различиях в быту, образовании и социальных нормах, помогая им подготовиться к возможным трудностям и снизить уро-

вень стресса. Это, в свою очередь, повысит психологическую удовлетворённость иностранных студентов и, как следствие, их академическую успеваемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбергенова, Г. А. Культурный шок и обратный культурный шок в психологических исследованиях / Г. А. Азбергенова // Вестник КРСУ. – 2016. – № 12 (16). – С. 140-143.
2. Борзова, Т. А. Формирование профессиональной компетентности студентов в процессе прохождения производственной педагогической практики / Т. А. Борзова, О. А. Воронина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13. – № 4 (49). – С. 25-28.
3. Борзова, Т. А. Специфика применения тренинговых технологий на занятиях по РКИ / Т. А. Борзова, О. А. Воронина // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3 (100). – С. 157-159.
4. Воронина, О. А. Коммуникативный подход в преподавании РКИ (на примере дисциплин «Практикум по межкультурной коммуникации», «Практический курс русского языка», «Общий научный стиль речи») / О. А. Воронина, О. Д. Ли // Актуальные проблемы преподавания РКП: материалы Междунар. науч.-практ. и научно-метод. конф. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2022. – С. 52-57.
5. Крючкова, Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие / Л. С. Крючкова, Н. В. Мощинская. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 480 с.
6. Лотман, Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – 479 с.
7. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр., под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – 603 с.
8. Москалюк, В. М. Культурный шок в пространстве современного социума: философский анализ / В. М. Москалюк // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2024. – № 3 (51). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-shok-v-prostranstve-sovremennogo-sotsiuma-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 01.10.2025). – Текст: электронный.
9. Персикова, Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура / Т. Н. Персикова. – М.: Логос, 2002. – 224 с.
10. Питерова, А. Ю. Особенности межкультурной коммуникации / А. Ю. Питерова, Е. А. Тетерина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1, ч. 2. – С. 75-79.
11. Питерова, А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2014. – № 4 (8). – С. 159-172. – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/piterova_ayu_14_4_17.pdf (дата обращения: 19.08.2025). – Текст: электронный.
12. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 328 с.
13. Смолина, Т. Л. Симптомы культурного шока: обзор и классификация / Т. Л. Смолина // Психолого-педагогические исследования. – 2012. – № 3 (4). – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2012_n3/55598 (дата обращения: 19.09.2025). – Текст: электронный.
14. Стрелкова, Н. В. Причины возникновения культурного шока / Н. В. Стрелкова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2012. – № 2. – С. 131-136.
15. Судакова, А. В. Особенности ментального дискурса в процессе интерактивного обучения студентов иностранному языку / А. В. Судакова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 60-64.
16. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // Вестник культурологии. – 2002. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-g-ter-minasova-yazyk-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya> (дата обращения: 30.09.2025). – Текст: электронный.
17. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 341 с.
18. Шабанов, А. А. Феномен культурного шока в системе глобализационных процессов / А. А. Шабанов // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 164-169.
19. Oberg, K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. – № 7. – P. 177-182.

Брейтман А. С.
A. S. Breitman

КИТАЙСКИЙ НЕОРЕАЛИЗМ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МИРОВОЙ ФЕНОМЕН

CHINESE NEOREALISM AS A NATIONAL AND GLOBAL PHENOMENON

Брейтман Александр Семёнович – профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Alexander S. Breitman – Professor, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Аннотация. На рубеже 70-х – 80-х гг. XX в. коммунистическое руководство Китая объявило о завершении Культурной революции и борьбе с господствующим в искусстве и в целом в культуре догматизмом. По мнению большинства китайских гуманитариев, именно идеологическая установка руководства стала отправной точкой для появления такого принципиально нового явления в художественной культуре Китая, как неореализм. Утверждение, спорное внешне, внутренне правомерно. Учитывая традиционные в китайской культуре особенности соотношения власти и народа, следует признать, что демократические преобразования китайского социума, в том числе появление новых течений в искусстве, были возможны лишь по инициативе самого государства, заинтересованного в реформах. В научных кругах Китая китайский неореализм в целом воспринимается как своеобразный полемический «ответ» традиционно-нормативному искусству возвратившихся в страну студентов, обучавшихся живописи в европейских и российских вузах. Одновременно, по тем же оценкам, китайское направление отличается от европейского по форме и содержанию, т. к. в нём отразились современный национальный характер и дух времени. Автор статьи не ставил перед собой задачи систематического рассмотрения работ творцов китайского неореализма. Для примера предложено несколько получивших мировое признание работ, репрезентативных, как представляется, для характеристики самого явления.

Summary. At the turn of the 70s and 80s of the twentieth century, the communist leadership of China declared the end of the Cultural Revolution and the fight against the dogmatism that dominated art and culture in general. According to the majority of Chinese humanities scholars, it was the ideological attitude of the leadership that became the starting point for the emergence of such a fundamentally new phenomenon in the artistic culture of China as neorealism. The statement, controversial on the outside, is internally legitimate. Considering the traditional features of the relationship between power and people in Chinese culture, it should be recognized that democratic transformations of Chinese society, including the emergence of new trends in art, were possible only on the initiative of the state itself, interested in reforms. In scientific circles in China, Chinese neorealism is generally perceived as a kind of polemical «response» to the traditional-normative art, including the ideologically committed socialist realism, of students who returned to the country after studying painting in European and Russian universities. At the same time, according to the same assessments, the Chinese trend differs from the European one in form and content, since it reflects the «modern national character and spirit of the times». The author of the article did not set himself the task of systematically examining the works of the creators of Chinese neorealism. As an example, several works that have received worldwide recognition are proposed, representative, as it seems, for characterizing the phenomenon itself.

Ключевые слова: неореализм, традиция, реформирование, конфуцианство, даосизм, культурная революция, соцреализм, «родной реализм», почвенничество.

Key words: neorealism, tradition, reformation, Confucianism, Taoism, cultural revolution, social realism, «native realism», pochvennichestvo.

УДК 7.037.7(510)

Обучение иностранцев в вузах России сегодня обычная практика. В общем потоке бакалавров, магистрантов и аспирантов самые многочисленные – граждане Китая. В сложившейся социокультурной (включая и проблемы образования) ситуации это важный фактор, и его нельзя не учи-

тывать. С одной стороны, наличие довольно многочисленного контингента иностранцев порождает проблемы, связанные с уровнем языковой подготовки (см. прим. 1), особенно если это касается дисциплин, более того, исследований, гуманитарного профиля. С другой – ещё немногочисленные исследования китайских соискателей научных степеней по проблемам китайской культуры (речь идёт о диссертациях, выполненных на русском языке) позволяют и оценить степень востребованности в Китае тех или иных переведённых на китайский язык работ российских и европейских авторов, и получить «из первых рук» информацию о социально-культурных процессах и трансформациях в современном китайском социуме.

Китайский неореализм: истоки. Информация «из первых рук» позволяет, как представляется, с достаточно высокой степенью достоверности говорить о таком давно перешагнувшем национальные границы, но недостаточно у нас изученном культурном феномене, как китайский неореализм. Так, в диссертационном исследовании практикующего китайского художника Чжао Шуая «Философско-культурологический дискурс китайского неореализма: на материалах современного изобразительного искусства» [1] сформулирован тезис о влиянии официально транслируемых философско-культурологических и художественно-интеллектуальных установок на современное искусство Китая. Более того, автор подчёркивает, что именно идеологическая установка оказалась первичной относительно самого искусства.

Такое утверждение, казалось бы, противоречит принятым у нас представлениям о том, что «интуитивный зонд» художника хотя бы на шаг опережает логику и «рацио» учёного или философа в отыскании болевых точек человеческого бытия. Иными словами, художник, интуитивно нащупывая эти точки, задаёт «вопросы», а свои «ответы» на них пытаются найти философы-мыслители, идеологи-теоретики и политики-практики. В данном же случае, учитывая традиционные в китайской культуре особенности соотношения власти и народа, следует признать, что демократические преобразования китайского социума, как и рождение нового искусства, были возможны лишь по инициативе самого государства, заинтересованного в реформах. Реформирование «сверху» во избежание смертельно опасного гражданского противостояния, вероятно, и наиболее желательно, и безопасно для таких сверхцентрализованных государств, каким был (по ключевым позициям и остаётся) Китай (см. прим. 2) в силу особенностей его почти пятитысячелетней истории. С учётом социально-культурных преобразований в общественной жизни Китая последних примерно четырёх десятилетий вполне обоснованной представляется предложенная Чжао Шуаеи трёхступенчатая модель становления современного китайского искусства, или китайского неореализма (см. прим. 3) [1]:

1-й этап – реформаторское движение 1980-х гг., инициированное решениями 11-го съезда ЦК КПК (1977 г.) о завершении Культурной революции и о борьбе с господствующим в искусстве и в целом в культуре догматизмом, а также о новых подходах к стандартам истины.

2-й этап (1980–1990-е гг.) – эмансипация художественной мысли от стереотипов Культурной революции, обусловленная развернувшейся в научных сообществах и кругах творческой интеллигенции дискуссией о критериях истины и гуманизме, о правильном и неправильном, подлинном и неподлинном в идеологии.

3-й этап (1990-е гг. – по н. в.) – новая образовательная политика открытости миру в системе высшего образования, в том числе реформа художественного образования и формирование университетского академического сообщества, обеспечивающая продолжение дальнейшего реформирования культуры.

Что имеют в виду китайские творцы и интеллектуалы, говоря о китайском неореализме?

Например, Дань Хуэй в статье «О взаимном проникновении и процветании китайского и западного искусства» видит причины нового и в метаморфозах политического режима, и в политике реформ, и в мировоззренческих трансформациях, и в поисках нового взгляда (см. [1]). Суждение китайского учёного перекликается с выводами М. А. Неглинской о том, что самые заметные западные влияния на изобразительное искусство Китая юхуа и гохуа ощущаются в новых для Китая инсталляциях и перформансах, существующих в русле концептуализма. Вместе с тем, по мнению российского автора, китайскую версию модернизма скрепляет та же автохтонная традиция, способствующая сохранению национальных основ культуры [2]. В целом же в самом Китае китай-

ский неореализм воспринимается как своеобразный полемический «ответ» на реалистическое искусство и изменения общественной жизни, возникшие после возвращения в страну студентов, обучавшихся живописи в европейских и российских вузах. Одновременно, по тем же оценкам, китайское направление отличается от европейского по форме и содержанию, т. к. в нём отразились «современный национальный характер и дух времени» [1]. Отсюда и попытка определить китайский неореализм как *плюралистический, открытый творческий подход, сформированный сочетанием реалистических и модернистских факторов: фиксацией реальных социокультурных и политических проблем современного китайского общества, с одной стороны, с другой – субъективным восприятием действительности, порождающей новые формы изображения, не редуцируемые к отражению реальности* [1].

Не вступая в полемику с китайскими авторами, всё же предположим, что под реалистическим искусством, от которого они отталкиваются, понимается китайский социалистический реализм, обусловленный идеологическими установками Культурной революции. Разве в произведениях Караваджо или Сурикова, Флора или Достоевского мало особенного и субъективного? Тем более о каком-либо редуцировании реальности, т. е. сведении её к более простым, упрощённым формам, здесь говорить не приходится. Китайским исследователям самого феномена китайского неореализма в ближайшем будущем ещё, видимо, предстоит развести понятия недавнего прошлого и актуального настоящего и сформулировать ясные сравнительные дефиниции.

С начала 80-х гг. прошлого века, по признанию китайских исследователей [3; 4; 5], в интеллектуальной среде Китая наблюдается «переводческий бум» по освоению иностранной, русской и европейской, философской и искусствоведческой литературы. Как и во всём остальном, китайцы подходят к делу основательно. Для выработки «нового мышления» китайским реформаторам понадобилось пройти сложный путь от гегелевских «Логик» (перевод Ян Ичжи), «Феноменологии духа» (перевод Хэ Линя и Ван Цзюсяна) и «Эстетики» (перевод Чжу Гуанцяня); «Трёх основных суждений» Канта (перевод Дэн Сяомана); «Фильма 1. Движение – Образ» и «Фильма 2. Движение – Образ» Делёза (перевод Хуан Цзяня) до «Сущности эстетической ценности» Л. Столовича (перевод Лин Цзяо) и т. д.

В указанный период в китайской науке появились крупные специалисты в области гуманистической западной культуры. Одних только публикаций на интересующую нас тему известного философа-эстетика Дэн Сяомана (от «Программы западной эстетической истории» и «Об эпистемологической структуре эстетики Канта и её трансформации» до «Красоты в современном искусстве» и «Симфонии жёлтого и синего – сравнительная теория китайской и западной эстетики») в научной периодике Китая 1983-2019 гг. удалось насчитать не менее полутора десятка.

Вместе с тем давно известен интерес китайских историков и культурологов к важнейшим событиям русской истории. Так, в работе кандидата культурологии Чэнь Ци «Образы современной России в культуре Китая (1991-2019)» упоминается книга «Россия: от истории в будущее», в которой известный россиевед Цзян Чанбинь формулирует вопрос: «Как Великое Княжество Московское, лишь к середине 15-го века создавшее своё собственное национальное государство (см. прим. 4) на краю Европы с территорией всего 430 000 квадратных километров и населением 3 млн человек, спустя чуть более столетия, во второй половине 16-го века увеличилось территориально более чем в 10 раз... А с момента основания династии Романовых и до окончания Второй мировой войны занимало уже 1/6 часть всей земной суши?» [6].

Также не может не вызывать интереса и положение об известной близости российских и китайских научных школ в осмыслении изучаемого явления. Например, в уже упомянутом диссертационном исследовании Чжао Шуая приводится цитата из последнего интервью известного российского литературоведа П. Палиевского медиасайту от 9 октября 2019 г.: «Художественный образ в русской культуре есть не просто художественное украшение каких-то идей, а, напротив, выражение самих этих идей, ещё не расчленённых в рациональных категориях, не превращённых в какой-то там канон. Это и есть наша национальная идея ... одно из важнейших проявлений всемирного движения к общей правде» [7]. В контексте «новой истории Китая» позиция русского учёного, связавшего формирование художественных ценностей с движением национальной истории, в представлении Чжао Шуая [1] является ключом в осмыслении нового искусства Китая.

Вышеприведённые соображения позволяют предположить, что неореализм с китайской спецификой только и мог возникнуть на пересечении культур: традиционной восточной (китайской) и гуманистической западной (европейской и русской).

Китайский неореализм: особенности. Знакомство с работами китайских авторов [1; 3; 4; 5; 8] позволяет в целом определить важнейшие основания и особенности китайского неореализма.

– Во-первых, его социальная обусловленность, т. е. поворот от мифологизации и героизации действительности к активной вовлечённости в реальную жизнь. Активная урбанизация традиционно земледельческого полутора миллиардного Китая рубежа XX–XXI вв. сопровождалась появлением целой армии кочующих между городом и деревней «земледельцев», так и не приспособившихся к городским условиям. Остроактуальная тема «сельского общества» затрагивала не только крестьян, но и проживающих в городах «трудолюбивых-мигрантов». Именно в работах последних и определилась основанная на принципе подлинности первая волна «родного реализма», в чём-то созвучная русскому «почвенничеству» в живописи. «Маленький человек», крестьянин, пастух, представитель этнического меньшинства, а не сконструированный исторический персонаж или носитель передовой идеологии становится выразителем величия нации. Именно в его простоте и «невинной природе» заключены «вечные ценности истины, добра и красоты» [1]. Это наблюдение перекликается с утверждением другого исследователя китайского неореализма Чжэна Гана, по мнению которого важным оказывается «не то, как превратить жизнь в искусство, а то, как превратить искусство в практический смысл жизни» [8]. Во внимании к жизни и проблемам маленького человека, безусловно, прослеживается влияние русской «натуральной школы», особенно не раз переводимых в Китае произведений Гоголя и Достоевского.

– Во-вторых, формирование нового, авторски индивидуализированного и эмоционально-образного языка через преодоление застывших традиционных форм в искусстве. В 1980-е гг. в рамках прерванного в период Культурной революции радикального культурно-просветительского «Движения 4 мая» формируется находящийся у истоков китайского неореализма жанр посттравматического «шрамового» искусства. Отправной точкой такого посттравматического направления считается рассказ Лу Синьхуа «Шрамы» 1978 г., в котором разоблачался вред, нанесённый Культурной революцией молодому поколению. «Фактически именно с “литературы шрамов”, – по мнению М. Л. Титаренко, – принято вести отсчёт китайского шрамового искусства как широкого художественного течения» [9]. В целом же «искусство шрамов» несло в себе не только опыт художественной рефлексии по поводу коллективных травм и горечи утрат, полученных в период Культурной революции, но и открывало дорогу для синтеза древнего нормативно-традиционного искусства с идеями и методами нового недогматического реализма.

В настоящее время в китайской гуманитаристике отсутствует единственно верная концепция неореализма «с китайским лицом». Но будь то продолжение реализма сродни художественной культуре России 1990-х гг. или самостоятельное и самодостаточное художественное течение современного концептуального искусства, или вообще постмодернизм, объединивший модернизм, гуманизм и неопозитивизм в коллективной постмодернистской рефлексии по поводу традиционной ментальности, перед нами уникальный культурный феномен, своего рода «китайский ренессанс». И здесь сопоставление нового в искусстве Китая с аналогичными процессами в России эпохи перестройки представляется вполне оправданным и продуктивным.

Возникнув в полемике к традиционному, нормативному, идеологически ангажированному искусству, китайский неореализм есть явление неоднородное, объединяющее непохожих, даже казалось бы оппозиционных друг другу авторов. В современных исследованиях, как правило, речь идёт о трёх «волнах» китайского неореализма:

1. *шрамовое искусство*, или поток жизни 80-х гг., соединивший крестьянскую тематику с философскими основами даосизма;

2. *циничный реализм* как «холодный, трезвый взгляд на мир, породивший “серый юмор” современного искусства» [10], первоначально возникший как критическая реакция художников на последствия Культурной революции и трагических событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. В дальнейшем в работах представителей *циничного реализма* 2000-х гг. начинает преобладать скорее

смягчённая юмором ирония, чем сатирическая интерпретация пути, пройденного китайским социумом от коммунизма 70-х гг. до модернизации 2000-х гг.;

3. своеобразное *возвращение к подлинности 80-х гг.* на новом витке 2000-х гг.

Китайский неореализм: основоположники. В ряду представителей трёх волн чаще называют имена Ло Чжунли, Чэнь Дяньцина, Лю Сяодуна, Ли Цзепина, Лю Хайсу, У Цзожэня, Ай Сюаня, Чжу Июна, Сунь Вэйминя, Ван Идуна, У Чанцзяна, Су Синьпина, Фан Лицзюня, Ван Хао, Ван Хуасяна, Ван Цзиньсуна, Ван Юшена, Ван Ху, Лю Цинхэ, Чжоу Цзижуна. Тематика и объём статьи не предполагает систематического рассмотрения работ творцов китайского неореализма. Ограничимся для примера лишь несколькими произведениями, репрезентативными, как представляется, для характеристики самого явления.

Картина Ло Чжунли «Отец» (1979) (см. рис. 1), стоящая у истоков новой живописи, занимает особое место в современной китайской культуре. На жёлтом фоне – портрет старика-крестьянина с загорелым (обожжённым) до черноты покрытым глубокими морщинами лицом. «Тяжкий труд оставил отпечаток на лице и руках сельского труженика. Созданный образ соответствует его внутренней красоте, пронизанной сильным вкусом самой земли», – писал о картине известный китайский теоретик искусства Шао Дачжэнь [11].

Рис. 1. Ло Чжунли «Отец», 1979 г. Масло, холст.
 Национальный художественный музей КНР, Пекин

Новое искусство Китая, включая и полотно Ло Чжунли, уже более четырёх десятков лет вписано в контекст мировой культуры. И здесь хотелось бы отметить некоторое принципиальное сходство китайского неореализма второй половины XX в. и движения русских передвижников второй половины XIX в. Как представляется, «Отец» Ло Чжунли имел примерно то же значение в становлении китайского неореализма, как и «Грачи прилетели» Алексея Саврасова или «Пётр I

допрашивает царевича Алексея» Николая Ге, положившие, по общему признанию, начало русскому передвижничеству.

Крупный план дочерна загорелого и закрубелого до почти полной утраты этнических признаков лица, пересохших губ, приоткрытого рта, обнаруживающего отсутствие передних зубов, и сверхкрупный план держащей пиалу с чаем руки, перехваченного тряпицей пальца и двух других с чёрными ободками ногтей так же выразительны, как и покрытое сеткой глубоких морщин лицо. Ассоциации заставляют вспомнить рембрандтовского «Старика-еврея» из Эрмитажа, в глазах которого отразилась вся неизбывная тоска евреев за две тысячи лет изгнания и скитаний, а заодно его же «Блудного сына» с крупным планом голой, испещрённой морщинами «исстрадавшейся» ступни.

А выставка французских сельских пейзажей XIX в. («малые» полотна К. Коро, Г. Курбе, К. Моне, П. Гогена, А. Дерена, П. О. Ренуара, Ж. Ф. Милле) в Национальном художественном музее Китая в 1978 г. стала переломной в судьбе Чэнь Даньцина, к тому времени известного монументальными портретами деяний председателя Мао. Но именно в его картинах *тибетского цикла* можно наблюдать переход от китайского пропагандистского соцреализма к «негероическому» реализму западного толка. Так в «Тибетских групповых картинах» (1980) (см. рис. 2, 3) затрагивается чрезвычайно важная для китайской культуры тема существования многочисленных этносов внутри одного китайского суперэтноса – в данном случае, драматическая судьба тибетской группы. Таким образом, некогда официально признанный выразитель идей китайского соцреализма Чэнь Даньцин вошёл в историю китайской культуры как оппонент героической модели искусства эпохи Культурной революции. Ставшие событием мира искусств, его картины о Тибете с ярко выраженным национальным колоритом как в стране, так и за рубежом считаются классикой современной реалистической живописи, основанной на творческом восприятии европейских традиций [12].

Рис. 2. Чен Данцин. «Тибетская групповая живопись – Мать и дитя», 1980 г. Масло, холст. Национальный художественный музей КНР, Пекин

Рис. 3. Чен Данцин. «Тибетская групповая живопись – мужчины Канба», 1980 г. Масло, холст. Национальный художественный музей КНР, Пекин

«Основываясь на взаимовлиянии и взаимодействии национального художественного мышления и западных концепций, китайское реалистическое искусство XX – XXI вв., – отмечает Г. С. Гульяева, – воссоздаёт визуальную картину глубокой трансформации социально-

экономической жизни китайского общества, являясь рефлексией драматических событий и духовной практики минувшего столетия» [13].

Как и их русские предшественники, китайские *передвижники* с большим сочувствием и любовью изображают своих «негероических» персонажей. Их искусство, гуманистическое по сути, говорит не только о бедности, но и о своеобразной красоте народного быта, не только о страданиях, но и о силе и стойкости характеров.

«Цинизм» китайского неореализма. «Церемония открытия» (2014) Ли Чжаньяна – многофигурная скульптурная композиция, находящаяся в художественном музее университета Циньхуа, безусловно, может быть отнесена к направлению циничного реализма (см. рис. 4).

Рис. 4. Ли Чжаньян. «Церемония открытия», 2014 г., вид слева.
Художественный музей университета Циньхуа

На переднем плане – парадном фасаде композиции – трое с *государственными* лицами и красными наградными знаками на левой стороне груди (один из них – в военном мундире) (см. рис. 5). Это высшие чиновники, «отцы» города. В их руках ножницы. Через мгновение в трёх местах будет перерезана тяжёлая, украшенная огромными матерчатыми цветами, лента. За спинами «отцов» – юные красавицы, одетые в национальные платья с широкими лентами через грудь. Во втором ряду – преисполненные сознанием важности происходящего, «растроганные» и одновременно «готовые на всё» чиновники второго эшелона (в перспективе ожидающие продвижения в первый).

Далее – остальные... Кто они, эти собравшиеся как бы по собственной инициативе люди?

По мере удаления от первой линии мы наблюдаем, как постепенно пропадает скованность движений, меняются выражения лиц «при исполнении», социальная принадлежность... Вот маленький чиновник из второго ряда, скрытый за спинами высоких и юных красавиц, отвечает на звонок мобильного телефона. А уже в четвёртом-пятом ряду мы видим отнюдь не молодую пару, захваченную разговором... (см. рис. 6).

Если продолжить движение от первой линии, то можно обнаружить, что где-то от середины ближе к концу собравшиеся вообще теряют интерес к происходящему... Что-то привлекло их внимание, и они смотрят совсем в другую сторону... Мы замечаем пьяных, целующихся, дерущихся... Вот жена, пытающаяся удержать в вертикальном положении мужа; вот мужчина, босой и в шортах, тягающий за волосы женщину, брошенные вещи, женская сумочка с вывалившимся из неё содержимым... вот молодая женщина в модном комбинезоне, сосредоточенно глядящая куда-то вверх... (см. рис. 7).

Рис. 5. Ли Чжаньян. «Церемония открытия», 2014 г., вид спереди.
Художественный музей университета Циньхуа

Замыкает «торжественную церемонию» сидящий на каком-то деревянном щите рядом с женщиной, что-то втолковывающей совсем ещё маленькой девочке, нищий инвалид. На его лице боль, отчаяние, слёзы... Рядом – миска с несколькими медяками... (см. рис. 8).

Рис. 6. Ли Чжаньян. «Церемония открытия», 2014 г., вид справа.
Художественный музей университета Циньхуа

Рис. 7. Ли Чжаньян. «Церемония открытия», 2014 г. Фрагмент.
 Художественный музей университета Циньхуа

В первом приближении перед нами некая аллегория китайского социума – от государственных лиц из заоблачных высей до социальных низов, озабоченных простым выживанием... В целом же образ церемонии открытия перерастает национальные рамки. Социальное неравенство со всеми его причинами и следствиями есть неизменный атрибут любого иерархического общества, будь то европейская демократия или восточная деспотия.

Рис. 8. Ли Чжаньян. «Церемония открытия», 2014 г., вид сзади.
 Художественный музей университета Циньхуа

Вместе с тем в «*Церемонии открытия*» нет поспешного стремления обличить это неравенство... Слишком ещё памятны уроки Культурной революции. На месте сатиры здесь, скорее, юмор; вместо обличения – рождённая опытом ирония: *что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...* [14].

И ещё одна немаловажная деталь: несмотря ни на что «*Церемония открытия*» проникнута любовью автора к своему народу. А это главное.

Перспективы китайского неореализма: манифест Тайцзы. В первых десятилетиях XXI в. китайская цивилизация, пережив за свою пятитысячелетнюю историю величайшие взлёты и падения, вопреки европейским [14] и российским [15] подходам о зарождении, расцвете и неизбежном умирании великих культур-цивилизаций, вновь на подъёме. Китайский неореализм – одно лишь из многих тому подтверждений. В последние годы перспективам дальнейшей эволюции художественной культуры Китая посвящён целый ряд исследований [1; 3; 4; 5; 8; 11; 12; 17; 18; 19; 20]. В числе прочего в них прогнозируется обусловленная дальнейшим переосмыслением культурного наследия и новыми историческими вызовами полуторамиллиардному китайскому социуму четвёртая «волна» китайского неореализма. В частности, высказывается предположение, что становление четвёртой «волны» (учитывая открытость современной китайской культуры) будет происходить параллельно нарастанию в европейской культуре негативно-нигилистических, даже депрессивных тенденций, усиленных антигуманистической составляющей тотального проникновения искусственного интеллекта в бытие человека. О возможностях «нового роста и вдохновения» с отсылкой к своего рода *манифесту* Тайцзы на период 2024–2030 гг. размышляет автор уже упомянутого диссертационного исследования [1]. При этом сама суть тайцзы раскрывается как традиционное философско-этическое учение, представляющее собой синтетическое единство даосизма и конфуцианской этики, в котором сформированы основополагающие принципы, с одной стороны, незыблемости традиций и вечного движения и изменчивости, с другой – баланса противоположных сил всего сущего, включая и человеческую деятельность. Отсюда в опоре на ведущие принципы названного учения, а также исследование известного российского литературоведа В. А. Келдыша «Реализм и «неореализм» [21] прогнозируются раскрытие новых источников творческой силы и востребованность ресурса «китайской традиционной мысли, который отвечал бы и всеобщим вопросам человеческой цивилизации» [1].

Общий вывод и пафос китайских исследователей китайского неореализма таков: *преодоление культурного разрыва между «традицией» и «современностью», «личностью» и «обществом» возможно.* И китайский неореализм здесь призван сыграть не последнюю роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжао, Ш. Философско-культурологический дискурс китайского неореализма: на материалах современного изобразительного искусства: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.8 / Чжао Шуай. – Чита, 2024. – 226 с.
2. Неглинская, М. А. Современное искусство Китая: между модернизмом и традицией / М. А. Неглинская. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Спутник+, 2022. – 340 с.
3. Ван, Ю. История китайского и зарубежного художественного обмена / Ю. Ван. – Чанша: Образовательная пресса Хунани, 1998. – 379 с.
4. Дэн, С. Красота в современном искусстве / С. Дэн // Восхищение шедеврами. – 2017. – № 10. – С. 5-11.
5. Линь, П. «Двустороннее разрушение стены» молодёжной субкультуры и официальной идеологии – подъём «двумерного национализма» / П. Линь // Исследования и споры. – 2016. – № 2. – С. 69-72.
6. Чэнь, Ц. Образы современной России в культуре Китая (1991–2019): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Чэнь Ци. – Хабаровск, 2020. – 155 с.
7. Палиевский, П. В. Литература и теория / П. В. Палиевский. – М.: Сов. Россия, 1979. – 288 с.
8. Чжэн, Г. Восхваление вещей не только для духа. Живопись Чжан Ван в концепции «неореалистической туши» / Г. Чжэн // Художественное наблюдение. – 2020. – № 5. – С. 100-107.
9. Титаренко, М. Л. Духовная культура Китая: энциклопедия в 6 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / М. Л. Титаренко. – М.: Вост. лит., 2008. – 855 с.
10. Курто, О. Циничный реализм / О. Курто // Магазета, 2005-2026. – URL: <https://magazeta.com/cynical-realism> (дата обращения: 19.07.2025). – Текст: электронный.

11. Шао, Д. Также об оценке картины «Отец» / Д. Шао // Журнал искусство. – 1981. – № 11. – С. 14-18.
12. Чэнь, Д. «Незавершённая» серия «Тибет» / Д. Чэнь // Жэньминь жибао. – 31.12.2015.
13. Гульятёва, Г. С. Реалистическая живопись Китая XX века в контексте визуализации культуры / Г. С. Гульятёва // Обсерватория культуры. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 32-43.
14. Екклесиаст 1:9 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2020. – С. 750-760.
15. Шпенглер, О. Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность / О. Шпенглер; пер. Н. Ф. Гарелина. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 584 с.
16. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 576 с.
17. Гао, М. История современного китайского искусства / М. Гао. – Шанхай: Изд-во Шанхайского ун-та, 2021. – 628 с.
18. Гао, Ц. Современное искусство, культурная позиция и неореализм – некоторые комментарии о недавнем искусстве Чжан Цзяньяна / Ц. Гао // Голос Жёлтой реки. – 2009. – № 1. – С. 14-20.
19. Дун, Л. Возвращение и реконструкция основных ценностей: современный рассказ о неореалистическом искусстве / Л. Дун // Журнал Новости искусства Китая. – 2012. – № 3. – С. 99-102.
20. Дэн, С. Три вопроса о сравнении китайской и западной эстетики / С. Дэн // Журнал Университета науки и техники Хуачжун. – 2012. – № 1.
21. Келдыш, В. А. Реализм и «неореализм» / В. А. Келдыш // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. – М.: Наследие, 2001. – 960 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Собственный опыт контактов со всеми вышеперечисленными категориями обучающихся (в большинстве случаев это граждане Китая) показывает, что вводимые повсеместно в вузах годичные подготовительные курсы по изучению языка «Русский язык как иностранный» не обеспечивают необходимого уровня подготовки для обучения, тем более исследовательской работы, иностранного контингента.
2. В рейтинг пятисот современных крупнейших компаний, определяющих мировую экономику, входит 109 китайских корпораций. По данным статистики, 85 % из них являются собственностью государства. С 2020 года КПК официально объявила о своём руководстве всеми государственными предприятиями: https://spravochnick.ru/mirovaya_ekonomika/gossektor_kitaya_i_ego_vliyanie_na_ekonomiku_strany/.
3. Неореализм (итал. neorealismo, буквально – новый реализм. Как термин впервые применён в 1931 г.) Изначально течение в итальянском киноискусстве середины 1940-х – начала 1950-х гг., сложившееся в русле антифашистского Движения Сопротивления. Отличительные черты: изображение искорёженной фашизмом и оккупацией жизни, принадлежность главных действующих лиц к социальным низам (рабочие, шахтёры, крестьяне), сочувственное изображение их проблем и детальное описание среды обитания, новый тип драматургии (отказ от сюжетной интриги, павильонных съёмов, искусственного освещения), характер съёмов, приближенный к документальному кино и т. п.
4. В российской исторической науке образование самостоятельного национального государства ведётся не от Московской Руси XV в., периода окончательного освобождения от монгольского ига после *Великого стояния на Угре* в 1480 г., а от призвания в 862 г. новгородцами на княжение варяга Рюрика, основоположника первой правящей династии Рюриковичей, завершившейся на последнем Рюриковиче – Фёдоре Иоановиче, сыне московского государя Ивана IV.

Крыжановская Я. С., Цуй Етун
Ya. S. Kryzhanovskaia, Cui Yetong

МУЗЕЙНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

MUSEUM CULTURE OF CHINA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaia – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Cultural Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Цуй Етун – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: 847356092@qq.com.

Cui Yetong – Postgraduate Student, Culture and Museum Studies Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: 847356092@qq.com.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые тенденции развития музеев в культуре современного Китая, взявшего курс на превращение в ведущую «музейную державу» к 2035 г. Отмечается важная роль, отводимая музеям в системе государственной культурной политики, где музеи являются не только местом хранения артефактов, но и институтами укрепления национальной идентичности, укоренённой в традициях, базой просвещения и патриотического воспитания, а также значимым окном, через которое мир будет постигать китайскую цивилизацию. Анализируются особенности китайского «музейного бума», проявившегося в стремительном росте как количества учреждений (от 1300 музеев в 1990 г. к 7046 в 2024 г.), так и их аудитории (выставка 2025 г. в Шанхайском музее, посвящённая Древнему Египту, стала самой посещаемой выставкой в музеях мира, набрав 2,77 млн посещений).

Summary. The article examines certain trends in the development of museums in contemporary China, which has set a course to become a leading «museum power» by 2035. It highlights the significant role assigned to museums within the system of state cultural policy, where they are not merely repositories for artifacts but institutions for strengthening a national identity rooted in tradition, a base for public education and patriotic upbringing, as well as a significant window through which the world will come to understand Chinese civilization. The features of China's «museum boom» are analyzed, manifested in the rapid growth of both the number of institutions (from 1,300 museums in 1990 to 7,046 in 2024) and their audiences (the 2025 Shanghai Museum exhibition on Ancient Egypt became the world's most-visited museum exhibition, reaching 2.77 million visits).

Ключевые слова: музей, культура Китая, начало XXI века, культурная политика Китая, «музейный бум».

Key words: Museum, Chinese culture, early 21st century, China's cultural policy, «museum boom».

УДК 008+351.85

Глубокое уважение к историческому наследию и материальной памяти прошлого составляет одну из основополагающих черт китайской цивилизации. История коллекционирования памятников старины восходит ещё к периоду правления династии Шан (1600-1045 гг. до н. э.), когда бронзовые сосуды и изделия из нефрита хранились в императорском дворце и храмах предков для совершения жертвоприношений, а за их сохранностью следили специальные чиновники. По мнению некоторых исследователей, первым прообразом «музея» в Китае можно считать храм Конфуция (основан в 478 г. до н. э.), выполнявший музейные функции хранения, просвещения и исследования [12, 3].

Создание Китайской Народной Республики в 1949 г. стало началом ключевого перелома в отношении к культурному достоянию: если ранее важнейшие исторические свидетельства и про-

изведения искусства были недоступны для широкой публики и являлись частью императорских и других личных собраний, то новая власть положила начало политике их музеефикации и публичного экспонирования.

Приход к власти Коммунистической партии Китая и создание КНР ознаменовали начало нового этапа в культурной политике, характеризующегося активным государственным музейным строительством. Музей был концептуализирован как важнейшая институция, призванная служить целям идеологического воспитания и сохранения национальной идентичности. Для систематизированного учёта и охраны отдельных коллекций уже в мае 1950 г. были приняты важнейшие нормативные акты: Постановление Госсовета КНР «О запрете вывоза культурных ценностей за границу» и «Временные правила по охране памятников старины и культуры». Эти меры были подкреплены инициированной сверху масштабной общественной кампанией по сбору реликвий, что отражало комплексный и планомерный характер подхода государства к решению проблемы охраны культурного наследия в послереволюционный период. Мао Цзэдун, первый Председатель КНР, и Чжу Дэ, его заместитель, подавая пример, лично передали в музеи предметы из своих коллекций [1].

Китайская Народная Республика в 1949 г. унаследовала всего двадцать пять музеев. Перейдя в государственную собственность, отдельные музеи стали политическими ячейками социалистического государства под руководством партийного секретаря, чьи полномочия больше основывались на политической легитимности, а не на профессиональных компетенциях [12, 4]. Десять лет спустя, в разгар «Большого скачка» (1958–1960), молодое государство, стремясь утвердить свой культурный авторитет в качестве мировой державы, предприняло впечатляющую попытку построить в Пекине «Десять великих зданий» менее чем за год. Выполненные в стилистике, сочетающей интернациональный модернизм с элементами традиционной китайской архитектуры и сталинского ампира, они включали пять музеев, или выставочных площадок: Национальный музей китайской революции и Национальный музей истории Китая, которые занимали одно и то же здание, сегодня известное как Национальный музей Китая; Дворец культуры национальностей; Китайский сельскохозяйственный музей и Военный музей китайской народной революции. Именно тогда, во время «Большого скачка», в конце 1950-х гг. был актуален партийный лозунг: «В каждом уезде должен быть свой музей, в каждой коммуне – свой выставочный зал».

В 2002 г. китайское правительство вновь подтвердило приверженность этому курсу, когда Государственное управление по охране культурного наследия объявило, что к 2015 г. в стране будет построена тысяча музеев. Заявленная цель была достигнута с опережением графика.

Сегодня музеи в Китае стали значимыми социальными институтами, активно влияющими на культурный, политический и экономический ландшафт страны. Начало XXI в. ознаменовалось настоящим «музейным бумом», выраженным в стремительном росте как количества учреждений, так и их аудитории. Для сравнения: если в 1990 г. насчитывалось 1300 музеев (из них 2/3 – краеведческие, остальные – мемориальные и профильные), то в 2014 г. их стало уже 3866, а в 2021 г. – 6183 (только за 2021 г. было открыто 395 новых музеев) [12, 15].

Согласно же данным Государственного управления культурного наследия КНР, по состоянию на конец 2024 г. в Китае было зарегистрировано 7046 музеев (213 из них открылись впервые), которые за год суммарно приняли около 1,5 млрд посетителей и провели примерно 43 тыс. выставок и 511 тыс. просветительских мероприятий [11; 13]. И если сравнительно недавно китайские музеи имели преимущественно государственный статус, то в последние два десятилетия стали активно появляться частные и отраслевые музеи.

По количественным показателям страна вошла в пятёрку мировых лидеров (после США, Германии и Японии, но перед Россией). При этом главным китайским «городом музеев» по-прежнему остаётся Пекин, где, по состоянию на 2023 г., насчитывалось 218 музеев (т. е. на каждые 100 тыс. столичных жителей приходится одно подобное заведение), образуя самый большой музейный кластер в стране. Согласно городскому плану развития, в 2025 г. общее количество музеев в Пекине должно превысить 260, при этом на каждые 100 тыс. населения будет приходиться 1,2 музея, а к 2035 г. этот показатель составит 2 музея на 100 тыс. человек. В результате целенаправленной политики общее число музейных институций в китайской столице превысит 460 единиц [6].

По словам Пань Шоюна, профессора музеологии Шанхайского университета, такие города, как Пекин, а также Тайюань в провинции Шаньси и Нанкин в провинции Цзянсу, интегрировали свои богатые музейные ресурсы в городское развитие и стремятся превратиться в «города-музеи», чтобы в полной мере использовать возможности музейных институций для удовлетворения потребностей людей в улучшении образа жизни [13]. За видимым ростом числа музеев, новых выставок и посещений стоит мощная поддержка со стороны как государства, так и широких слоёв общества.

При этом всплеск строительства и открытия новых площадок не просто «музейный бум», подобный тому, что отмечался в постиндустриальных городах Запада, где музей как государственное учреждение приобрело дополнительные функции, став финансовым двигателем мира искусства и ключевым элементом городского брендинга. В Китае музеи имеют гораздо более широкий спектр форм и функций и занимают центральное место во впечатляющем городском росте, осуществляемом правительством.

Музейная сфера Китая в период с 2000 по 2020 гг. отличалась тематическим разнообразием, охватывая широкий временной диапазон – от археологической древности до актуальных художественных практик XXI в., а также различные виды искусства – от традиционных живописи и каллиграфии до современного кино. Однако, несмотря на возникновение множества специализированных музеев, приоритет по-прежнему оставался за историческими. Эта диспропорция, с одной стороны, закономерна в контексте богатейшего историко-культурного наследия Китая, с другой – указывает на сохраняющуюся односторонность в развитии музейной сети [3, 74].

В то же время в последние десятилетия наметилась позитивная тенденция. Следуя глобальному тренду, китайские музеи целенаправленно объединяют работу с материальным и нематериальным наследием. Так, **Музей пекинской оперы** (открыт в 1997 г.) представляет этот комплексный вид искусства, где синтезированы музыка, танец, пение, живопись и слово. Помимо подлинных костюмов, масок и исторических документов, здесь можно услышать записи выступлений, что создаёт полное погружение в традицию.

Этот же принцип лежит и в основе экспозиции **Китайского национального музея шёлка** в Ханчжоу, крупнейшего в мире. Музей шаг за шагом проводит посетителя через весь путь создания шёлка – от посадки тутовника и шелководства до сложных техник ткачества и окрашивания. Здесь же экспонируются старинные шёлковые изделия и ещё более древние фрагменты тканей (некоторым из них более 2000 лет), роскошная одежда императоров и чиновников, украшенная искусной вышивкой праздничная одежда простых китайцев.

Музеи музыкальных инструментов – отдельная профильная группа музеев в китайской культуре. Музыкальные инструменты, их философское осмысление и практическое использование всегда занимали важное место в национальных традициях, начиная с древнейших архаических ритуалов и заканчивая народным исполнительством. Сегодня подобные музеи не только сохраняют инструменты как драгоценные артефакты, но и актуализируют и всячески поддерживают практику исполнения на них.

Так, в 2014 г. в Пекине открылся **Всемирный музей янциня** – китайского традиционного музыкального инструмента. По замыслу создателей, это выставочное пространство станет инновационным центром изучения истории исполнительских искусств. Музыкальные инструменты, родственные янциню, встречаются в культуре разных народов мира. В России это гусли, во многих восточноевропейских государствах – цимбалы. В Китае янцинь появился в эпоху правления династии Мин (XIV – XVII вв.) благодаря Великому шёлковому пути. Технические усовершенствования, предпринятые в XX в., позволили музыкантам по-новому взглянуть на выразительные возможности этого инструмента – и янцинь обрёл свою вторую жизнь. Экспозиция музея площадью около 700 квадратных метров иллюстрирует эволюцию инструмента с древних времён до наших дней. Музей предлагает посетителям исторические лекции, концерты и программы международного культурного обмена (молодёжные летние лагеря, специальные обучающие программы как для граждан КНР, так и для зарубежных гостей).

Современные китайские музеи органично соединяют историю, которую надо бережно сохранить, и инновационные технологии, позволяющие эти традиции актуализировать. В первый день 2026 г. в Шанхае открылась выставка, организованная совместно **Музеем восточных музыкальных инструментов Шанхайской консерватории и Шанхайским музеем науки и технологий**. Здесь представлено не только значительное количество аутентичных музыкальных инструментов, отражающих историю китайской цивилизации, включая бянчжун (бронзовые колокольчики) из захоронения князя И Цзэн, гуцинь (щипковый семиструнный инструмент), а также различные гонги и барабаны разных этнических групп Китая. Тан Цзюньцзе, заместитель декана Шанхайской консерватории, описал выставку как звуковой и материальный «музыкальный свиток» китайской цивилизации, объединяющий музыкальные инструменты и мелодии, выходящие за рамки времени и пространства. Он отметил, что консерватория стремится содействовать инновационному преобразованию и развитию китайской культуры, а выставка предлагает посетителям совершенно новый культурный опыт, сочетающий традиции, искусство и самые современные технологии [14].

На церемонии открытия впервые в мире прозвучали двадцать колокольчиков, изготовленных из метеоритов. По словам Лю Цзяня, заместителя директора Музея науки и технологий, «...когда раздаётся звук метеоритных колокольчиков, мы слышим не просто музыку, а космическое эхо, охватывающее 4,6 миллиарда лет, и диалог с ритуальной музыкальной традицией китайской цивилизации» [14].

Рис. 1. Презентация набора колоколов, изготовленных из метеоритов, в Музее восточных музыкальных инструментов в Шанхае

Организация выставки включает ряд интерактивных мероприятий: посетители могут лично сыграть на специальных колокольчиках, дающих «космическое звучание», или попробовать себя в качестве композитора и создать музыку с помощью искусственного интеллекта.

Помимо профильной классификации, в Китае существует система градации музеев, которая включает три уровня в зависимости от эффективности работы того или иного учреждения. Национальное управление культурного наследия оценивает в баллах такие направления деятельности, как музейный менеджмент, управление коллекциями, научные исследования, а также выставочную деятельность, социальные услуги населению, и присваивает им одну из трёх категорий. Музеи первой категории (музеи национального уровня) должны располагать обширной коллекцией артефактов или иметь в своей коллекции большое количество предметов, обладающих очень вы-

сокой исторической, культурной, научной и художественной ценностью, являться социальным и образовательным учреждением с профессиональным персоналом, долгосрочными волонтерами и возможностями для предоставления образовательных услуг. Музеи первой категории не обязательно являются государственными, при этом, независимо от формы подчинения, они должны быть доступны для публики не менее 240 дней в году. Вторую группу составляют музеи провинций, которые имеют региональное значение, а управление осуществляется на уровне конкретных провинций. К третьей группе относят муниципальные музеи, чьи экспозиции фокусируются на локальной истории, культуре и искусстве отдельного города или района.

В 2008 г. Национальное управление культурного наследия впервые опубликовало список из 83 национальных музеев первой категории, включая Дворцовый музей, расположенный в Запретном городе. В 2024 г. были опубликованы очередные результаты оценки деятельности музеев. В категорию национальных музеев первой категории вошли 123 музея. Пекин среди китайских городов занимает по этому показателю лидирующее место – здесь расположено 28 таких музеев. В Музее Великого канала 18 мая 2024 г. в рамках церемонии открытия пекинского «Месяца музеев» представители Национального управления культурного наследия и Пекинского управления по делам культурного наследия вручили памятные таблички десяти столичным музеям. Эти учреждения впервые получили статус национального музея высшей категории по результатам аттестационной классификации. В их числе – Музей китайских соотечественников, живущих за рубежом, Музей женщин и детей Китая, Музей таможи Китая, Дворец культуры национальностей, Музей гражданской авиации Китая, Музей современной китайской литературы и др. [7].

Музеи, включая Национальный музей Китая и Дворцовый музей (Запретный город) в Пекине, а также 15 ключевых музеев, пользуются поддержкой как центрального, так и местных правительств. Они являются сильными претендентами на звание музеев мирового класса. Но и такие «заслуженные» и «авторитетные» музеи не стоят на месте, а продолжают развиваться. Так, к 100-летию открытия музея Гугун было запланировано открытие Северного филиала, расположенного в деревне Сиюйхэ уезда Сибэйван в пекинском районе Хайдянь, недалеко от бывших императорских парков Ихэюань и Юаньминъюань. Его необходимость обусловлена недостатком экспозиционного пространства. В отличие от других музеев, Запретный город сам по себе является культурной реликвией, поэтому многие здания не подходят для реорганизации под выставочные залы. В настоящее время в музее Гугун хранится 1 863 404 культурные реликвии, но ежегодно менее 10 тыс. из них представлены широкой публике. Из-за нехватки музейного пространства многие экспонаты не удаётся своевременно реставрировать. Планировалось, что филиал откроют к концу 2025 г., что позволило бы увеличить количество до 20-30 тыс. экспонатов. Однако масштаб работ заставил перенести дату открытия филиала на конец 2026 г.

Общая площадь филиала составляет 102 тыс. м² и будет включать 12 высокотехнологичных выставочных залов, в том числе отдел по защите и реставрации памятников культуры, выставочный зал, центр дворцового садоводства, зал нематериального культурного наследия и т. д. Новый филиал позволит освободить, восстановить и защитить имеющееся внутреннее пространство Запретного города, который является одним из символов китайской цивилизации, а также эффективно решить проблемы сохранения ценных предметов прошлого.

Рост числа музеев – важная тенденция современной жизни Китая, но есть и сложности с их заполнением. Другой ключевой проблемой является формальный статус некоторых вновь созданных учреждений, лишь на бумаге соответствующих музейным требованиям. Они имеют малочисленный персонал, ограниченное финансирование, скудные коллекции, а часто не имеют специализированного помещения и экспозиционных площадей. Такая ситуация наиболее типична для провинции, где приоритетом зачастую становится сам факт учреждения музея, а не обеспечение условий для его полноценного функционирования. В результате подобные организации сталкиваются с комплексом проблем: хроническим дефицитом средств, нехваткой профессиональных специалистов и низким уровнем музейных фондов, – которые носят системный характер и не могут быть устранены быстро. Существует высокая вероятность, что некоторые из таких «музеев», не сумев решить накопившиеся организационные вопросы, со временем прекратят свою деятельность.

Также исследователи до недавнего времени отмечали и некоторый недостаток музейной культуры у населения. Так, в 2014 г. в Шанхае прошла крупная выставка под названием «Энди Уорхол: 15 минут вечности», которая была частью масштабного азиатского тура по нескольким городам, организованного Музеем Уорхола (США). На выставке было представлено более 300 работ, в том числе такие культовые произведения, как шелкографии с изображением Мэрилин Монро и супа Кэмпбелл. Однако при открытии в Шанхайском художественном музее пришло 6000 человек, что не очень много для города с населением около 24 млн жителей. По мнению Ли Сю, заместителя директора по планированию музеев, «когда речь идёт о современном искусстве, большинство китайцев не знают, с чего начать, потому что культурное образование значительно отстаёт от экономического бума Китая. Хотя большинство людей в мире и знают Энди Уорхола или Ван Гога, но огромное количество китайцев никогда не слышали о них» [8].

Именно поэтому разрабатываются специальные программы для повышения культурного уровня граждан начиная с молодёжи. Так, в 2013 г. руководство Пекина предложило в течение мая учащимся школ, колледжей и вузов побывать по студенческому билету во всех музеях столицы. В программе принимали участие 152 из 165 городских музеев. В 2022 г. более 90 % государственных музеев предоставляли свои услуги гражданам Китая бесплатно – подобная практика поэтапно началась в музеях с 2008 г. Это связано с тем, что культурная политика страны ориентирована на повышение доступности музеев для населения. После введения практики бесплатного посещения музеев Китая стали принимать в год более 400 млн посетителей [3], а количество посещений китайских музеев за 10 лет (с 1995 по 2016 гг.) выросло в 8 раз [15]. Абсолютный рекорд по посещаемости был связан с выставкой-блокбастером «На вершине пирамиды. Цивилизация Древнего Египта», которая проходила в Шанхайском музее с июля 2024 г по август 2025 г. К концу 2024 г. её посетили 1,3 млн человек [10]. А после успешного 13-месячного показа музей объявил, что это событие стало самой посещаемой единичной платной выставкой в музеях мира: было зафиксировано более 2,77 млн посещений, а выручка превысила 760 млн юаней (около 106,75 млн долларов) [13].

Современный Китай характеризуется активной музейной политикой. Если в 1930-е гг. музеи Китая развивались под сильным влиянием западноевропейских стран, США и Японии, а в 1950-е гг. моделью для китайских музеев выступали аналогичные институты СССР, имевшие очевидный отпечаток политичности и выполнявшие особые социальные функции, то с 1980-х гг. музейное развитие Китая ориентируется на национальную специфику с использованием передового мирового опыта.

Уже в этот период начинается постепенный рост количества музеев, в том числе путём передачи части коллекций из уже существующих музеев в новые. Именно так происходило, например, создание новых профильных музеев в провинции Хэйлунцзян. Как отмечают исследователи, «некоторые из деловых центров провинциальных музеев и большое количество коллекций были переданы недавно построенным музеям в других провинциях» [9].

Основой развития музейного дела в современном Китае является стратегия строительства «могущественного культурного государства», принятая на VI пленуме ЦК КПК в 2011 г., реализация которой предусматривает воспитание граждан с высоким уровнем «культурного самосознания» [5]. В процессе формирования такого самосознания должны участвовать музеи, наглядно представляющие различные аспекты национального наследия: с переходом от индустриального общества к современному «обществу знаний» музейные институты всё больше выступают не только хранилищами знаний, но и механизмами смыслообразования.

Музейный бум, активизировавшийся по окончании пандемии COVID-19, это социальный феномен, демонстрирующий запрос общества, особенно молодёжи, на национальную идентичность, укоренённую в древней цивилизации. Данная тема получила идеологическое оформление на высшем уровне: ей уделялось внимание на XX съезде КПК (2022 г.), а в 2023 г. лидер страны Си Цзиньпин детально раскрыл тезис о единстве традиций и инноваций в китайской культуре во время визита в Институт истории Китая на симпозиуме по сохранению культурного наследия. Одновременно он посетил Археологический музей при этом же институте и Национальный архив.

Этот интерес систематичен и характерен для китайского лидера на протяжении всего периода пребывания у власти. Начиная с посещения Национального музея в 2012 г., где была провозглашена долгосрочная социально-политическая концепция «Китайская мечта», ставящая целью «великое возрождение китайской нации», и заканчивая (на текущий момент) заявлением Си Цзиньпина в декабре 2025 г. при посещении выставки к 100-летию музея Гугун, в котором он призвал сделать этот музей важной базой патриотического воспитания, а также значимым окном, через которое мир будет постигать китайскую цивилизацию и китайскую нацию, внимание к музеям остаётся важной частью государственной культурной политики.

Сегодня Китай прилагает огромные усилия для симулирования высококачественного развития музеев и превращения страны в «музейную державу» к 2035 г. Согласно существующим планам, за этот период Китай намерен модернизировать 10-15 музеев, превратив их в музеи мирового класса (уровня Лувра или Эрмитажа) с китайской спецификой.

Государство последовательно выделяет значительные средства для того, чтобы заинтересовать молодое поколение. И это не только бесплатный вход в крупнейшие музеи страны для разных категорий населения (в настоящее время свыше 91 % музеев предлагает бесплатный доступ для посетителей), но и современная организация экспозиционного пространства: аудиогиды, самостоятельно при помощи GPS определяющие положение посетителя на территории Запретного города, или особая подсветка, которая включается автоматически при приближении посетителей и выключается при их уходе от экспоната (в зале каллиграфии и живописи Шанхайского музея древнего китайского искусства), благодаря чему достигается не только экономия электроэнергии, но и сохраняются от губительного воздействия света ценнейшие памятники искусства, и т. п.

Ещё три десятилетия назад, в середине 1990-х гг., китайские музеологи отмечали, что «старые музеи необходимо подвергнуть модернизации, потому для многих из них характерен невысокий уровень постоянных экспозиций, отсутствие сменных выставок, истощение источников комплектования, низкая посещаемость, плохая материальная оснащённость» [2, 59]. А сегодня музеи активно внедряют возможности искусственного интеллекта. На симпозиуме по применению искусственного интеллекта в Шанхае (2025 г.) было объявлено, что город ускоряет внедрение ИИ в сфере культурного наследия и музейного дела, уделяя особое внимание сохранению и реставрации культурных реликвий, интеллектуальной навигации и иммерсивным экспозициям. Город стимулирует развитие сценариев интеллектуального применения, активно исследует инновационные пути «оживления культурных реликвий», формирует новые форматы культурного опыта, позиционирует музеи как новые движущие силы культурной трансляции и инноваций, а также превращает ИИ в «суперпереводчика», способного доносить истории как Шанхая, так и всего Китая до мировой аудитории [16].

Как справедливо отмечает Ван Вэй, «музей КНР в своих изменениях преследует одну из основных задач – стать оптимально и актуально полезным объектом современной культуры, не утрачивая, а совершенствуя и развивая свои изначальные функции» [4]. Сегодня китайские музеи не только сохраняют древнюю культуру, но и активно внедряют новации в этот процесс, тем самым подкрепляя тезис о том, что музеи наиболее эффективно выполняют свои задачи, когда избегают представления культур и народов в качестве неизменных, не затронутых ходом времени. «Музеефицировать» что-либо не обязательно значит замораживать это во времени, но сохранять, экспонировать и создавать условия для встречи с этим посетителями независимо от того, является ли показываемое «высокой» или «массовой» культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, А. А. Исторические музеи Китая: возникновение и ключевые тенденции развития в XX–XXI вв. / А. А. Амосова, А. Д. Еремеева // Вопросы музеологии. – 2017. – № 1 (15). – С. 81-95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-muzei-kitaya-vozniknovenie-i-klyuchevye-tendentsii-razvitiya-v-xx-xxi-vv> (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
2. Лайшун Ан. Музей и музеология в Китае / Лайшун Ан // Музей и демократия. Серия электронных изданий MUSEUM PRO. Вып. 1.0. – М., 1997. – С. 55-59. – URL: http://www.future.museum.ru/lmp/web/archive/m-pro_1.pdf (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.

3. Ван Вэй. Музеология и музейное дело в КНР в XX – начале XXI века: основные этапы и стратегии развития / Ван Вэй // Научное мнение. – 2014. – № 1. – С. 72-77.
4. Ван Вэй. Диффузия инноваций в музейном мире Китая / Ван Вэй // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diffuziya-innovatsiy-v-muzejnom-mire-kitaya> (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
5. Ван Вэй. СобираТЕЛЬСкая деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Ван Вэй. – Санкт-Петербург, 2014. – 23 с.
6. В Пекине на каждые 100 тыс. жителей приходится один музей // Синьхуа Новости. – 2023.09.16. – URL: <https://russian.news.cn/20230916/1204300f999c4bba9d6fc2b35f6d372b/c.html> (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
7. Добавилось десять новых музеев! // Сайт международной версии портала города Пекин, Китай. – URL: https://russian.beijing.gov.cn/consuminginbeijing/onedayinbeijing/museums/updatesofmuseums/202405/t20240521_3690396.html (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
8. Китай открывает около 100 музеев каждый год // Дао, выражено словами. – URL: <http://www.daokedao.ru/2013/06/05/kitaj-otkryvaet-okolo-100-muzeev-kazhdyj-god> (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
9. Ло Да. Историческое развитие и культурная значимость музея провинции Хэйлунцзян (60-90 годы XX века) / Ло Да, Е. В. Савелова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 4-12.
10. Мировые музеи балансируют между классикой, милотой и политикой // The art newspaper Russia. – URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20250515-zctz> (дата обращения: 15.05.2025). – Текст: электронный.
11. Общее число посещений музеев Китая в прошлом году достигло 1,49 млрд человеко-раз // Синьхуа Новости. 2025.05.18. – URL: <http://www.russian.xinhuanet.com/20250518/2522ae9ee9574be4babd601c6580e18e/c.html> (дата обращения: 29.04.2025). – Текст: электронный.
12. Graburn Nelson H. Tourism and Museums in China / Nelson H. Graburn, Jin Lu // Asian Journal of Tourism Research. Vol. 2. No 1. June 2017. P. 1-34.
13. Wang Ru. China's museums grab the spotlight on world stage // China Daily Updated: 2025-10-20. – URL: https://en.qstheory.cn/2025-10/20/c_1133641.htm.
14. Wang Xin Exhibition on development of Chinese music opens in Shanghai // China Daily. 2026.01.01. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202601/01/WS695633bca310d6866eb318a6.html>.
15. Zhang Fenghua. The China museum visit boom: Government or demand driven? / Fenghua Zhang, Pascal Courty // Journal of Cultural Economics, 2022. Volume 46, p. 135-163.
16. Zhu Yile. Shanghai promotes artificial intelligence in cultural heritage and museums / Zhu Yile // City News Service. 2025.08.28. – URL: <https://www.citynewsservice.cn/articles/shanghaidaily/news/shanghai-promotes-artificial-intelligence-in-cultural-heritage-and-museums-png95ezm>.

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю.

«СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АРАПА ЖЕНИЛ» А. МИТТЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Маркова А. В., Прокофьева В. Ю.

A. V. Markova, V. Yu. Prokofeva

«СКАЗ ПРО ТО, КАК ЦАРЬ ПЁТР АРАПА ЖЕНИЛ» А. МИТТЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

«HOW CZAR PETER THE GREAT MARRIED OFF HIS BLACKAMoor» BY A. MITTA IN A STUDENT AUDIENCE: FROM WORK EXPERIENCE

Маркова Арина Васильевна – доцент кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); тел. +7(951)464-02-53. E-mail: arina_mark@mail.ru.

Arina V. Markova – Associate Professor, Department of Media Communication Technologies, St. Petersburg State University of Film and Television (Russia, St. Petersburg); tel. +7(951)464-02-53. E-mail: arina_mark@mail.ru.

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); тел. +7(911)986-45-46. E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Viktoriya Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, St. Petersburg State Institute of Film and Television (Russia, St. Petersburg); tel. +7(911)986-45-46. E-mail: vicproc1999@gmail.com.

Аннотация. В статье представлен опыт подготовки студентами-журналистами творческого вуза мероприятия для музея-усадьбы предка Пушкина Ганнибала в Суйде в рамках Пушкинских дней, в нём соединились история, литература и кино. Под руководством преподавателей студенты собрали материал и создали сценарий тематической встречи с посетителями музея об экранизации произведения А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» – фильме А. Митты «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил» (1976). Теоретическая часть предполагала рассказ о фильме через тему танца: студенты выявили 5 эпизодов-танцев и определили их семиотический потенциал как для кинотекста, так и для литературной основы. Интерактивная часть включала беседу со зрителями в формате «вопрос-ответ» по фильму, литературному произведению, биографии Пушкина и Ганнибала. Подобный опыт совместной работы преподавателя и студента в организации тематических мероприятий для сторонних организаций активизирует формирование культуры личности, мотивирует личностный рост и саморазвитие, показывает точки приложения в будущей профессиональной деятельности.

Summary. This article presents the experience of journalism students from a creative arts university in preparing an event for the Suida Museum-Estate of Pushkin's ancestor, Gannibal, as part of Pushkin Days. This event combined history, literature, and cinema. Under the guidance of the professors, the students collected material and created a script for a thematic meeting with museum visitors about the film adaptation of A.S. Pushkin's «The Blackamoor of Peter the Great» – A. Mitta's «How Czar Peter the Great Married Off His Blackamoor» (1976). The theoretical part involved narrating the film through the theme of dance: the students identified five dance episodes and determined their semiotic potential for both the film text and the literary basis. The interactive part included a question-and-answer session with the audience about the film, the literary work, and the biographies of Pushkin and Gannibal. This collaborative experience between a teacher and a student in organizing themed events for external organizations fosters personal development, motivates personal growth and self-development, and highlights potential applications for future professional endeavors.

Ключевые слова: «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил», А. Митта, А. С. Пушкин, фильм, танец, тематическое мероприятие, студенческая аудитория.

Key words: «How Czar Peter the Great Married Off His Blackamoor», A. Mitta, A. S. Pushkin, film, dance, themed event, student audience.

УДК 372.881.1

Поиск тем и методология выполнения творческих заданий для студентов в процессе обучения всегда соединяют в себе обращение к актуальности, важность памятных дат, нравственные акценты и профессиональный рост, ведь «память – основа совести и нравственности, память – основа культуры... исторического понимания культурных ценностей» [5, 129].

Юбилейный для А. С. Пушкина 2024 год в очередной раз напомнил о личности и творчестве первого русского поэта, всколыхнул интерес к культурным текстам, созданным по его наследию, в кино, театре, музыке и других искусствах, заставил обратиться к культурному «наследию по наследию» – многочисленным экранизациям и постановкам прошлого века, актуальным и по сей день. Культурный текст, в основе которого лежит другой культурный текст предыдущих эпох, оказывается продуктивным для осмысления прошлого в студенческой аудитории, т. к., обладая «смысловой и структурной целостностью, является не только “продуктом” историко-культурного контекста, но и сам несёт информацию о нём. В процессе интерпретации текста культуры актуализируются те моменты, которые оказывают воздействие на его смысловое поле или формы существования» [9, 78], в результате чего реализуется такой механизм интерпретации, как когнитивная гармония, т. е. проявление у интерпретаторов единодушия в установлении связей элементов и смыслов анализируемого текста.

В этом году исполняется 50 лет фильму Александра Митты «Сказ о том, как царь Пётр арапа женил», снятому по мотивам неоконченного произведения А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Фильм, который сегодняшние киноведы называют «одной из самых удачных попыток экранизации пушкинских произведений» [10, 31], дошёл до зрителя с большими препятствиями и не в том виде, как задумал режиссёр: в процессе производства градус политической остроты пришлось основательно снизить, что повлекло отказ от некоторых песен, сочинённых для фильма В. Высоцким, исполнителем главной роли, которая «стала своеобразным трамплином для достижения всесоюзной актёрской славы» [7, 31], а сам актёр обеспечил фильму зрительский успех, хотя в результате переформатирования из двухсерийного фильма в обычный метр его присутствие в кадре было урезано. Всё же форма стилизованного музыкально-драматического зрелища позволила режиссёру воплотить уловленные в пушкинском тексте смыслы в динамическое киноповествование, где весьма необычно показаны не имеющие собственного мнения люди из окружения императора, денщик Ибрагима Петровича Филька – русский парень, сочетающий в себе любознательность и смекалку с бездельем и пустым философствованием, и сам арап, чьи высокие устремления разбиваются о грубость обыденности, а природная интеллигентность вынуждена противостоять её противоположности. Историки культуры отмечают также, что «до этого фильма ни в одном из текстов или визуальных образов Пётр I не пользовался топором для обрезания бород боярам», и находят в этом действе реализацию пушкинской метафоры «в Европу прорубить окно» (первая ассоциация на глагол *рубить* – *топор*) [1, 9].

Внимание к этому фильму, размышление над ним со студентами вылились в интерактивное мероприятие, проведённое нашим вузом совместно с музеем-усадьбой «Суйда» в рамках Пушкинских дней. Суйда – посёлок в Гатчинском районе Ленинградской области, где расположено родовое имение Абрама (Ибрагима) Ганнибала. По просьбе организаторов тема мероприятия должна была соединить беседу о роде А. С. Пушкина с российским кинематографом, поэтому выбор фильма А. Митты был неизбежен. Разработка была проведена совместно со студентами, которые с энтузиазмом восприняли ещё одну встречу с Александром Сергеевичем, специфику которой обуславливало соединение видов искусств – литературы и кино. Такое включение студентов в работу вполне «взрослую» имело основание: по традиции нашего вуза студенты вовлекаются в жизнь института с первого курса, и студенты-журналисты уже имели опыт участия в вузовских мероприятиях в виде их медиасопровождения, организаторской и волонтёрской деятельности.

Задание представляло интерес во многих аспектах: знакомство с прозой поэта и её экранизацией, с историей кино, углубление в историю рода Пушкина, о чём высказывался и сам поэт: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благород-

нейшая надежда человеческого сердца?» [3, 3]. Мы предлагаем проанализировать не столько получившееся мероприятие, сколько подготовку к нему, которая проводилась среди студентов-журналистов киновуза примерно месяц на практических занятиях по дисциплине «Профессиональные творческие студии», целью которой является формирование общетеоретических знаний в области журналистики и приобретение практических навыков, необходимых современному медиаспециалисту при производстве контента для разных видов СМИ.

Работа была масштабная и глубокая, студенты должны были учесть все её составляющие: историко-культурную, киноведческую, литературоведческую и, конечно, журналистскую, т. к. именно это направление подготовки реализовывало мероприятие. Мы решили описать этот процесс, показав, как преподаватель может инициировать первые открытия начинающих исследователей, подводя их к нужным вопросам и проводя совместный поиск ответов на них. А понимание того, что они выполняют не учебное задание, а готовят рабочее мероприятие, которое, по сути, станет элементом производственной практики, ступенькой в их профессиональном становлении, привело к энтузиазму и заинтересованности в результате.

Самым простым моментом стала формулировка названия интерактивной лекции, после различных вариантов выбор пал на «Семейные легенды Пушкина в кинематографе». Самым сложным был поиск «угла зрения» на презентацию фильма широкой и разнообразной аудитории. Целевой можно было назвать потенциальную аудиторию только в контексте интереса к биографии А. С. Пушкина и его роду. Статус, возраст, гендер, уровень образования и другие «ключи» для понимания будущей аудитории были нам неизвестны. Сложности в поиске подходов к решению задачи неизменно приводили к неудовлетворённости результатом. С одной стороны, высказывалось желание создать оригинальное решение. С другой стороны, предложения носили традиционный характер пересказа сюжета фильма с отсылками к историко-биографическим фактам. Идея «ходьбы по фабуле» привлекала студентов в силу понятности и простоты дальнейших действий. Однако налицо было отсутствие радости открытия и преодоления «взятых планок». Воспитательно-образовательные задачи преподавателей не позволяли останавливаться на доступном варианте, ибо, как говорят психологи, «мы переделываем свои картины мира, свою память и, занимаясь творчеством, удивляемся сами себе: “Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!”» [2, 18]. Важно было продолжить «путешествие» по экранному произведению, чтобы найти некий элемент, через призму которого можно будет донести до участников мероприятия главную идею.

Так возникла необходимость сформулировать основную идею – не фильма А. Митты и не прозы А. С. Пушкина, а именно рассказа о фильме, повествования об исторических коллизиях и легендах семьи поэта на основе экранного произведения. В силу возраста студенты видели в истории преобладание романтической составляющей. Повторный просмотр фильма с остановками, комментариями преподавателей вывел на темы построения судьбы, высоких целей, достоинства и приверженности идеалам – значимость этих универсальных культурных категорий для будущего поколения, получающего в вузе не только профессиональные знания, но и нравственные «прививки», неоспорима. Повесть А. Пушкина и фильм А. Митты принадлежат к сфере искусства, психологи же трактуют искусство как совершенно особый поток человеческой деятельности, «благодаря которому мир усваиваемых нами знаний, норм и значений преобразуется в мир неповторимых личностных смыслов, ради воплощения которых живёт и действует человек» [2, 12]. Образ главного героя фильма – Абрама Петровича Ганнибала – после выхода обсуждения его качеств за пределы гендерных отношений предстал как символ человеческого достоинства, который не изменял себе в самых непредсказуемых перипетиях своей судьбы. Так как же рассказать о жизненном пути этой личности, истории «отклонённых и сотканых альтернатив» [2, 29]? Только путём медленного просмотра с перерывом на рефлексии по поводу увиденного, на вычленение элементов кинотекста, определение их смысла и построение его семиотики.

Первое, на что обратили внимание студенты, – музыка фильма, созданная А. Шнитке. Уже с первых кадров под титры и анимационное вступление звучит тема времени или, как называл её сам композитор, «тема часов», необычность звучания которой достигалась предварительной подготовкой рояля, звучит она и в самом финале. Кроме этой, исследователи выделяют в фильме му-

зыкальные темы дороги и судьбы. Первая «стилизована под музыку барокко, мелодия струнных и флейты звучит в эпизоде, когда Ганнибал едет в Россию. <...> Тема судьбы звучит в финальных эпизодах в исполнении струнных и клавесина, она была важной для Шнитке, в других фильмах и концертных исполнениях он представлял её варианты – маршевая трактовка, вокальное исполнение» [11, 60]. Творчество Шнитке открывает «этап “непрямого высказывания” в киномузыке, умножения и преобразования смысла экранного образа» [6, 82], для фильма А. Митты музыка оказывается очень важным элементом, ведь «только за несколько первых минут она переходит из лирической сказительности русской баллады в ритм современной эстрады, из тонкой аллюзии на Вивальди – в карикатуру на прусский марш» [6, 90].

Из формулирования качеств главного персонажа и музыкальной составляющей фильма появляется слово, которое будет ключевым для поиска вектора сценарной мысли, но для этого надо определить ещё один важный элемент в семиотике кинотекста Митты. В результате неоднократного просмотра фильма и выявления его повторяющихся элементов стало очевидным, что красной нитью в режиссёрском изложении сюжета Пушкина проходят сцены с танцами, – слово было найдено. Возникла метафора «танец судьбы», которая и стала основой в выстраивании сценария нашего мероприятия, ведь через танцы можно проследить важные изменения в судьбе героя. Действительно, танец – это древнейший способ коммуникации, изучению этого культурного феномена посвящены многие работы, доказывающие, что «танец <...> сформировался как универсальный язык, понятный всем и каждому, стирающий границы между людьми, выплескивающийся за политические, социальные и культурные рамки, объединяющий людей в одном ритме чувств и переживаний» [8, 82].

После того как студентам стало понятно, как выстроить публичное выступление на предложенную музейным агентством тему, они проделали «раскадровку» танцев, выявив их число и определив их значение для замысла и сюжетного построения. Вот что у них получилось.

Первый танец (хронометраж 00:16–00:52) – мультипликационная заставка в фольклорном стиле: танец жнецов, мужика с медведем. Через фольклорный элемент создаётся атмосфера сказа, а не биографического фильма. Как отмечал ещё В. В. Виноградов, «с середины 1820-х годов Пушкин усложнил своё творчество задачей понять и дифференцировать социальное разнообразие стилей самой истории, самой материальной культуры» [4, 239]. Работа над романом велась с 1827 по 1836 год, но труд так и остался незавершённым. Первый танец вводит нас в лубочную атмосферу петровской России, где предстоит развернуться дальнейшим событиям.

Второй танец (хронометраж 05:36–07:56) можно назвать «танец дуэли»: под звуки решённой в бардовском стиле песни об Ибрагиме Ганнибале с элементами как юмора, так и иронии рассказывается история появления маленького арапа «с обугленной душой», показываются его служба при французском дворе, любовь и рождение бастарда, дуэль с мужем любовницы, убийство Ганнибалом несчастного соперника. Опереточные па в дуэли служат отличной иллюстрацией происходящего перелома в судьбе героя, который скажет в следующем эпизоде: «Лицом арап, душою – русский». Трагичность данной двусмысленности плотной тенью облекала и самого Пушкина на протяжении всей его жизни.

Третий танец (хронометраж 14:38–18:15) – возвращение в Россию, приём в его честь, встреча с Петром и его двором. Пожатия, объятия, приветствия выстроены как танцевальный процесс кружения. Голова может закружиться от такой проявляемой радости. Но насколько она истинна? Открытый, сохранивший наивность ребёнка арап готов верить. Однако финальной фразой эпизода становятся слова шута «эк потешаются». И в этом знак: каким бы ни был любимцем царя арап, какие бы ни выказывались ему знаки внимания и восхищения, это всё – формальность, а иногда и потеха.

Четвёртый танец (хронометраж 25:55–37:22) – танцевальная ассамблея на корабле. Эпизод, пронизанный множеством символов и конфликтов. Смещение двух культур, вечное проявление хитрости и воровства в противовес рдениям Петра за свои идеи, истинного и наносного в отношениях, противостояние мощи великой водной стихии и творения рук человеческих. И, каза-

лось бы, ключевой момент – знакомство Ганнибала с Наташей – становится замечательной сценой, но схватка со стихией и страстями человеческими вызывает гораздо более сильные эмоции.

Пятый танец (хронометраж 1:16:52–1:20:19) – приезд во время Святков ряженных к Ганнибалу, среди которых Наташа и её брат. Позади осталась ссора Ганнибала с Петром: царь хотел свадьбы приёмного сына с приглянувшейся ему Наташей, дворянской дочерью, но арап отказывается: «Я ей не люб, это насилие». Петр изгоняет арапа, родне Наташи сообщает, что Ибрагим отказался от невесты. Несколько крутых поворотов за несколько минут экранной истории. Вернёмся к ряженным. Все они, кроме Наташи, которая уже прониклась к Ганнибалу теплотой и пониманием, желают посмеяться над ним и унижить его. Эпизод горестный и трогательный одновременно. Невозможно не проникнуться сочувствием, когда так гнусно пытаются унижить достоинство человека. Но не зря образ арапа – воплощение достоинства: сцена завершается победой духа над низменностью грязных страстей. В награду, как и положено в сказках, герой получит любовь, жену, прощение отца.

В финальном эпизоде праздника с фейерверками нет проявленного танца, но шествие счастливых влюблённых, когда пара соединена счастьем и надеждами на будущее, на мгновение напоминает торжественный полонез.

Выявление элементов фильма, определение их смыслов в контексте его идейного и тематического наполнения, выстраивание эмпирических данных в соответствии с логикой мысли приносили студентам радость от многоуровневого понимания кинотекста и собственных открытий в области осмысления художественного произведения.

Кроме теоретической части этого мероприятия, необходимо было продумать интерактивную, студенты выбрали привычный формат викторины – «вопрос-ответ». На основе прочитанного, понятого и открытого, а также исторических отсылок к биографиям А. С. Пушкина и Ганнибала студенты составили вопросы для аудитории, приведём некоторые из них:

Вопрос 1. Какой исторический персонаж, очень близкий к Петру Великому, не появляется в данном фильме и почему? **Ответ:** А. Д. Меншиков, причина – известный исторический факт оппозиции А. Ганнибала и А. Меншикова после смерти Петра.

Вопрос 2. Почему невесту Ганнибала по сюжету фильма зовут Наташа, в то время как двух жён Абрама Петровича звали Евдокия и Кристина? **Ответ:** во время создания романа Александр Пушкин знакомится с Натальей Гончаровой и даёт это имя возлюбленной арапа, жанр сказа, а не исторической повести такой отход от исторической правды позволяет.

Вопрос 3. Чем был более всего огорчён исполнитель роли арапа Петра Великого Владимир Высоцкий во время работы над фильмом? **Ответ:** Владимир Высоцкий написал песни для фильма, но они по своей силе и пронзительности не соответствовали общей концепции, поэтому были заменены. Также во время съёмок произошла трансформация идеи: фильм должен был называться, как и роман, «Арап Петра Великого», главная роль должна была принадлежать В. Высоцкому, но впоследствии роль Петра разрослась и фильм был назван «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил», история личности уступила место истории державы.

Вопрос 4. Какой исторический факт положен в основу мультипликационной заставки, где показана история детства Ганнибала (перед нами идут люди со связанными руками)? **Ответ:** здесь показан не только факт идущих в связке людей, взятых в плен, но и исторический факт из жизни Ганнибала. У него было 18 братьев, которых приводили на встречи с отцом со связанными за спиной руками, чтобы они не смогли посягнуть на отца-властителя.

Вопрос 5. Был ли Пётр I единственным императором, кому служил Ганнибал? **Ответ:** нет, жизнь Абрама Ганнибала охватила период царствования семи самодержцев, кроме Петра I, это Екатерина I, Анна Иоанновна, Пётр II, Иван VI, Елизавета Петровна и Екатерина II.

Проведение мероприятия также было совместным: преподаватели взяли на себя теоретическую лекцию, студенты же – викторину, а также ассистентскую, организаторскую и техническую работу. Обсуждение результатов показало заинтересованность в такого рода работах и общее удовлетворение от проделанного как у студентов, так и у преподавателей. Благодарность от учителей и информация о событии на сайте вуза лишь повысили самооценку и показали конкретные

точки приложения в будущей профессиональной деятельности. Задачи будущих журналистов – быть внимательными к деталям, интересоваться историей и биографиями ключевых фигур культуры, расширять собственную эрудицию, будить воображение с помощью произведений искусства и исследования их. Интерес, привлекательность и удивление от собственных открытий – неотъемлемая часть образования, гарантирующая развитие культуры профессиональной личности, совместная работа с преподавателем в аудитории и экстраполяция её результатов за пределы учебной деятельности повышают мотивацию студентов и приближают их к будущей профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов, Д. С. Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти / Д. С. Артамонов // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 4-11.
2. Асмолов, А. Г. Психология достоинства: искусство быть человеком / А. Г. Асмолов. – М.: Альпина Паблишер, 2025. – 398 с.
3. Веселовский, С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1990. – 336 с.
4. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
5. Лихачев, Д. С. Письма о добром / Д. С. Лихачев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 160 с.
6. Михеева, Ю. В. Альфред Шнитке и конец «Большого стиля» в российской киномузыке / Ю. В. Михеева // Вестник ВГИК. – 2011. – № 4 (10). – С. 82-93.
7. Николаев, С. В. Творческий портрет Владимира Высоцкого: театр и кинематограф / С. В. Николаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 10-1. – С. 29-32.
8. Рябова, Е. Л. Универсальный язык человечества: коммуникативные коды народного танца / Е. Л. Рябова, Л. О. Терновая // Казачество. – 2016. – № 11 (24). – С. 77-88.
9. Симбирцева, Н. А. Текст культуры: факторы и механизмы интерпретации / Н. А. Симбирцева // Вестник славянских культур. – 2017. – № 4. – С. 70-85.
10. Харитонов, Д. В. Александр Пушкин в русском советском кинематографе / Д. В. Харитонов // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – № 1. – С. 199-205.
11. Шак, Т. Ф. О некоторых принципах структурирования музыкального тематизма в музыке кино / Т. Ф. Шак, О. В. Масич // Культурная жизнь Юга России. – 2016. – № 1. – С. 55-61.

Муллер Ю. Г.
Yu. G. Muller

РУССКИЙ ДОМ И ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ: КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЗА РУБЕЖОМ

RUSSIAN HOUSE AND CONFUCIUS INSTITUTE: CULTURAL REPRESENTATIONS ABROAD

Муллер Юлия Геннадьевна – старший преподаватель кафедры истории, педагогики и лингвистики Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: muller.yg27@mail.ru.

Yulia G. Muller – Senior Lecturer, History, Pedagogy and Linguistics Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: muller.yg27@mail.ru.

Аннотация. Основным направлением исследования в данной статье является сравнительный анализ осуществляющих деятельность в странах зарубежья русских домов и институтов Конфуция с точки зрения особенностей деятельности, цели и задач, а также подхода к их реализации. В ходе сопоставления данных социально-культурных институций Китая и России, ориентированных на формирование образа культурной и социальной привлекательности своей страны для мирового сообщества и продвижение своего национального языка и культуры, были выявлены черты сходства и различия. Предлагаемое исследование направлений деятельности и опыта данных организаций может быть использовано для дальнейшего развития русских домов и институтов Конфуция, а также для планирования и реализации их совместной деятельности с целью развития межнационального взаимодействия и культурного многообразия.

Summary. The main focus of the research in this article is a comparative analysis of Russian Houses and Confucius Institutes operating in foreign countries in terms of the specifics of their activities, goals and objectives, as well as the approach to their implementation. In a comparison of data from socio-cultural institutions in China and Russia, focused on shaping the image of their country's cultural and social attractiveness to the global community and promoting their national language and culture, similarities and differences were identified. The proposed study of the activities and experiences of these organizations can be used for the further development of Russian Houses and Confucius Institutes, as well as for the planning and implementation of their joint activities with the aim of developing interethnic interaction and cultural diversity.

Ключевые слова: Русский дом, Институт Конфуция, внешняя культурная политика, культурная дипломатия, «мягкая сила».

Key words: Russian House, Confucius Institute, foreign cultural policy, cultural diplomacy, «soft power».

УДК 304.42

Введение. Современная ситуация, сложившаяся в области международных политических, дипломатических и экономических отношений, характеризуется серьёзными вызовами, такими как замедление темпов экономического роста в связи с пандемией COVID-19, усиление локальных конфликтов в Евразии и на Ближнем Востоке, рост угрозы терроризма и киберпреступности. Вследствие обострения напряжённости отношений между Россией и странами, входящими в блок НАТО, которое связано с началом специальной военной операции, а также многочисленными попытками изолировать Россию в политической, дипломатической, экономической и культурной сферах, дружественные отношения между Россией и Китаем вышли на уровень не только экономического и культурного партнёрства, но и стратегического союзничества. Общий вектор продвижения полицентричного мирового устройства и отказ от применения силы в международных отношениях демонстрируют стремление двух стран к тесному сотрудничеству в решении гло-

бальных проблем [1]. Начиная с 2013 года, когда Россия стала первой страной посещения Генеральным секретарём Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Си Цзиньпином в качестве главы Китайской Народной Республики (КНР) [5], развитие российско-китайских отношений характеризуется значительным ростом, наблюдающимся в сферах политической, общественной, культурной и образовательной жизни двух держав.

В период политических противоречий и экономических санкций, разделяющих страны и континенты, культура по-прежнему является тем универсальным инструментом, который способен объединять народы. На фоне глобальных геополитических изменений важным становится вопрос об эффективности культурной дипломатии и сохранении её позиции как инструмента взаимопонимания в многополярном мире, одной из задач которого является формирование уважительного отношения к культурно-цивилизационному разнообразию. Такие учреждения, как Русский дом и Институт Конфуция, активно содействуют развитию социальных, экономических и культурных связей, а также являются масштабными платформами для обмена опытом в сфере искусства, науки и образования. Несмотря на схожие задачи, данные структуры различаются по своей организации, методам работы и приоритетам. Проведение сравнительного анализа их деятельности представляет научный интерес для понимания современных моделей культурной дипломатии и выявления эффективных практик.

Целью данного исследования является выявление сходств и различий в деятельности русских домов и институтов Конфуция как инструментов внешней культурной политики России и Китая.

Основные направления деятельности русских домов. Реализуя внешнюю культурную политику, направленную на продвижение национальных интересов и сохранение российского культурного наследия, Россия стремится укрепить свою роль цивилизационного центра культуры. Созданное в 2008 году указом президента Российской Федерации Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству Россотрудничество подчиняется Министерству иностранных дел и осуществляет деятельность через представительства за рубежом, которые в 2021 году получили неофициальное название «Русский дом». Совместная деятельность русских домов и агентства Россотрудничество реализуется в таких направлениях, как продвижение русской культуры, науки и образования посредством организации и проведения мероприятий, содействующих сохранению и популяризации русского языка и русской культуры в мире, а также через создание языковых школ и курсов с целью укрепления позиций русского языка. Реализуя направления молодёжной политики, русские дома создают условия, способствующие прямому диалогу между представителями молодёжи России и других стран, что является своеобразным мостом на пути к разрушению стереотипов, десятилетиями навязываемых антироссийской пропагандой западному миру. Наиболее масштабными являются флагманская программа «Новое поколение», разработанная для зарубежных представителей научных, образовательных, общественных и деловых организаций, и программа «Здравствуй, Россия», организующая культурно-образовательные поездки для юных соотечественников, родившихся и постоянно проживающих за рубежом. В партнёрстве с объединениями соотечественников, некоммерческими организациями и волонтерскими движениями русские дома реализуют и историко-мемориальную деятельность по сохранению мест погребения, находящихся за рубежом, поскольку сохранение памяти об историческом наследии России является одной из приоритетных задач государства в условиях активизации «культуры отмены». Кроме того, русские дома оказывают всестороннюю помощь и поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом – от психологической поддержки и помощи в интеграции в реалии иной страны до помощи им в добровольном переселении в Россию [6]. Это включает поддержку русских школ за рубежом, организацию курсов русского языка, проведение культурных мероприятий и фестивалей. Важным аспектом является юридическая и информационная поддержка соотечественников, осуществляемая с помощью социальных сетей и официальных сайтов представительств Россотрудничества за рубежом.

В 2022 году в связи с прекращением межправительственных соглашений, регулирующих работу культурных центров, Словения, Словакия, Хорватия, Македония, Черногория и Румыния в одностороннем порядке приостановили деятельность русских домов, обвинив Россию в искажении исторической правды и влиянии на общественное мнение. Вследствие ухудшения отношений между Россией и Азербайджаном 11 февраля 2025 года решением страны присутствия прекратил свою работу Русский дом в Баку. Переговоры о возможном возобновлении деятельности на сегодняшний день не дали результатов. Также под угрозой закрытия находится Русский дом в Париже, поскольку такие требования выдвинули власти Франции. Отметим, что сложившаяся ситуация может негативно отразиться на культурном обмене и жизни соотечественников, проживающих в этих странах.

Несмотря на трудности и проблемы, возникшие с попытками изолировать Россию, русские дома и Россотрудничество продолжают принимать граждан из указанных стран для обучения в российских вузах по программам бакалавриата и специалитета на 2026/2027 учебный год за счёт средств федерального бюджета. По состоянию на конец 2025 года русские дома осуществляют свою деятельность в 71 стране мира силами 87 загранпредставительств.

Таким образом, миссия русских домов носит комплексный характер, сочетая культурно-просветительские функции с консультированием и поддержкой диаспоры.

Институт Конфуция как основной инструмент культурной дипломатии. С 1987 года КНР начала активно формировать и внедрять масштабную стратегию по продвижению китайского языка, в рамках которой был создан Государственный совет по распространению китайского языка при Министерстве образования КНР с исполнительным органом «Ханьбань» (Центр продвижения китайского языка). В 2004 году с целью побуждения к изучению своего национального языка за рубежом Китай запустил международный проект «Мост китайского языка», центральное место в котором заняли институты Конфуция. В России их деятельность официально началась в декабре 2006 года с открытия первого образовательного центра при ДВГУ во Владивостоке. Расширение сети продолжилось, и в октябре 2010 года Харбинский педагогический университет открыл Институт Конфуция при Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете (АмГПУ, г. Комсомольск-на-Амуре) [2]. Образовательные центры институтов Конфуция осуществляют комплексную языковую подготовку, включающую организацию языковых курсов, подготовку к языковым экзаменам HSK (общий уровень владения языком для учёбы или работы), ВСТ (навыки делового китайского языка), YCT (для школьников до 15 лет) и проведение квалификационных экзаменов по китайскому языку, активно разрабатывают методические материалы для иностранных преподавателей. Кроме этого, данные учреждения активно участвуют в академическом сотрудничестве, организовывая стажировку студентов и преподавателей в КНР, а также в проведении научных конференций, форумов, фестивалей и культурном обмене, проводя мероприятия, популяризирующие китайскую культуру, искусство, традиции и историю.

Поскольку Институт Конфуция стал первой организацией, на государственном уровне призванной продвигать, популяризировать национальную культуру и национальный язык Китая и укреплять их позиции, внося вклад в культурную дипломатию, он вызвал интерес у общественности и у академических кругов. Этот интерес связан с тем, что, во-первых, данная организация представляет собой своеобразную разветвлённую структуру, предполагающую широкое присутствие и, как следствие, имеет диверсификационный характер распространения, заключающийся в распределении ресурсов в различные социальные отрасли. Институты Конфуция активно встраивают национальное культурное и языковое присутствие в такие сферы, как дипломатия, образование, журналистика, наука, медицина, спорт. Эти учреждения эффективно взаимодействуют с вузами стран мира, интегрируя китайский язык и культуру в образовательные программы, и осуществляют многоплановую академическую поддержку – от выполнения переводов с китайского языка для различных организаций до повышения квалификации иностранных преподавателей и предоставления грантов на обучение в Китае. Во-вторых, интерес академического сообщества вызван соотношением экстенсивного количественного и качественного роста филиалов учреждения по всему миру, поскольку несоответствие между этими показателями (количество/качество) по-

степенно может привести к снижению эффективности деятельности. В-третьих, дискуссионным является вопрос позиционирования институтов Конфуция, возникший в связи с неопределённым правовым статусом и неопределённостью границ деятельности и полномочий, поскольку существует противоречие между представлением этих учреждений не как государственных информационно-культурных центров, а как совместных с зарубежными университетами академических инициатив при сильном влиянии правительства КНР [3].

В конечном итоге при наличии проблем с позиционированием учреждений, высокими финансовыми затратами для КНР, сконцентрированностью только на преподавании китайского языка и других трудностей, по данным на июнь 2024 года свою деятельность осуществляют 495 институтов Конфуция и 763 класса Конфуция в 160 странах зарубежья, а также в государствах постсоветского пространства [7]. В настоящее время в России существует 19 институтов и 5 классов Конфуция, расположенных в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, Казани, Улан-Удэ, Томске, Рязани, Ярославле, Благовещенске и других городах [8]. Таким образом, институты Конфуция, представляя собой масштабный культурный и образовательный проект, на сегодняшний день являются важнейшим инструментом продвижения китайской культуры и языка, а также выступают в качестве масштабного инструмента культурной дипломатии.

Деятельность институтов Конфуция сфокусирована преимущественно на образовательной и культурно-просветительской работе среди широкой иностранной аудитории.

Сравнительный анализ целей и способов их реализации русскими домами и институтами Конфуция. Исследование деятельности русского дома и института Конфуция демонстрирует их способность распространять свои национальные языки, национальную культуру в странах зарубежья посредством реализации программ и активного взаимодействия с различными профильными организациями и учреждениями стран присутствия. Сравнительный анализ функционирования данных учреждений в отношении цели, задач и подходов к их реализации даёт возможность выявить общие и отличные признаки и определить вектор эффективного развития государств в области культуры и образования.

Цель создания русских домов как представительств Россотрудничества определяется Концепцией гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, которая направлена на укрепление гуманитарного влияния России и продвижение традиционных ценностей, русского языка и культуры за рубежом для формирования позитивного образа страны [9]. С точки зрения целеполагания важно обратиться к историческому контексту возникновения идеи русского дома как своеобразного хранителя культурных ценностей и языка, которая зародилась ещё в начале XX века, когда начавшая складываться за рубежом русская диаспора стремилась сохранить традиции и русский язык для потомков.

Целью создания института Конфуция является содействие пониманию китайского языка и китайской национальной культуры другими народами, оказание поддержки в изучении языка, развитие дружественных отношений между Китаем и другими странами, развитие мирового разнообразия и создание гармоничного общества, обеспечение образовательного процесса для желающих изучать китайский язык по всему миру [4].

Таким образом, несмотря на безусловное сходство целей рассматриваемых институций в плане продвижения национального языка и национальной культуры, русские дома стремятся в первую очередь к сохранению и трансляции преемственности ценностей и традиций для соотечественников, проживающих в странах зарубежья и желающих интегрироваться в жизнь новой страны проживания, сохранив при этом национальную идентичность. Институты Конфуция сосредоточены на активном продвижении национального языка и национальной культуры по всему миру.

Поскольку и русские дома, и институты Конфуция занимаются продвижением национального языка и национальной культуры, способы продвижения на первый взгляд аналогичны. Деятельность исследуемых организаций, выступающих в качестве своеобразных мостов в межкультурном диалоге и являющихся проводниками национальной культуры и языка, имеет важное ис-

торическое значение в формировании образа культурной и социальной привлекательности своих стран. Это реализуется в организации языковых курсов и школ, академических языковых и культурных обменах, организации обучения молодёжи в вузах, консультационной деятельности, информировании о проводимых мероприятиях и программах средствами социальных сетей и официальных сайтов представительств. Так, проводя деятельность по продвижению русского языка, русские дома при поддержке агентства Россотрудничество открывают языковые школы и курсы в новых регионах мира. Согласно данным информационно-просветительского журнала об образовании в России «НED», в странах Африканского континента (Египет, Марокко, Тунис, Конго, ЮАР, Буркина-Фасо, Нигер и др.) действуют более 15 русских домов, объединённых целью укрепления культурных и гуманитарных связей между Россией и Африкой. На курсах, проводимых русскими домами, тысячи людей не только изучают русский язык, но и активно участвуют в культурных мероприятиях, выставках, фестивалях и тематических лекциях, которые знакомят зарубежную аудиторию с русской культурой, искусством и историей. Русские дома при содействии агентства Россотрудничество помогают африканским студентам получить доступ к российскому образованию и устанавливают позитивный имидж России в африканских странах [10]. Русские дома осуществляют планирование и реализацию проектов, направленных на оказание консультативной, юридической и социальной помощи соотечественникам. В феврале 2025 года в Москве состоялась встреча советника Президента Российской Федерации Антона Кобякова и руководителя агентства Россотрудничество Евгения Примакова, посвящённая планированию совместной деятельности Фонда Росконгресс и Россотрудничества. В ходе беседы участники договорились о дальнейшем развитии зарубежной сети представительств и системном взаимодействии по контентному наполнению русских домов [11]. На Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 18 июня 2025 года был представлен терминал для биометрических данных, позволяющий соотечественникам, проживающим за рубежом, удалённо передавать биометрические данные, упрощая получение сим-карт и доступ к государственным услугам, требующим подтверждения личности в России. В рамках проекта «Карта Родина» предлагают соотечественникам получение доступа к цифровым услугам, помощи в миграционных вопросах, информации об образовании и работе в России, не покидая страну проживания [12]. На сегодняшний день сервис «Карта Родина» работает в тестовом режиме в Армении, Узбекистане, Киргизии и Казахстане. С целью поддержки и объединения представителей диаспоры вокруг православной религии и продвижения культурно-гуманитарных связей соотечественников русские дома при содействии Россотрудничества активно взаимодействуют с Русской православной церковью (РПЦ) и Союзом «Христианский мир». Совместная деятельность реализуется в проведении экспертных форумов, круглых столов, конференций. В 2024 году Русский дом в Белграде стал площадкой для торжественной церемонии вручения ведомственных наград Россотрудничества, приуроченной к празднованию Дня народного единства. В знак благодарности за помощь в проектах Россотрудничества и Русского дома награды были вручены представителям Сербской православной церкви и общественным деятелям Сербии и Республики Сербской [13].

Институт Конфуция ориентирован на преподавание китайского языка иностранным гражданам и знакомство с самобытной китайской культурой путём погружения и личного участия в чайных церемониях, уроках каллиграфии, освоении древних китайских видов спорта и основ китайской народной медицины. Подобный подход, безусловно, способствует качественному изучению языка. Между Институтом Конфуция Университета Нови-Сад в Сербии и проектной группой China Road and Bridge Corporation 16 января 2026 года состоялось подписание соглашения о запуске программы «Китайский +». Данная программа, в рамках которой будут осуществляться инженерная практика, культурные обмены и подготовка талантливых специалистов, предполагает модель сотрудничества по принципу «язык + место жительства + культура + общественное благосостояние» [14]. Институтом Конфуция при Университете Малайзии в январе 2026 года была проведена Неделя культуры Весеннего фестиваля. В рамках мероприятия участникам представлены стенды, посвящённые национальной китайской культуре, в том числе искусству изготовления ханьфу (традиционной одежды ханьцев) и изделий из парчи Сун, а также традиционным нацио-

нальным играм [15]. Институты Конфуция, осуществляющие деятельность в российских вузах, также участвуют в масштабной работе по продвижению китайского языка и китайской культуры. Образовательный центр «Институт Конфуция» при АмГПУ осуществляет языковую подготовку, проводит олимпиады для школьников, изучающих китайский язык, а также знакомит слушателей курсов с особенностями китайской культуры в рамках мастер-классов, активно привлекает всех желающих принять участие в национальных календарных праздниках. Так, по плану университета 17 февраля 2026 года в актовом зале состоится концерт, посвящённый празднованию Нового года по лунному календарю [16].

Анализ деятельности русских домов и институтов Конфуция и мероприятий в рамках этой деятельности показал, что если институты Конфуция ориентированы на продвижение китайского языка и национальной культуры, то функции русских домов носят более широкий характер, поскольку содействуют не только продвижению языка и культуры, но и активной помощи соотечественникам, проживающим за рубежом.

Несмотря на различия, оба учреждения обладают значительным потенциалом для взаимодействия, особенно в странах, где представлены оба. Возможные направления для сотрудничества включают совместные культурные проекты (организация фестивалей, посвящённых российско-китайскому культурному диалогу, выставок современного искусства, кинопоказов), образовательные инициативы (разработка совместных программ по подготовке переводчиков, летних школ по изучению культуры и языка), обмен лучшими практиками в области методики преподавания языка как иностранного, организации онлайн-курсов, работы с волонтерами и т. п.

Выводы. Русские дома и институты Конфуция являются важными, но отличающимися по своей модели инструментами культурной дипломатии России и Китая. Русские дома выполняют широкий спектр функций, сочетая культурно-просветительскую миссию с активной работой по поддержке диаспоры, что определяет их особую социальную роль. Институты Конфуция демонстрируют высокую степень стандартизации и глобального охвата, будучи сфокусированными на образовательных и культурно-ознакомительных задачах. Оба института сталкиваются с внешними вызовами, требующими гибкости и адаптации к меняющимся международным условиям. Различия в подходах не являются препятствием для диалога, но создают основу для взаимодополняющего сотрудничества в интересах развития межкультурной коммуникации и укрепления гуманитарных связей между Россией, Китаем и странами их присутствия.

В эпоху глобальных перемен организации, реализующие деятельность в области языка и культуры, выступают важнейшими инструментами «мягкой силы» и культурной дипломатии. Россия и Китай как страны с древнейшей историей и культурой по праву транслируют миру свои национальные духовные ценности, являющиеся неотъемлемой частью мирового достояния, посредством инициатив, которые включают в себя культурную, образовательную и научную составляющие. Русские дома агентства Россотрудничество и институты Конфуция – это важнейшие структуры, которые демонстрируют открытость и стремление к межкультурному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ельникова, Ю. В. Российско-китайские отношения: достижения, проблемы и перспективы / Ю. В. Ельникова // Национальная безопасность. nota bene. – 2025. – № 2. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71763 (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.
2. Петрунина, Ж. В. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 43-51.
3. Селезнева, Н. В. Институты Конфуция в новую эпоху: проблема позиционирования / Н. В. Селезнева // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022: сборник статей работы международной научной конференции молодых востоковедов, Москва, 25-26 ноября 2021 года. – М.: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. – С. 268-278.
4. Чжао, С. Институт Конфуция и фонд «Русский мир» в контексте глобализации: сравнительный анализ / С. Чжао // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 9 (77). – С. 143-147.

5. Хронология развития российско-китайских отношений: основные даты // Просветительский портал Российское историческое общество. – URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/rossiya-kitaj-2.html> (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.
6. Что такое Русский дом и как работают представительства Россотрудничества // Портал РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/base/23/04/2025/6808cb7b9a7947945542dcc8> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
7. Журнал Институт Конфуция. – 2024. – № 5. – URL: chrome-extension://efaidnbmnmnibpcajpcglclefindmkaj/https://confucius.nstu.ru/files/global/magazines/2024/5_2024.pdf (дата обращения: 25.01.2026). – Текст: электронный.
8. Об Институте Конфуция // Сайт Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – URL: <https://ci.urfu.ru/ru/about/> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст: электронный.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.01.2026). – Текст: электронный.
10. «Главный офис» всех Русских домов в мире // Официальный сайт агентства Россотрудничество. – URL: https://hedclub.com/ru/publication/rossotrudnichestvo_the_head_office_of_all_the_russian_houses_in_the_world_754 (дата обращения: 03.02.2026). – Текст: электронный.
11. Росконгресс будет представлять свои проекты в Русских домах за рубежом // Официальный сайт агентства Россотрудничество. – URL: <https://rs.gov.ru/news/roskongress-budet-predstavlyat-svoi-proekty-v-russkih-domah-za-rubezhom/> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст: электронный.
12. За границей появятся терминалы «Карта Родина» // Официальный сайт агентства Россотрудничество. – URL: <https://rs.gov.ru/news/za-graniczej-royavyatsya-terminaly-karta-rodina/> (дата обращения: 30.01.2026). – Текст: электронный.
13. По случаю Дня народного единства в Русском доме в Белграде состоялось вручение ведомственных наград Россотрудничества // Официальный сайт Русского дома в Белграде. – URL: <https://ruskidom.rs/2024/11/04/po-sluchaju-dnja-narodnogo-edinstva-v-russkom-dome-v-belgrade-sostojalos-vruchenie-vedomstvennyh-nagrad-rossotrudnichestva/> (дата обращения: 01.02.2026). – Текст: электронный.
14. Институт Конфуция, Университет Нови-Сада (Сербия) провели подписание соглашения о сотрудничестве в области совместного строительства бренда «Chinese+» // Официальный сайт Института Конфуция. – URL: <https://ci.cn/en/jphd/5589452a-210c-4150-9c77-dc85443c705a> (дата обращения: 03.02.2026). – Текст: электронный.
15. Институт Конфуция при Университете Малайзии организовал мероприятия Недели культуры Весеннего фестиваля 2026 года // Официальный сайт Института Конфуция. – URL: <https://ci.cn/en/jphd/0cd081fd-c630-40c9-9103-e3c26f206f58> (дата обращения: 02.02.2026). – Текст: электронный.
16. ОЦ «Институт Конфуция» при ФГБОУ ВО «АмГПУ» // ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/public217074531> (дата обращения: 02.02.2026). – Текст: электронный.

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

«ГОЧАО» КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

«GUOCHAO» AS A CULTURAL PHENOMENON OF SELF-REPRESENTATION OF CONTEMPORARY CHINA

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. Исследование посвящено новому феномену культуры современного Китая – «Гочао», который стал ключевым элементом культурной политики и национальной идентичности. В статье выявляются социально-культурные условия, позволившие локальному потребительскому тренду «Гочао» стать инструментом национальной саморепрезентации на мировой арене. Осмыслению подвергается трансформация устойчивых национальных стереотипов, культурно-исторических символов, которые в новой интерпретации «Гочао» формируют культурный код современный Китая. В результате анализа широкого массива источников (официальных документов, материалов китайской интернет-прессы и статистических данных) констатируется формирование нового культурного кода в контексте «Гочао». Суть этого кода заключается в том, что национальные бренды превращаются в материальный символ культурной идентичности и патриотизма.

Summary. This paper examines a new cultural phenomenon in contemporary China – «Guochao» which has become a key element of cultural policy and national identity. It identifies the socio-cultural conditions that have enabled the local consumer trend of «Guochao» to become an instrument of national self-representation on the global stage. It examines the transformation of persistent national stereotypes and cultural and historical symbols, which, through the new interpretation of «Guochao» shape the cultural code of modern China. The analysis of a broad source base, including official documents, Chinese online media, and industry statistics, reveals formation of a new cultural code within the «Guochao» phenomenon. This code defined by national brands becomes a material symbol of cultural identity and patriotism.

Ключевые слова: «Гочао», традиционная культура Китая, национальный брендинг, культурная саморепрезентация.

Key words: «Guochao», traditional Chinese culture, national branding, cultural self-representation.

УДК 008+316.722

Введение. Актуальность исследования феномена «Гочао» обусловлена его стремительным перевоплощением из маркетингового тренда в ключевой элемент культурной политики и национальной идентичности современного Китая. Этот феномен культуры позволяет сочетать традиционные элементы в сфере современного производства разнообразных товаров. Так, в условиях глобальной конкуренции национальных брендов, многие из которых становятся национальными культурными символами, «Гочао» представляет собой комплексное явление, трансформировавшее устойчивый стереотип о низкосортности штампа «Сделано в Китае». Благодаря этому маркировка «цзай Чжунго чжицзао (произведено в Китае)» приобретает положительную коннотацию, становится символом качества и надёжности.

«Гочао» формирует привлекательный образ технологичной и культурно автономной державы, что обуславливает необходимость изучения этого феномена для понимания новых механизмов китайской «мягкой силы» и её влияния на трансформацию глобального культурного ландшафта в XXI в.

Проблематика исследования заключается в противоречивой природе феномена «Гочао», который включает элементы маркетинга, национальной культурной традиции и государственного политического курса. В связи с этим научная проблематика заключается в выявлении социально-культурных условий, позволивших локальному потребительскому тренду стать инструментом национальной саморепрезентации на мировой арене. Осмысления требует трансформация устойчивых национальных стереотипов, культурно-исторических символов, которые в новой интерпретации «Гочао» формируют культурный код современного Китая.

Цель исследования – роль культурного феномена «Гочао» в формировании самопрезентации современного Китая.

Достижение цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Рассмотреть ключевые понятия исследования: феномен «Гочао», «культурная самопрезентация», «культурный код».
2. Выявить основные механизмы «Гочао» как инструмента «мягкой силы».
3. Определить роль и перспективы «Гочао» в формировании культурной саморепрезентации и национальной идентичности.

Методологическая база исследования определена с учётом междисциплинарного характера научной проблематики и цели работы и поэтому включает методологию, актуальную для исследований, выполненных в рамках социокультурного подхода. Комплексный характер методологического аппарата позволяет реализовать детальный анализ феномена «Гочао».

Обращение к культурно-семиотическому подходу (Ю. М. Лотман, Р. Барт) даёт возможность проанализировать феномен «Гочао» как сложную знаковую систему и выявить механизмы репрезентации национальной идентичности через переосмысление традиционных символов и создание новых культурных кодов [6].

Для анализа социального контекста используется социокультурный подход, в частности теория «культурных индустрий» (Т. Адорно, Д. Хезмондалш), в рамках которой «Гочао» рассматривается как комплексный продукт медиа, маркетинга (брендинга) и государства [1; 17].

Метод визуального анализа для интерпретации рекламных образов и дизайна продукции используется для выявления закономерностей репрезентации брендов и медийных кампаний как элементов культурного феномена «Гочао».

Анализ социокультурного феномена в рамках данного исследования реализуется на материале следующих типов **источников**:

1. Интернет-ресурсы с визуальными и медийными образами, включающие рекламные кампании, лукбуки (визуальные каталоги, представляющие коллекцию одежды, аксессуаров или других модных товаров бренда или дизайнера); дизайн продукции и упаковки ключевых брендов «Гочао» (Линин, Фейюэ, Шанхай Джава).
2. Документы, транслирующие основные положения культурной политики КНР (План развития культурных индустрий на 2021-2025 гг.).
3. Интернет-ресурсы китайских официальных газет (тематические статьи в изданиях «Жэньминь жибао», «Цзинцзи жибао», «Гуанмин жибао»).
4. Сайты китайских консалтинговых агентств «Айресерч» и «Ит-консалтис» с данными о рынке брендов «Гочао» в Китае.

Анализ ключевых понятий исследования. В центре внимания настоящего исследования – феномен «Гочао», который стал неотъемлемой частью культуры современного Китая. «Гочао» (буквально «национальная волна» или «государственный тренд») – это многогранный культурный и маркетинговый феномен в современном Китае, представляющий собой продвижение брендов, дизайна и продуктов, которые синтезируют традиционное китайское культурное наследие с современными технологиями. Тренд появился в XXI в. и стал формой культурной

идентичности нового поколения, а также языком культурной саморепрезентации. Он приобрёл особую популярность среди китайских брендов, которые способствуют популяризации национальной культуры страны.

Ранее исследуемый феномен означал только использование традиционной символики (природные элементы, животные, иероглифы, цветовая гамма) в дизайне одежды и обуви. Однако с укреплением позиций Китая в мире влияние этого феномена на культуру было существенно расширено. Так, символы «Гочао» отражаются не только в сфере моды, но и в спорте, музыке, киноиндустрии, театральном искусстве, автопромышленности, ландшафтном дизайне, архитектуре.

Феномен «Гочао» рассматривается как инструмент **«культурной саморепрезентации»** Китая, что обуславливает необходимость рассмотрения этого базового понятия. В рамках культурологического подхода «саморепрезентация» определяется как целенаправленный процесс, посредством которого сообщество (нация, этнос, социальная группа) конструирует и транслирует вовне образ собственной идентичности, ценностей и уникальности [20]. Она часто служит инструментом трансляции «мягкой силы» и формирования культурного суверенитета.

И. Гофман исследовал феномен в рамках теории социальной саморепрезентации. Социальное взаимодействие представляет своего рода театральное действие. Индивид сознательно или бессознательно использует различные средства (речь, одежда, жесты) для создания определённого образа, соответствующего социальной роли, контексту и желаемым целям (произвести впечатление, получить одобрение, сохранить лицо) [5, 152].

Культуролог С. Холл разработал концепцию репрезентации культурной идентичности. В его концепции идентичность – это не врождённая и неизменная сущность, а динамичный конструкт, который формируется в процессе репрезентации. Репрезентация при этом понимается не как пассивное отражение реальности, а как активная практика производства смыслов через язык, дискурсы и культурные образы. Через репрезентацию происходит постоянный процесс формирования идентичности [16].

Согласно теории Б. Андерсона, любая нация представляет собой «воображаемое политическое сообщество», поскольку в сознании представителей нации существует образ общей связи между ними. Ключевую роль в возникновении такого воображаемого единства сыграл, по Андерсону, такой феномен, как «печатный капитализм» – массовый выпуск книг, газет и журналов на местных языках. Таким образом, нации – это не естественные сущности, а исторически сконструированные культурные артефакты. Они создаются и поддерживаются через общие символы (флаги, гимны), нарративы (общая история, герои) и ритуалы, которые постоянно репрезентируются через медиа и систему образования [2, 216]. Нация существует, прежде всего, в коллективном воображении её членов. Таким образом, «культурная саморепрезентация» – это сознательный процесс символического конструирования и продвижения коллективного «Я» [18]. В контексте данного исследования под «саморепрезентацией» понимается комплекс стратегий и инструментов, используемый Китаем для представления на мировой арене своего национального потенциала.

Исследование «Гочао» неразрывно связано с феноменом **«культурный код»**. Теоретический фундамент термина заложил К. Леви-Стросс, который в рамках разработки структурной антропологии ввёл понятие «культурного бессознательного». Он заложил методологическую основу для поиска универсальных структур (кодов), управляющих культурными феноменами. Прямого термина «культурный код» в его классических работах нет, но именно его идеи стали теоретическим фундаментом [2, 187].

Позже понятие было уточнено Р. Бартом и в настоящее время в культурологии и семиотике обозначает систему базовых, часто неосознаваемых установок, ценностей и моделей восприятия, которые являются общими для членов определённого сообщества и формируют «ментальную программу» их поведения [3, 318]. Коды воплощаются в мифах, символах, ритуалах, языке и материальных артефактах. Их расшифровка позволяет понять внутреннюю логику культуры, скрытую за внешними практиками.

Отечественные исследователи А. Огарев, В. Наумов широко используют «культурный код» в маркетинге и социологии для изучения потребительской культуры и концепции развития российских брендов [16].

В контексте «Гочао» обращение к культурному коду означает выявление современных китайских культурных кодов, которые делают транслируемый национальный образ узнаваемым, соединяя архетипическое с современным контентом.

«Гочао» как инструмент мягкой силы Китая. Феномен вышел за пределы внутреннего потребительского тренда, превратившись в ключевой компонент национальной стратегии «мягкой силы» современного Китая. Если традиционно «мягкая сила» ассоциировалась с государственными проектами (Институт Конфуция) [19], то «Гочао» представляет собой её рыночно-ориентированную форму, которая воздействует на глобальную аудиторию через призму культуры, а не прямой идеологической пропаганды.

«Гочао» функционирует как сложная система, в основе которой лежат глубинные культурные коды китайского общества. В связи с этим необходимо дифференцировать процесс использования традиционных визуальных символов (вышивка, узоры, сюжеты живописи и др.) и феномен «Гочао». Обращение к национальной культурной символике в рамках «Гочао» предполагает не только её использование в современном брендинге, но и переосмысление, включение в неё новых вариантов интерпретации культурного наследия [21]. Таким образом, древний культурный символ, будучи помещённым в новый контекст, не теряет своей аутентичности, но обретает новые современные черты. В новой форме репрезентации раскрывается чувство патриотизма, гордости за национальную культуру в актуальной для современного общества интерпретации.

В качестве одного из самых эффективных инструментов «мягкой силы» «Гочао» способствует трансформации восприятия Китая в мире, переписывая национальный культурный нарратив. Анализ привлекаемых к исследованию разных типов материалов позволяет выделить формы, через которые реализуются вышеописанные функции «Гочао»:

– **статистические показатели реализации феномена «Гочао».** В ходе исследования для анализа количественных показателей феномена «Гочао» были привлечены данные ведущих китайских консалтинговых агентств «Айресерч» и «Ит-консалтис». Отчёты этих агентств содержат статистику по потребительскому поведению и рынку в Китае, понимание которой позволяет установить современные тенденции развития «Гочао».

Так, согласно представленным данным, около 70 % молодых потребителей (поколение Z) в Китае предпочитают покупать товары национальных брендов, а не зарубежных. Таким образом, фиксируется рост интереса к товарам, совмещающим культурное наследие с современным дизайном [12].

Также было установлено, что в период с 2023 по 2024 гг. объём поисковых запросов, связанных с «Гочао», на платформах маркетплейсов вырос в 10 раз по сравнению с 2022 г. [13].

Более 80 % респондентов-потребителей заявили о доверии к национальным брендам и готовности покупать продукцию «Гочао» [12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследуемый феномен – это не временная маркетинговая кампания, а устойчивый национально-культурный тренд.

– **«Гочао» как транслятор ключевых аспектов национальной культурной политики.** Анализ официального правительственного документа «План развития культурных индустрий КНР на 14-ю пятилетку (2021-2025 гг.)» имеет большое значение для понимания государственного контекста феномена «Гочао» [14]. Согласно государственному документу, приоритетные направления государственной программы ориентированы на формирование национальной культурной идентичности (см. табл. 1).

– **Репрезентация феномена «Гочао» в китайской официальной прессе.** Официальная китайская пресса, являясь транслятором государственной политики, играет ключевую роль в легитимации, структурировании и популяризации феномена «Гочао». Анализ публикаций в таких изданиях, как «Жэньминь жибао» (главная партийная газета, транслирующая государственную идеологию), «Гуанмин жибао» (издание, освещающее вопросы культуры, науки и образования) и

«Цзинци жибао» (официальное издание, отражающее экономическую сферу), позволяет выявить несколько ключевых тематических блоков, раскрывающихся в медийной репрезентации феномена «Гочао».

Таблица 1

Основные цели и приоритеты «Плана развития культурных индустрий КНР на 14-ю пятилетку (2021-2025 гг.)»

Положения Плана	Значение положений	Интерпретация в контексте «Гочао»
1. «Вэньхуа цзысинь» – укрепление «культурной силы»	Идея о признании силы, ценности, глобального значения китайской цивилизации; отрицание превосходства западных культурных моделей; обращение к национальным традициям при построении современного китайского общества	«Гочао» – потребительское воплощение «культурной уверенности», в котором патриотизм выражается через выбор современных товаров, включающих национальный культурный код
2. «Цун да дао цян» – от «большой» к «сильной» державе	Переориентация сфер производства от «количества» в сторону «качества». Создание конкурентоспособных на мировом рынке культурных продуктов и услуг	«Гочао» – показатель способности Китая создавать из своего культурного наследия инновационные, качественные и востребованные в мире продукты, что является доказательством перехода к статусу «сильной культурной державы»
3. «Вэньхуа +цишу» – синтез культуры и технологий	Внедрение передовых технологий (технологии искусственного интеллекта, виртуальная реальность и др.) в создание, производство и распространение культурного контента	Технологии – необходимая среда существования для «Гочао», возможность глобализации культуры
4. «вэньхуа +» – слияние культуры с другими отраслями	Слияние культурных индустрий с туризмом, спортом, коммерцией, образованием и сельским хозяйством для создания новых бизнес-моделей и продуктов	«Гочао» расширяет границы от индустрии моды к охвату большинства сфер производства товаров
5. «вэньхуа шучу»	Поддержка выхода на международный рынок китайских онлайн-литературы, анимации, игр, телепродукции и брендов	«Гочао» создаёт узнаваемые культурные бренды с китайской спецификой

В ходе данного исследования были рассмотрены интернет-издания газет (70 выпусков) за период с 2019 по 2024 гг. Данный хронологический отрезок был выбран неслучайно, т. к. он охватывает ключевые этапы становления феномена:

– 2019 – 2020 гг. – период активного формирования «Гочао» как самостоятельного тренда, его выхода за пределы узких субкультурных кругов на международные площадки.

– 2021 – 2022 гг. – этап активной интеграции «Гочао» в официальный политический и экономический курс. Освещение этого периода демонстрирует, что рыночный феномен начинает переосмысляться как инструмент национальной стратегии [15].

– 2023 – 2024 гг. – период экспансии, когда «Гочао» утверждается как массовое явление, проникающее в различные сферы экономики. Материалы этих лет отражают его роль в укреплении внутреннего рынка и формировании конкурентоспособности на международном уровне [21].

Проанализированные материалы прессы позволяют выявить нарративные группы, раскрывающие смысловое ядро «Гочао». Во-первых, это **идея об укреплении национального духа**. В этом ракурсе «Гочао» преподносится как доказательство реализации курса на формирование «вэньхуа цзысинь» (культурной силы), выдвинутого Си Цзиньпином.

Например, в статье издания «Жэньминь жибао» (23.06.2024), посвящённой национальному спортивному бренду «Линин», делается акцент на том, что презентация бренда вышла на международный уровень и коллекция представлена на Неделе моды в Нью-Йорке. Таким образом, китайские дизайнеры «...вдохнули новую жизнь в элементы одежды династии Тан» (цитата приводится в переводе с китайского языка) (см. рис. 1, 2) [8]. В результате раскрывается идея о силе китайской традиционной культуры и её способности сохранить свою мощь даже в современной интерпретации, не теряя актуальности.

Рис. 1. Спортивная коллекция «Линин», выполненная в контексте «Гочао»

Рис. 2. Элементы «Гочао» в молодёжной коллекции одежды [10]

Во-вторых, **идея об укреплении связи традиций и инноваций**. Так, в официальной прессе «Гочао» представляется как «успешная модель инновационной экономики», отвечающая целям государственного «Плана развития культурных индустрий». Например, в «Цзинцзи жибао» (17.10.2023) в материале о китайской косметической компании «Флорасис» представлен анализ особенностей её концепции – синтез научных разработок для воссоздания древних рецептов и техник, технологий больших данных для анализа потребительского спроса и экспорта не только на азиатские, но и европейские рынки [9].

В публикации проводится прямая параллель между успехом компании «Флорасис» и государственным курсом на инновационное развитие традиционной культуры, представленным в «Плане развития культурных индустрий». Компания позиционируется как успешный исполнитель национальной задачи по преодолению стереотипа о низком качестве товаров «сделано в Китае», и продвижению престижа статуса «разработано в Китае».

В-третьих, в прессе продвигается **идея о связи между выбором продукции «Гочао» и проявлением патриотической позиции**, особенно среди молодёжи. Например, «Гуанмин жибао» (11.12.2022) публикует статью о китайском молодёжном тренде выбирать стилизованную под ханьфу современную одежду, которая получила название «синь чжунши»; посещать традиционные чайные вместо западных сетевых кофеен [7]. В результате акцент делается не на индивиду-

лизме, а на коллективном чувстве принадлежности к национальной культуре. Таким образом, «Гочао» интерпретируется как процесс культурной самоидентификации и поддержки отечественного производителя.

В-четвёртых, **идея о формировании культурной идентичности через технологический суверенитет.** Китайская автомобильная промышленность является ярким примером реализации «Гочао». Современные автомобили китайских марок «Нио», «Байд», «Лисян», «Экспэн» и других воплощают не только технический прогресс, но и новый китайский стиль жизни и мышления. Это ориентация на комфорт, надёжность, заботу о человеке, реализуемую с помощью технологий искусственного интеллекта [11]. Освещение в китайской прессе достижений отечественного автопрома – это не сухая констатация технических возможностей и преимуществ, а обращение к идее «культурной силы», которая переносится на сферу технологий. Так, в публикации «Жэньминь жибао» (21.09.2024) утверждается мысль о том, что современное состояние производства Китая основывается не на копировании «чужого», а создании собственных трендов, которые получают мировое признание [8]. Автомобиль освещён в прессе как сложный продукт «Гочао», который символизирует идентичность целой отрасли производства государству.

Таким образом, в официальной китайской прессе феномен «Гочао» трансформируется из рыночного тренда в национальный символ укрепления патриотизма, развития экономического потенциала, консолидации молодого поколения, транслятора «мягкой силы».

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что «Гочао» представляет собой сложный феномен, который является носителем культурного кода и стал ключевым инструментом стратегической саморепрезентации современного Китая. Это явление представляет собой результат перехода от позиционирования себя Китаем как «мировой фабрики» к конструированию образа страны – источника культурных инноваций и технологического суверенитета.

«Гочао» функционирует как культурная система, которая способствует формированию нового типа продукта – симбиоза традиционных символов и инновационной формы. Этот продукт порождает новый культурный код, в котором бренд становится материальным выражением национальной идентичности и патриотизма.

Таким образом, акт покупки отечественных товаров в эстетике «Гочао» наделяет новым культурным смыслом сферу потребления. Он становится актом гражданского участия в национальном проекте, направленном на реализацию официального курса построения «сильной культурной державы». «Гочао» доказывает, что в эпоху глобализации национальная идентичность может не только сохраняться, но и конструироваться и продвигаться с помощью рынка, превращаясь в один из самых действенных ресурсов мягкой силы Китая в XXI в.

В результате выбор в пользу товаров в стиле «Гочао» для китайцев – это не просто покупка, поскольку с помощью рыночных стратегий формируется чувство национальной идентичности. Это способ участия каждого потребителя в национальном движении, цель которого укрепление позиций Китая. Вследствие этого мягкая сила Китая реализуется не через прямую пропаганду, а через рыночный успех и эмоциональную вовлечённость потребителей, которые добровольно выбирают и распространяют новый образ страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно, Т. Эстетическая теория / Т. Адорно; пер. с нем. А. В. Дранова. – М.: Республика, 2021. – 527 с.
2. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 416 с.
3. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с. – URL: <https://djvu.online/file/1tbhCBwocYrrU> (дата обращения: 15.01.2026). – Текст: электронный.
4. Бударина, А. А. Влияние традиционной китайской культуры на современную деловую среду в Китае / А. А. Бударина, Э. К. Шохоев // Актуальные проблемы экономики и управления: сборник материалов Всерос. науч.-практ. форума, посвящённого 95-летию университета, Брянск, 23 апреля 2025 г. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2025. – С. 526-532.

5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ., [вступ. ст.] А. Д. Ковалева, Ин-т социологии РАН и др. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 302 с.
6. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
7. Официальный сайт газеты «Гуанмин жибао». – URL: <http://www.gmw.cn/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст: электронный.
8. Официальный сайт газеты «Жэньминь жибао». – URL: <http://www.people.com.cn/> (дата обращения: 17.01.2026). – Текст: электронный.
9. Официальный сайт газеты «Цзинцзи жибао». – URL: <http://paper.ce.cn/> (дата обращения: 15.01.2026). – Текст: электронный.
10. Официальный сайт компании «Линин». – URL: <https://lining.com/> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
11. Официальный сайт китайского автомобильного портала «Цичэ чжицзя». – URL: <https://www.autohome.com.cn/beijing/?from=m> (дата обращения: 12.01.2026). – Текст: электронный.
12. Официальный сайт консалтинговой компании «Айресерч». – URL: <https://www.iresearch.com.cn/> (дата обращения: 14.01.2026). – Текст: электронный.
13. Официальный сайт консалтинговой компании «Ит-консалтис». – URL: <https://www.itconsultis.com/> (дата обращения: 12.01.2026). – Текст: электронный.
14. Официальный сайт Министерства культуры и туризма КНР. – URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202106/t20210603_924960.htm (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
15. Петрунина, Ж. В. Цифровая экономика северо-восточных провинций Китая: подходы к развитию / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 6. – С. 46-53.
16. Сидорчукова, Л. Г. Ольфакторная самопрезентация как культурный феномен / Л. Г. Сидорчукова, Е. Ю. Клещева // Антро. – 2012. – № 2 (11). – С. 27-37.
17. Хезмондалш, Д. Культурные индустрии / Д. Хезмондалш; пер. с англ. И. Кушнарево; под науч. ред. А. Михалево; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 457 с. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1018837> (дата обращения: 20.01.2026). – Режим доступа: по подписке.
18. Шушарина, Г. А. Понятие идентичности в свете различных научных подходов / Г. А. Шушарина // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных с междунар. участием. В 2-х ч., Комсомольск-на-Амуре, 13-14 декабря 2024 года. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГУ», 2025. – С. 257-259.
19. Constitution of the People's Republic of China // The National People's Congress of the People's Republic of China. – URL: <http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
20. Bourdieu, P. The Forms of Capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education, New York: Greenwood, 1986 – 241 p. – URL: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
21. Zhu, Y., Wang, B. Digital Silk Road: China's technological rise and the reshaping of global power. Global Media and China, 2021. – 259–276. – URL: https://books.google.ru/books?id=gXqfEAAAQBAJ&redir_esc=y. (дата обращения: 10.01.2026). – Текст: электронный.

Наливайко Т. Е., Болотская Я. А.
T. E. Nalivayko, Y. A. Bolotskaya

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД», «ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ПРОЕКТ-ТЕХНОЛОГИЯ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF «PROJECT METHOD», «PROJECT ACTIVITIES», «PROJECT TECHNOLOGY» IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «Педагогика, психология и социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatyana E. Nalivaiko – Doctor in Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Болотская Яна Александровна – старший преподаватель кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27. E-mail: bolotskayayana@mail.ru.

Yana A. Bolotskaya – Senior Lecturer, Design of the Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: bolotskayayana@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема терминологической неоднозначности в области проектного обучения, представляющая собой значимое препятствие для внедрения и эффективного применения инновационных практик в образовании. Актуальность исследования обусловлена повсеместным, но зачастую некритическим употреблением терминов «проектный метод», «проектная деятельность» и «проект-технология» как взаимозаменяемых, что приводит к концептуальной путанице, методической эклектике и формализации образовательных процессов. Методологическую основу составили историко-генетический, системно-деятельностный и сравнительно-сопоставительный подходы.

Summary. The article discusses the problem of terminological ambiguity in the field of project-based learning, which is a significant obstacle to the introduction and effective application of innovative practices in education. The relevance of the research is due to the widespread but often uncritical use of the terms «project method», «project activity» and «project technology» as interchangeable, which leads to conceptual confusion, methodological eclecticism and formalization of educational processes. The methodology is based on historical-genetic, system-activity and comparative approaches.

Ключевые слова: педагогический дискурс, проектный метод, проектная деятельность, проект-технология, сравнительный анализ, терминология, дидактика, педагогическая технология.

Key words: pedagogical discourse, project method, project activity, project technology, comparative analysis, terminology, didactics, pedagogical technology.

УДК 378.147

Современный педагогический дискурс, отражая антропоцентричный и деятельностный поворот в образовании, насыщен понятиями, связанными с проектной парадигмой. Закрепление требований к формированию навыков проектной деятельности в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) [1] актуализировало их внедрение на всех уровнях обучения. Однако масштабная практическая реализация выявила существенный разрыв между декларируемыми идеалами и реальным содержанием педагогических действий. Одной из глубинных причин

этого разрыва является терминологическая неопределённость и синонимичная подмена ключевых категорий: «проектный метод», «проектная деятельность», «проектная (проект-) технология».

В научных публикациях, методических пособиях и повседневной речи педагогов эти термины зачастую используются как взаимозаменяемые, что ведёт к «размыванию» их смысловых границ [4]. Так, разовое задание по созданию презентации может обозначаться как «проект», что дискредитирует саму идею комплексной, исследовательской и социально-контекстуальной работы. Подобная концептуальная нечёткость, как отмечал В. П. Беспалько, является признаком незрелости педагогического направления и препятствует построению эффективных, воспроизводимых дидактических систем.

Цель исследования – провести детальный сравнительный анализ понятий «проектный метод», «проектная деятельность» и «проект-технология» в контексте современного педагогического дискурса для выявления их историко-генетических корней, инвариантных и дифференцирующих признаков, а также дидактических импликаций каждого из них.

Методология и методы исследования. Теоретической основой исследования выступили:

- философско-прагматические идеи Дж. Дьюи об обучении через опыт [3];
- концепция «проектного метода» В. Х. Килпатрика;
- отечественная теория деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) и теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин);
- системный подход в педагогике и теория педагогических технологий (В. П. Беспалько, М. В. Кларин, Г. К. Селевко);
- современные трактовки проектного обучения (Е. С. Полат, И. А. Зимняя, В. В. Гузев) [4; 5; 6];
- эмпирические исследования, представленные в «Учёных записках Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета» [7; 8].

В работе применялся комплекс методов:

1. историко-генетический метод для реконструкции происхождения и эволюции анализируемых понятий в мировой и отечественной педагогике;
2. сравнительно-сопоставительный анализ для выявления ядерных и периферийных семантических признаков, установления отношений «род-вид» и «часть-целое» между категориями;
3. дискурс-анализ для изучения контекстов употребления терминов в корпусе научно-педагогических текстов, нормативных документах и методической литературе;
4. концептуальный анализ для структурирования понятийного поля и построения операциональных дефиниций.

Генезис понятий в исторической ретроспективе педагогического дискурса. Зарождение проектной идеологии связано с критикой формального, оторванного от жизни школьного образования в конце XIX – начале XX вв. Дж. Дьюи [3] предложил модель обучения, основанную на решении практических, лично значимых проблем («learning by doing»). Его последователь В. Х. Килпатрик в 1918 г. формализовал эту идею в «проектный метод» (project method), определив проект как «целесообразное (от души выполняемое) деяние, осуществляемое в социальных условиях». Важно подчеркнуть, что уже в исходной формулировке речь шла именно о методе – способе организации учебной работы, противопоставляемом пассивному слушанию. В 1920-е гг. в СССР метод проектов (или «метод идей») активно внедрялся С. Т. Шацким и другими педагогами-новаторами, трактуясь как средство связи школы с жизнью. Однако в 1930-е гг. он был подвергнут резкой критике и запрещён как подрывающий систематичность знаний, что надолго исключило его из отечественного педагогического дискурса.

Возрождение интереса произошло в конце 1980-х – 1990-х гг. в контексте поисков личностно-ориентированных, гуманистических образовательных моделей. Однако возвращение происходило не в «чистом» виде, а через призму новых теоретических конструктов: деятельностного подхода и педагогической технологизации. Это породило параллельное бытование и конкуренцию терминов. Понятие «проектная деятельность» стало активно использоваться в психолого-педагогических работах (И. А. Зимняя, В. В. Рубцов) [4], смещая фокус с внешней организации на

внутренние процессы субъекта учения [8]. Термин «проектная технология» (или «проект-технология») укоренился в исследованиях, связанных с системным управлением учебным процессом (В. В. Гузеев, Г. К. Селевко) [5], подчёркивая воспроизводимость, диагностичность и эффективность. Таким образом, современный дискурс унаследовал исторический термин-«эмбрион» («метод») и обогатил его двумя новыми, отражающими разные аспекты осмысления феномена. Современные тенденции, включая интеграцию цифровых инструментов и искусственного интеллекта, также находят отражение в исследованиях проектной деятельности, открывая новые возможности для мотивации студентов и оценки эффективности усвоения компетенций [7].

Сравнительно-сопоставительный анализ сущностных характеристик приведён в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ понятий «проектный метод», «проектная деятельность», «проект-технология»

Критерий сравнения	«Проектный метод»	«Проектная деятельность»	«Проект-технология»
Категориальный статус	Частичная дидактическая методика, приём, форма организации занятия	Метадеятельность, форма учебно-познавательной активности, личностная компетенция (качество)	Целостная педагогическая технология, дидактическая система
Сущностное ядро	<u>Способ</u> достижения учебной цели через создание продукта в рамках заданной проблемы	Сам <u>процесс</u> целеполагания, планирования, поиска, конструирования и рефлексии, осуществляемый субъектом	<u>Алгоритмизированная система</u> организации всего учебного процесса как последовательности проектных циклов
Основной акцент	На результате-продукте и внешней организации работы	На внутренних процессах субъекта (мотивация, целеполагание, рефлексия), на развитии способности к действию	На системности, управляемости и воспроизводимости процесса, гарантирующей достижение планируемых результатов
Масштаб применения	Тактический: элемент урока, серия уроков по теме, внеурочное мероприятие	Может быть элементом любой формы работы; формируется как надпредметная компетенция	Стратегический: принцип организации учебного модуля, предмета, ступени обучения или всей образовательной среды
Роль педагога	Организатор, постановщик задачи, консультант	Тьютор, координатор, наставник, создатель условий для самореализации	Конструктор образовательного процесса, технолог, менеджер проектной деятельности
Диагностика и оценка	Оценивается преимущественно продукт (его качество, соответствие критериям)	Оценивается процесс и сформированность деятельностных компетенций (планирование, взаимодействие и др.)	Оценивается комплексно: процесс, продукт, индивидуальный прогресс (например, портфолио)
Контекст в дискурсе	Методический, практико-ориентированный дискурс («использовать метод»)	Психолого-педагогический и нормативный дискурс («формировать/развивать деятельность» согласно ФГОС)	Научно-технологический и управленческий дискурс («внедрять технологию», «проектировать образовательную систему»)

«Проектный метод» представляет собой наиболее конкретное и «осязаемое» понятие. Как справедливо отмечала Е. С. Полат [6], это совокупность приёмов, операций, позволяющих освоить определённую область практических или теоретических знаний. Его применение может быть локальным и не требует коренной перестройки всего учебного курса. Как отмечают исследователи Комсомольского-на-Амуре государственного университета, применение проектного метода в курсах специальных дисциплин позволяет смоделировать элементы будущей профессиональной деятельности, повысить интерес к специальности. Однако его эффективность сильно зависит от личного мастерства педагога, что подчёркивает его статус именно метода-искусства, а не воспроизводимой схемы. Именно в этом значении термин чаще всего используется в школьной практике, когда говорят о «защите проектов» как о событийном завершении темы.

«Проектная деятельность» – понятие иного, более высокого порядка абстракции. Оно переводит фокус с внешней формы на внутреннее содержание работы студента. В трактовке И. А. Зимней [4], проектная деятельность есть «деятельность по созданию (творению) конкретного продукта (проекта), обладающая субъективной или объективной новизной». Однако ценность здесь – не в продукте как таковом, а в присвоении студентом структуры и смысла этой деятельности – от осознания проблемы до публичной презентации и самооценки. Это понятие описывает не то, что делает преподаватель, а то, как мыслит и действует студент. Его становление является одной из высших целей современного образования, что и зафиксировано во ФГОС [1].

«Проект-технология» (проектная технология) – наиболее комплексное и системное понятие. Оно соответствует всем критериям педагогической технологии по В. П. Беспалько: концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость. В. В. Гузев [5] определяет проект-технология как такую организацию образовательного процесса, в которой обучающийся попадает в среду, имитирующую научные или производственные коллективы, и осваивает программу, «погружаясь» в систему проектов. Здесь проект – не эпизод, а единица содержания и процесса. Меняется всё: логика построения курса, способ оценки (накопительная система, защита портфолио), пространственно-временная организация. Это не метод в арсенале преподавателя, а принцип построения образовательной системы. Важным аспектом реализации такой технологии является наличие научно обоснованной системы критериев и показателей, позволяющих объективно оценить сформированность компетентностей обучающихся на выходе [8].

Смешение данных понятий на практике приводит к серьёзным дидактическим ошибкам:

1. Подмена цели: когда заявленная «проектная деятельность» сводится лишь к применению «проектного метода» для создания продукта, упускается главное – развитие у ученика способности к самостоятельному целеполаганию и проектированию. Происходит имитация деятельности.

2. Формализация: попытка применить отдельные атрибуты «проект-технологии» (например, групповую работу) без перестройки всей системы (содержания, контроля, ролей) ведёт к формализму и перегрузке участников.

3. Некорректная оценка: оценивание только конечного продукта (критерий метода) при игнорировании процесса (критерий деятельности) демотивирует студентов, для которых сам исследовательский поиск был ценен, но не привёл к «идеальному» результату. Использование современных технологий, включая искусственный интеллект, может способствовать более тонкой настройке процесса оценки и повышению мотивации студентов на всех этапах проектной работы [7].

Таким образом, выбор термина и стоящей за ним концепции должен быть осознанным. Проектный метод уместен, когда стоит задача активизировать изучение конкретной темы через создание конкретного продукта. Формирование проектной деятельности – это стратегическая метапредметная цель, достигаемая через последовательное включение ученика в проекты разного уровня сложности. Внедрение проект-технологии – это системная реформа части или всего образовательного процесса, требующая серьёзного научно-методического проектирования [8].

Проведённый сравнительный анализ позволил дифференцировать понятия «проектный метод», «проектная деятельность» и «проект-технология», показав их несинонимичность и принадлежность к разным уровням педагогической рефлексии и практики. «Проектный метод» является операциональным инструментом на методическом уровне, «проектная деятельность» – целевым

психолого-педагогическим конструктом на личностно-деятельностном уровне, а «проект-технология» – системной моделью на дидактико-технологическом уровне. Их взаимосвязь может быть описана как вложенная иерархия: технология задаёт системные рамки, внутри которых разворачивается деятельность субъекта, организуемая с помощью конкретных методов.

Чёткое терминологическое разграничение необходимо:

- для повышения качества научной коммуникации в педагогическом сообществе;
- адекватного проектирования и экспертизы образовательных программ и уроков;
- разработки валидного инструментария для диагностики как предметных, так и метапредметных результатов [8];
- преодоления формализма в реализации проектного подхода, требуемого новыми стандартами.

В результате доказано, что данные понятия относятся к различным уровням педагогической реальности: методическому, психолого-деятельностному и системно-технологическому. «Проектный метод» трактуется как тактический дидактический инструмент, «проектная деятельность» – как метадеятельность и личностное качество обучающегося, а «проект-технология» – как целостная, алгоритмизированная педагогическая система. Теоретическая значимость работы заключается в структурировании понятийного аппарата педагогики проектного обучения. Практическая ценность состоит в предоставлении педагогам дифференцированных оснований для осознанного проектирования учебного процесса, адекватной диагностики результатов и выбора соответствующих образовательных стратегий.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение конкретных дидактических условий эффективного перехода от применения проектного метода к формированию устойчивой проектной деятельности, а также на моделирование гибридных образовательных форматов, интегрирующих проект-технологии с другими педагогическими подходами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утверждён Приказом Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. № 287 // Национальная ассоциация развития образования и наук, 2016-2025. – URL: <https://fgos.ru> (дата обращения: 29.12.2025). – Текст: электронный.
2. Кокотсаки, Д. Исследование проектного обучения: обзор литературы / Д. Кокотсаки, В. Мензис, А. Уиггинс // Современная школа. – 2017. – Т. 20. – № 3. – С. 45-58.
3. Дьюи, Дж. Демократия и образование / Дж. Дьюи; пер. с англ. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34-42.
5. Гузеев, В. В. Познавательная самостоятельность учащихся и развитие образовательной технологии / В. В. Гузеев. – М.: НИИ школьных технологий, 2004. – 128 с.
6. Полат, Е. С. Метод проектов: история и теория вопроса / Е. С. Полат // Современные педагогические технологии. – М.: Академия, 2010. – С. 188-215.
7. Наливайко, Т. Е. Искусственный интеллект в высшем образовании: анализ повышения мотивации студентов и эффективности усвоения профессиональных компетенций / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 74-77.
8. Наливайко, Т. Е. Теоретическое обоснование системы критериев и показателей сформированности компетентностей обучающихся / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013. – № I-2 (13). – С. 23-30.

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

**ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО
РАЙОНА В ПОДДЕРЖАНИИ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ**

**TOURISM POTENTIAL OF THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION
IN MAINTAINING RUSSIAN IDENTITY IN CHINA IN THE 21st CENTURY**

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, педагогики и лингвистики Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History, Pedagogy and Linguistics Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию туристического потенциала Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая в XXI веке. В работе представлен обзор предлагаемых туристических услуг в Синьцзяне, даётся характеристика перспективам развития туристической отрасли района. Анализируются факторы, влияющие на привлекательность Синьцзяна для туристов из России. Особое внимание уделено возможностям русских путешественников внести вклад в сохранение национальной идентичности русской общины, проживающей в Синьцзяне. Выявлены механизмы поддержания русской идентичности в Синьцзяне на современном этапе. Включение в сетку туристических маршрутов мест проживания выходцев из России, начиная с XIX в., будет катализировать реставрационные работы объектов материального наследия, исследовательскую деятельность в регионе, позитивно повлияет на сохранение русских традиций и изучение русского языка в регионе. В работе подчёркивается важность сохранения русского культурного наследия для долгосрочного развития туризма в СУАР.

Summary. The article is devoted to the study of the tourism potential of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) of China in the 21st century. The paper provides an overview of the tourism services offered in Xinjiang and describes the prospects for the development of the region's tourism industry. The article analyzes the factors that influence the attractiveness of Xinjiang for Russian tourists. Special attention is given to the opportunities for Russian travelers to contribute to the preservation of the national identity of the Russian community living in Xinjiang. The article identifies the mechanisms for maintaining Russian identity in Xinjiang at the current stage. The inclusion of places where people from Russia have lived since the 19th century in the tourist route network will catalyze the restoration of material heritage sites and research activities in the region. This will have a positive impact on the preservation of Russian traditions and the study of the Russian language in the region. The paper emphasizes the importance of preserving Russian cultural heritage for the long-term development of the region.

Ключевые слова: Синьцзян, туризм, российско-китайские отношения, национальная идентичность, русская культура в Китае.

Key words: Xinjiang, tourism, Russian-Chinese relations, national identity, Russian culture in China.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02814, <https://rscf.ru/project/25-28-02814/>.

УДК 94;316.722

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) расположен на северо-западе Китая. Имеющий общую границу с Россией, Афганистаном, Пакистаном и рядом стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан) СУАР играет особую роль в экономической жизни КНР, поскольку является одним из центров, обладающих энергоресурсами (нефть, газ, уголь, полезные

ископаемые), и крупнейшим производителем продуктов сельского хозяйства. Выгодное географическое положение Синьцзяна способствует развитию транспортной инфраструктуры в этой части Китая.

Отдельные вопросы социально-экономического развития Синьцзяна, национальной и религиозной политики руководства КНР в отношении народов, населяющих район, получили отражение в отечественной и зарубежной историографии [1; 3; 4; 7; 13; 17; 20]. Вместе с тем изменения, которые переживает СУАР в последние годы, ещё не в полной мере подверглись анализу в научно-исследовательской литературе. В методологическую основу настоящей статьи положены принципы объективности и историзма. В работе применены традиционные методы исторического исследования: сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический и диахронический.

В последние годы СУАР демонстрирует значительные успехи в социально-экономическом развитии. В период с 2012 по 2024 гг. общий объём производства продовольствия в регионе вырос на 53 % и превысил 23 млн тонн. В 2024 г. производство хлопка в Синьцзяне составило 5,7 млн тонн (около 92 % от общенационального объёма). В экономику района активно внедряются передовые технологии. К концу 2024 г. в автономном районе насчитывалось более 2700 высокотехнологичных предприятий. Все города в Синьцзяне охвачены сетями 5G, и в каждой деревне есть широкополосный доступ в интернет. В 2020-х гг. в СУАР были разработаны комплексные планы по строительству интегрированных сетей, включая железные и автомобильные дороги, авиацию, энергетику, природный газ, логистику и вычислительную технику. Синьцзян имеет разветвлённую железнодорожную сеть, соединяющую все префектуры и более 80 % административных уездов. Правительство Китая активно инвестирует в модернизацию существующих аэропортов и строительство новых воздушных гаваней. В Синьцзяне выполняется около 600 гражданских авиамаршрутов [8], 32 из которых – международные и связывают Синьцзян со странами Центральной, Западной и Юго-Восточной Азии, а также Европы [5]. Позитивные тенденции, которые демонстрирует СУАР, способствуют увеличению экономических партнёров и расширению торговых связей района. В 2024 г. общий объём внешней торговли СУАР превысил 60 млрд долларов. С 2023 г. в Синьцзяне действует Пилотная зона свободной торговли [8].

Происходящие перемены в социально-экономической развитии позволили СУАР к началу 2020-х гг. войти в десятку самых популярных туристических направлений Китая. По мнению генерального директора международного Большого базара в городе Урумчи Ван Чжичжуна, культурное разнообразие и живописные пейзажи делают Синьцзян одним из самых уникальных туристических направлений в мире [16].

Включение Синьцзяна в карту международных туристических маршрутов Китая содействует решению ряда внутренних вопросов района. Развитие международного туризма позволит модернизировать инфраструктуру этой части КНР, приведёт к созданию новых рабочих мест и увеличению доходов местного населения. Рост туристической отрасли позитивно повлияет на качество жизни в Синьцзяне, позволив повысить квалификацию работников сферы услуг и образования. Наряду с решением социально-экономических задач развитие туризма имеет большое значение в продвижении и популяризации культурного наследия Китая в мире, а также укреплении взаимопонимания между народами, населяющими Китай, и народами других стран. Установление коммуникации позволяет не только передать опыт, знания и другую информацию, но и определить приоритеты и векторы дальнейшего развития международного диалога [19, 33].

Диверсификация направлений российско-китайского взаимодействия по гуманитарным вопросам соответствует приоритетам российской внешней политики [12]. Введение Пекином безвизового режима для граждан России в период с 15 сентября 2025 г. по 14 сентября 2026 г. упростило поездки в приграничные регионы Китая, повысило интерес к этой стране и увеличило приток российских туристов в Поднебесную. По статистическим данным из открытых источников, с лета по начало осени 2025 г. россияне совершили около 383 тысяч поездок в Китай, что на 13 % превысило весенние данные и на 25 % – показатели аналогичного периода 2024 г. [2].

Поскольку прямой сухопутной границы между субъектами РФ и китайским СУАР не существует, то стороны поддерживают авиационное сообщение. Согласно новой политике безвизового режима, 15 сентября 2025 г. в международный аэропорт «Тяньшань», расположенный в столице СУАР г. Урумчи, прибыла первая группа российских путешественников [5]. В конце 2025 г. отечественным туроператором «Русский Экспресс» был зафиксирован растущий интерес россиян к сохраняющему аутентичность Синьцзяну, который считается одним из самых перспективных направлений в Китае на 2026 г. [15]. Российским туристам предлагаются пакетные туры, включающие посещение природных территорий (оазиса Турфан, горного озера Тяньчи в отрогах Тянь-Шаня, живописные пастбища Наньшань, пещеры Тысячи Будд в Безеклике, пустыни Кумтаг и Огненной горы), знакомящих одновременно и с древней историей региона [15]. Любителей зимнего туризма приглашают посетить международный горнолыжный курорт Джикэпулин в префектуре Алтай, располагающий 103 трассами, 12 из которых соответствуют требованиям Международной федерации лыжного спорта для международных соревнований, и 28 трассами для фрирайда. Одним из центров притяжения туристов является Большой базар в Урумчи, который ведёт свою историю со времён Великого шёлкового пути. Расположенный на площади около 100 000 м², Большой базар вмещает более 5000 магазинов, мастерских и ресторанов. Атмосфера и предлагаемые товары подчёркивают мультикультурную идентичность Синьцзяна [9].

Увеличение числа русских путешественников в КНР соответствует решению экономических задач обеих стран. Однако не менее значимым становится укрепление межкультурного диалога между представителями разных этнических и религиозных групп, проживающих в рассматриваемом регионе.

Наряду с историей и достижениями Китая Синьцзян может представить элементы уцелевшей русской культуры. С середины XIX в. на территории Синьцзяна проживают разные народы России, объединённые общим понятием «русский». В настоящее время «историческая» русская диаспора Синьцзяна не имеет достаточно внутренних сил для сохранения своей идентичности. По данным 7-й переписи населения КНР (2020 г.), численность постоянного населения СУАР составила 25,85 млн человек, из которых русскоязычная диаспора – 8,5 тыс. человек (0,048 %) [11, 76]. Историческим районом, сформировавшимся в результате миграции русских переселенцев в конце XIX в., стал «Русский квартал» в г. Кульджа (Инин). Этот район Синьцзяна сохранил многие элементы традиционной русской архитектуры и культуры, включая деревянные дома, церкви и особенности быта. Включение «Русского квартала» в сетку туристических маршрутов поможет русской общине в Синьцзяне вернуться к решению вопроса о проведении реставрационных работ объектов материального наследия (здания, храмы и т. д.), расширение географии проводимых экскурсионных программ стимулирует проведение научных исследований о жизни русской общины в Синьцзяне.

Русские традиции в Синьцзяне проявляются и в танцевальной культуре. Так, русский народный танец трепак включён в список нематериального культурного наследия СУАР. Традиции танца трепак поддерживаются в г. Тачэн, расположенном в 530 км от административного центра СУАР – города Урумчи [14].

Традиционно механизмом поддержания межкультурного диалога становятся международные мероприятия, на которые приглашаются представители из разных стран, включая и Россию. В 2023 г. Урумчи встречал 6-й Международный фестиваль народного танца, среди творческих коллективов из 12 стран Азии, Европы и Африки был и танцевальный ансамбль «Зоренька» из российской Пензы [6].

Для русских синьцзянцев (потомки от браков русских с китайцами) восстановление межкультурного диалога с народами России и активизация связей с исторической родиной может стать платформой для широкого использования русского языка, достижений культуры и традиций православной веры в СУАР.

Туристы из России способны поддержать русскую общину в Синьцзяне, сохраняющую русскую идентичность в Китае на протяжении свыше полутора веков [18]. Эта поддержка может проявляться в следующих номинациях.

Во-первых, с помощью распространения русской культуры в Синьцзяне. Посещение мероприятий, организованных представителями русских общин в Синьцзяне, будет способствовать обмену знаниями, сохранению и поддержанию русских традиций, обычаев и культуры (фестивали, выставки, концерты). В процессе подготовки культурных мероприятий, несомненно, укрепится межнациональный и межличностный диалог, а взаимно полученные сведения и навыки распространятся в обеих странах.

Во-вторых, с помощью экономических способов. Покупка сувениров с русской символикой будет направлена не только на помощь местной экономике, но и позволит поддержать мастеров Синьцзяна, владеющих знаниями о традиционных русских ремёслах и искусстве. Национальная символика, по справедливому замечанию отечественного исследователя Е. А. Мусалитиной, имеет большое значение «для формирования национального самоопределения» и влияет на имидж государства на международной арене [10, 29].

В-третьих, развитие туристической отрасли способствует распространению русского языка в Синьцзяне, поскольку привлечение в СУАР туристов из России невозможно без использования русского языка в отелях, магазинах, пунктах питания и т. д.

Российские путешественники опосредованно оказываются вовлечёнными в процесс распространения знаний о русской культуре в Китае. Рассказывая о своём опыте путешествий по Синьцзяну, размещая фотографии в социальных сетях и блогах, они расширяют аудиторию и одновременно повышают интерес к русскому наследию в Синьцзяне как в России, так и в Китае.

Пребывающие в Синьцзян даже на незначительный период русские туристы, говорящие и думающие на русском языке, презентуют и адаптируют современную русскую культуру за рубежом, вовлекаются в диалог представителей разных народов, в процессе которого ярко проявляется национальная идентичность. Это соответствует и современной политике России, активно выстраивающей отношения с русским меньшинством в КНР.

Таким образом, туристический потенциал Синьцзяна в XXI в. очень высок. СУАР обладает уникальной природой, богатой историей, что представляет интерес для туристов из многих стран. Россия заинтересована в расширении туристических связей с Синьцзяном, связывая это взаимодействие не только с решением экономических задач, но и с укреплением межкультурного диалога между народами России и Китая, с сохранением русской идентичности и изучением русской истории в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова, Е. С. Синьцзян – горизонты нового Шёлкового пути / Е. С. Баженова, А. В. Островский. – М.: МБА, 2016. – 276 с.
2. Безвизовый режим: турпоток между Россией и Китаем на подъёме // News. 16.01.2026. – URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/340542618> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
3. Буяров, Д. В. Некоторые аспекты государственного регулирования религиозной сферы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе / Д. В. Буяров // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 228-230.
4. Буяров, Д. В. Современная политика китайского руководства в отношении религии в Синьцзян-Уйгурском автономном районе / Д. В. Буяров, С. В. Субачев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 73-80.
5. Воздушный КПП г. Урумчи принял первую группу российских туристов, прибывших по безвизу // Синьхуа Новости. 15.09.2025. – URL: <https://russian.news.cn/20250915/7da0c82495624d958e0fe82452dc51b3/c.html> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
6. В Синьцзяне стартовал 6-й Международный танцевальный фестиваль // CGTN. 22.07.2023. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-07-22/1682753214201667585/index.html> (дата обращения: 23.01.2026). – Текст: электронный.
7. Дацышен, В. Г. Синьцзян в истории русского китаеведения / В. Г. Дацышен // Общество и государство в Китае. – 2019. – Т. 49. – № 3. – С. 470-486.

Петрунина Ж. В.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА
В ПОДДЕРЖАНИИ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЕ В XXI ВЕКЕ

8. Ключевые показатели Синьцзяна за 70 лет с момента основания // CGTN. – 25.09.2025. – URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-09-25/1971112597749133313/index.html> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
9. Международный Большой Базар в Урумчи: Оазис культуры и торговли в сердце Центральной Азии // ASIAL MEDIA. 11.09.2024. – URL: <https://asal.media/blog/obshestvo/10099/> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
10. Мусалитина, Е. А. Китайский дракон: национально-культурная особенность восприятия символа Западом / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № VI (86). – С. 28-36.
11. Наземцева, Е. Н. Русское архитектурное наследие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая как проявление межэтнического и межкультурного взаимодействия в XIX-XXI вв. / Е. Н. Наземцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2023. – Т. 22. – № 1. – С. 72-84.
12. О российско-китайских отношениях стратегического партнёрства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/ (дата обращения: 23.01.2026). – Текст: электронный.
13. Риппа, А. Приграничная инфраструктура. Торговля, развитие и контроль в Западном Китае / А. Риппа. – Амстердам: Изд-во Амстердамского университета, 2020. – 282 с.
14. Русская культура за рубежом: русский народный танец трепак занесён в список нематериального культурного наследия Синьцзяна // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. 13.06.2012. – URL: <https://www.prlib.ru/events/664785> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
15. Секретный Китай: в России появились пакетные туры в Синьцзян // Ассоциация туроператоров. 02.12.2025. – URL: https://www.atorus.ru/article/sekretnyy-kitay-v-rossii-poyavilis-paketnye-tury-v-sinczyan-65430?_wrapper_format=html&page=1 (дата обращения: 22.01.2026). – Текст: электронный.
16. СУАР становится основным туристическим направлением в Китае // TVBRICS. – 06.10.2021. – URL: <https://tvbrics.com/news/suar-stanovitsya-osnovnym-turisticheskim-napravleniem-v-kitae/> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
17. О развитии туризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе / М. Усон уулу, Т. К. Айтিকেев, Г. А. Абдылдаева, М. Т. Бакиров, Ж. Д. Абдуллаева // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 221-230.
18. Хайларов, И. «Олосы», или Русские в Китае / И. Хайларов // Русский Мир.Ru. 01.03.2009. – URL: <https://rusmir.media/2009/03/01/olosy> (дата обращения: 20.01.2026). – Текст: электронный.
19. Шушарина, Г. А. Культурные основания конструирования идентичности / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 32-35.
20. Hua-Yu Sebastian Cherng, Reza Hasmath. Holding up Half the Sky? Ethno-Gender Labour Market Outcomes in China // Journal of Contemporary China. – 2019. – V. 28. № 117. – P. 415-433.

Смотров В. Е., Осипова Г. Г.
V. E. Smotrov, G. G. Osipova

«ПИКОВАЯ ДАМА» П. И. ЧАЙКОВСКОГО: КИНОМУЗЫКАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

«THE QUEEN OF SPADES» by P. I. TCHAIKOVSKY: FILM-MUSICAL ASPECT

Смотров Вениамин Егорович – кандидат искусствоведения, доцент кафедры филологии и истории искусств Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); тел. +7(904)617-42-17. E-mail: smotrov_ven@mail.ru.

Veniamin E. Smotrov – PhD (Art Criticism), Saint Petersburg State University of Film and Television (Russia, Saint Petersburg); tel. +7(904)617-42-17. E-mail: smotrov_ven@mail.ru.

Осипова Галина Георгиевна – кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой филологии и истории искусств Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); тел. +7(904)617-42-17. E-mail: galina_music@mail.ru.

Galina G. Osipova – PhD (Art Criticism), Associate Professor, Saint Petersburg State University of Film and Television (Russia, Saint Petersburg); tel. +7(904)617-42-17. E-mail: galina_music@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена опера П. И. Чайковского «Пиковая дама» и её кинематографические адаптации через призму воплощения различных методов звукозрительного синтеза и предвосхищения будущих приёмов киномузыки XX века. Языковое разнообразие литературного либретто и музыкального текста оперы, присутствие в музыке наряду с идиостилем композитора аллюзий и прямых цитат позволяет трактовать «Пиковую даму» как разноуровневый интертекст. Новаторство оперы Чайковского в области музыкально-театрального синтеза, использование в её драматургии принципа диегезиса как мотивированной музыки, близость некоторых сцен к монтажной технике кинематографа, применение лейтмотивов, трактовка оперного оркестра как носителя психологического подтекста происходящего на сцене действия – всё это позволяет подойти к её рассмотрению, используя средства анализа киномузыкальных партитур.

Summary. This article examines P. I. Tchaikovsky's opera «The Queen of Spades» and its cinematic adaptations through the prism of various methods of sound-visual synthesis and the anticipation of future techniques of film music of the XX century. The linguistic diversity of the opera's literary libretto and musical text, the presence of allusions and direct quotations in the music, along with the composer's idiosyncrasy, allow for the interpretation of «The Queen of Spades» as a multi-layered intertext. Tchaikovsky's opera's innovation in the field of musical-theatrical synthesis, the use of the principle of diegesis as motivated music in its dramaturgy, the proximity of certain scenes to cinematic montage techniques, the use of leitmotifs, and the treatment of the opera orchestra as a bearer of the psychological subtext of the action unfolding onstage – all this allows for an approach to its examination using the tools of film musical score analysis.

Ключевые слова: Пушкин, Чайковский, «Пиковая дама», композитор, либретто, режиссёр, киномузыка.

Key words: Pushkin, Tchaikovsky, «The Queen of Spades», composer, libretto, director, film music.

УДК 78.791.73

В одном из номеров выходящего в Петербурге журнала «Библиотека для чтения» 190 лет назад была опубликована короткая повесть Александра Сергеевича Пушкина. «Моя Пиковая дама в большой моде, игроки понтируют на тройку, семёрку, туза», – писал затем автор в дневнике (апрель 1834 года) об успехе повести у читающей публики. Но едва ли мог он предположить тогда, что именно этот на первый взгляд не самый значительный литературный опус ожидает впоследствии такая яркая судьба и такие множественные воплощения – в кинематографе, на концертной эстраде, на театральной, оперной, балетной сценах.

В Европе повесть оценили раньше: её перевёл Проспер Мериме, французский композитор-классик Фромантель Галеви в переработке Эжена Скриба в 1850 году написал оперу с одноимённым названием, затем австриец Франц фон Зуппе в 1864 году в лёгком жанре оперетты создал свой вариант «Пиковой дамы». И только в 1890 году настал черёд русского музыкального театра – масштабное и конгениальное Пушкину перенесение повести в сценическую реальность осуществил Пётр Ильич Чайковский.

Опера «Пиковая дама» – произведение исключительное. Созданная на одном дыхании, в порыве редкого даже для Чайковского вдохновения, она воплотила лучшие черты композиторского дарования: глубокое погружение в психологию героев, умение выразить конфликтность и драматизм, динамизм, яркость мелодических характеристик, эффектную оркестровку, чутьё драматурга. Либретто Модеста Ильича Чайковского, созданное на основе пушкинской истории, вобрало в себя и страстные любовные переживания, и типичную романтическую проблему любовного треугольника, и мистику, и тайну, и возможность широко отразить атмосферу эпохи, на фоне которой разворачивается камерная драма. Чайковскому удалось создать один из лучших образцов оперного жанра за всё время его существования – волнующее, глубокое и одновременно интеллектуализированное сценическое полотно. Неслучайно, что первой жертвой колоссальной суггестивной силы своей же музыки стал сам композитор, который в процессе работы над оперой начал бояться призрака графини, а также горячо оплакивал смерть Германа, словно тот был живым человеком. Закономерно, что на протяжении XX – XXI веков «Пиковая дама» Чайковского многократно становилась предметом осмысления множества оперных режиссёров, удостаивалась целого ряда киноинтерпретаций.

Отличительным свойством оперной «Пиковой дамы» явилось её языковое разнообразие, которое воплощается как в литературном тексте либретто, так и в музыкальном тексте Петра Чайковского. Либретто включает в себя, как известно, не только стихи М. Чайковского, но и произведения поэтов рубежа XVIII – XIX веков. Музыкальный план оперы строится из сочетания музыки, типичной для стиля Чайковского, стилизации произведений XVIII века, прямых цитат из сочинений других композиторов (В. А. Моцарт, Д. С. Бортнянский, О. А. Козловский, А. Гретри). Всё вышеперечисленное позволяет представить «Пиковую даму» как развёртывающийся на разных плоскостях интертекст. Интертекстуальность как художественный метод получает особенное развитие в искусстве XX – XXI веков. Таким образом, можно говорить о том, что по художественному методу братья Чайковские в своей опере предвосхитили находки художников XX века, а сама опера «Пиковая дама» значительно опережает своё время.

Пророческий характер оперы также может быть выявлен, если подойти к её рассмотрению используя средства анализа киномузыки.

Как известно, звуковой фильм – сложный вид синтетического произведения, объединяющий выразительность разных видов искусства. При всей новизне этого синтеза для XX века попытки создания синтетических видов с участием музыки предпринимались и в XIX веке. Так появился музыкальный жанр симфонической поэмы Ференца Листа, концепция «гезамткунстверк» (совокупного произведения искусства) Рихарда Вагнера. При этом ряд исследователей именно в звуковом фильме видят окончательное воплощение вагнеровской идеи. Однако оперы даже при первом своём появлении на рубеже XVI – XVII веков уже были синтетическими произведениями. Для оперных композиторов – представителей Флорентийской камераты – музыка отнюдь не была на первом месте, являясь только одной из составляющих синтеза.

Можно с уверенностью говорить о том, что многие характерные приёмы киномузыки XX века изначально были опробованы в операх прошлого. Применение лейтмотивного принципа, использование музыкальных характеристик героев, отражение эмоциональных состояний, оперный оркестр как носитель психологического подтекста происходящего на сцене действия – всё это пришло в киномузыку из оперы. Можно также говорить, что ещё в самых ранних операх употреблялся принцип *диегезиса* – использование мотивированной музыки, например вставных песен, по сюжету поющих героями. Так, в написанной в 1607 году опере К. Монтеверди «Орфей» главный герой пытается убедить Харона перевести его в царство мёртвых, распевая печальный монолог и

аккомпанируя себе на лире. Так на некоторое время условность оперного жанра, в котором герои не произносят текст, а пропевают его, становилась оправданной и объяснимой. Диегетической музыкой в операх могли становиться и симфонические фрагменты (например, сцена бала в польском акте оперы М. Глинки «Жизнь за царя»). Диегетично и применение «банд» – музыкальных ансамблей, находящихся на сцене («Дон-Жуан» В. А. Моцарта).

Но даже в сравнении с операми своих предшественников и современников Чайковский в «Пиковой даме» демонстрирует особенно богатое применение тех приёмов и принципов, которые получают распространение в киномузыке XX века.

Прежде всего, нужно оговорить, что понимается под таковыми в контексте оперы. Эти принципы следующие:

- возможность выполнения музыкой разных драматургических функций: передачи эмоционального состояния героя/героев, обрисовки пространства, репрезентации среды, эпохи, времени суток, погодных явлений;
- возможность применения диегетической музыки;
- стилистическая неоднородность, как правило, не свойственная операм (за исключением «Пиковой дамы»), но типичная для кинофильмов, в которых часто присутствует сочетание авторской и цитированной музыки;
- большая свобода в использовании различных музыкальных форм, несвязанность со стабильным инструментальным составом, необходимость реагировать на особенности монтажа, отличающие драматургическое развитие кинопроизведения от театрального спектакля.

Итак, перечислим конкретные точки пересечения музыки «Пиковой дамы» с принципами киномузыки.

Киномузыкальна *увертюра*. Чайковский отказывается от создания развёрнутой сонатной увертюры в духе симфонической поэмы. Сочиняя компактную увертюру, композитор только намечает основную проблематику оперы. Уже с раннего этапа звукового кино увертюры нередко использовались в кинематографе (Д. Шостакович, фильм «Встречный»), сопровождая титры (этот приём сейчас широко используется при экранизации опер).

Применение *лейтмотивов* так же, как было указано выше, позднее получило распространение в киномузыке. Три главных лейтмотива оперы очерчивают основной конфликт повествования и всегда появляются в оправданных местах. В то же время лейтмотивная техника типична для оперы XIX века, поэтому подробно на ней останавливаться не стоит.

В некоторых сценах очевидна близость к *монтажной технике* кинематографа. Так, диалог Германа и Томского (включая ариозо «Я имени её не знаю» и дуэт «А ты уверен, что она тебя не замечает») прерывается вторжением хора гуляющих «Наконец-то бог послал нам солнечный денёк», после чего продолжается, будучи как бы поставленным на паузу. Ремарки в партитуре «Герман и Томский уходят. Гуляющие наполняют сцену» и «Входят Герман и Томский» имеют служебное значение для сценического обоснования внезапного их молчания. То, что перед нами сцены, разворачивающиеся одновременно (параллельный монтаж), разговор, поставленный как бы на паузу, без пропущенных моментов, становится ясно из тонального плана: окончание первого раздела диалога и начало второго происходит в одной и той же тональности F-dur. Интересно, что в советской экранизации оперы (1960 г., режиссёр Роман Тихомиров) этот хор опущен и две части дуэта идут безо всякой цезуры.

Особенно широко применение в опере *диегетической музыки* и разнообразных приёмов её сочетания с *ндиегетической*.

Диегетической предстаёт музыка в следующих сценах:

- хор детей «Гори-гори ясно»;
- сцена марширующих мальчишек (включая звуки барабана и трубы за сценой);
- дуэт Лизы и Полины «Уж вечер»;
- романс Полины «Подруги милые»;
- пляска «Ну-ка, светик-Машенька»;

- интермедия «Искренность пастушки» (здесь музыка не только диегетическая, но также цитированная);
- гимн «Гром победы, раздавайся» (также цитата – музыка О. Козловского);
- песенка (романс) Графини (ещё одна цитата – музыка А. Гретри, подчёркивающая интертекстуальный контекст и создающая смысловой подтекст);
- песенка Томского «Если б милые девицы»;
- игрецкая «Так в ненастные дни».

Начало 1-й картины оперы (хор детей «Гори-гори ясно») решено как сочетание недиегетической и диегетической музыки. Там развитие основной темы (фоновой, недиегетической) прерывается появлением аккомпанемента темы эпизодической (собственно, вступление хора, диегетическая музыка) и потом продолжается, когда дети разбегаются.

Романс Полины во 2-й картине оперы проходит под аккомпанемент фортепиано, на котором играет героиня, воплощая полностью диегетический принцип. Однако завершающие построения романса звучат у оркестра (струнные пиццикато и кларнет соло). Такой приём перехода из «внутрикадровой» музыки в «закадровую» особенно типичен для кино.

Дуэт Лизы и Полины сочетает диегетический пласт (звучание присутствующего на сцене фортепиано) с недиегетическим (дополнение ткани оркестровыми голосами).

Некоторые из диегетических номеров подобны вставным песням в ранних звуковых музыкальных фильмах – выполняют роль интермедии, притормаживая развитие сюжета.

Инаковость воображаемой диегетической музыки подчёркивается особыми средствами: использованием музыкальных инструментов на сцене и за сценой, прописанными хлопками в ладоши (пляска «Ну-ка, светик-Машенька»), использованием нетипичных для симфонического оркестра инструментов (фортепиано в романсе Полины), стилизации музыки XVIII века. Эту стилизацию нужно подчеркнуть особо, т. к. два разных «языка», которыми пользуется в этой опере композитор, характерны для разных функций киномузыки: стилизованная под XVIII век или цитированная музыка создаёт историко-контекстуальную атмосферу эпохи, типичная же для стиля Чайковского музыка отражает психологическое состояние героев, обрисовывает сценическую ситуацию.

Функция отражения музыкой внутреннего *эмоционального состояния* в опере также широко используется (в частности, в ариях и ариозо). Любопытный случай представляет сцена в спальне Графини, где чувства замершей в ужасе и молчащей хозяйки передаются в оркестре захлёбывающимися пассажами кларнета, что создаёт *контрапункт визуального и музыкального ряда*.

По такому же принципу построено начало сцены перед балладой Томского: обсуждение внешности Графини Суриным, Чекалинским и Томским («– Какая ведьма эта Графиня! – Страшилище») в оркестре сопровождается музыкальной темой ариозо Германа «Я имени её не знаю». Ариозо было посвящено Лизе. Использование такого рода контрапункта прямо указывает на содержание в этот миг мыслей Германа.

Несколько раз на протяжении оперы на фоне оркестра появляется *разговорная речь* (так называемый «приём мелодрамы»): в сцене с марширующими мальчишками (1-я картина), в сцене чтения Германом записки от Лизы (3-я картина), чтения Германом письма Лизы (5-я картина). В этом случае диегетична речь, а музыка недиегетична.

В отдельных случаях музыка выполняет роль *звуковых эффектов*, композитор использует приём звукоподражания: например, сцена грозы в 1-й картине, что в кинопроизводстве стало бы задачей шумооформителя. Отметим, что гроза, как это повелось ещё с музыки XVIII века, важна не как внешнее природное явление, а как отражение внутреннего состояния главного героя.

В функции «*доставания пространства и времени*» выступают труба за сценой в начале 5-й картины (на это обратила внимание ещё Зофья Лисса в своей классической монографии [2]), бой часов в начале 6-й картины. Удалённость трубы создаёт также звуковую перспективу, расширяя пространство сцены.

В речитативных сценах музыка часто играет роль своеобразной «подложки», не отражая эмоциональное состояние говорящего или черты его характера, но передавая общий лёгкий тон беседы. Чайковский пользуется не дискретными аккордами или небольшими мелодическими фра-

зами, типичными для речитативных сцен, а музыкально самодостаточными протяжёнными симфоническими построениями. В этом случае музыка развивается самостоятельно, реплики персонажей звучат без строгой периодичности. Таково начало заключительной сцены из 7-й картины, сцена «– Дана! – Гну пароли» оттуда же. Таков раздел квинтета «Мне страшно» (1-я картина) от слов «Графиня! Позвольте вас поздравить» до слов «Какой он страшный». Ритмика вокальных партий не совпадает с оркестровым сопровождением, отделяя речь (хотя и омузыкаленную в виде речитатива) и недиегетическую музыку.

Такое разнообразие принципов взаимодействия оркестровой ткани с вокальными партиями, музыки в целом со сценическим действием создаёт дополнительный объём произведению и не даёт ослабнуть вниманию слушателя.

Как отмечалось ранее, и повесть Пушкина, и опера Чайковского не раз экранизировались. В случае с литературным оригиналом первым стал Яков Протазанов в 1916 году. Англоязычная версия британского режиссёра Торолда Дикинсона со звуковым оформлением, сделанным одним из мэтров киномузыки XX века французом Жоржем Ориком, получила высокую оценку: фильм в 1949 году участвовал в программе третьего кинофестиваля в Каннах. Игорь Масленников выпустил на Ленфильме свою «Даму» в 1982 году. Фильм запомнился выдающимися актёрскими работами Елены Гоголевой в роли Графини и Аллы Демидовой «от автора», а также блестяще подобранными историко-контекстуальными музыкальными заимствованиями из произведений Дмитрия Бортнянского.

Опера Чайковского также неоднократно переносилась на экран. Ещё в 1960 году на Ленфильме вышел советский полнометражный фильм «Пиковая дама», поставленный мастером отечественного музыкального кинематографа Романом Тихомировым (режиссёр разделил актёров и певцов, поэтому в роли Германа в кадре Олег Стриженов в расцвете своего актёрского таланта, а за кадром – тенор Большого театра Зураб Анджапаридзе). Из недавних адаптаций оперы нельзя не упомянуть отнюдь не бесспорную киноверсию 2023 года, осуществлённую сугубо музыкально-театральным режиссёром, «главрежем» московской «Геликон-оперы» Дмитрием Бертманом (дирижёр Владимир Федосеев). Мы же подробнее рассмотрим кинематографическое прочтение «Пиковой дамы» Пушкина/Чайковского, представленное в 2016 году одним из признанных на родине и за рубежом представителей современного отечественного кинопроцесса Павлом Лунгиным.

Лунгин мастерски владеет жанровым спектром кино во всём его многообразии: это и социальная драма, и байопик, и исторический фильм, и мистерия. Важный содержательный поворот, произошедший в творчестве режиссёра в последнее двадцатилетие, связан в первую очередь с отходом от остросовременных тем с их бытовой злободневностью и приближением к вечным темам искусства и высокому смысловому обобщению. В его фильмах пронзительно звучала тема христианской веры, а музыкальная составляющая получила особую роль: «Остров» (2006, композитор Владимир Мартынов) [3], «Ветка сирени» (2007, музыка Сергея Рахманинова), «Царь» (2009, композитор Юрий Красавин), «Дирижёр» (2012, композитор митрополит Иларион (Алфеев)) [4], «Дама пик» (2016, музыка Петра Чайковского и Камиля Сен-Санса) [5], «Эсав» (2019, композитор Е. Чемберджи). Наиболее примечателен самодовлеющей ролью музыки фильм «Дирижёр»: паралитургическая оратория «Страсти по Матфею» митрополита Илариона вошла в него настолько полно, что терминов «цитата» или «компиляция» здесь недостаточно, она стала исходным импульсом и композиционным стержнем сценария, основой аудиовизуального синтеза.

В «Даме пик» также развёрнута «музыкальная история», на этот раз собственно опера как жанр музыкального театра – «Пиковая дама» Чайковского. Как высказался автор, это «готический триллер, где опера входит в сюжет так же, как музыка входит в сюжет “Дирижёра”» [6].

И повесть Пушкина, и опус Чайковского Павел Лунгин пересказал свободно, создав тем самым самостоятельное произведение, причудливо соединяющее литературу, кино и оперу. Не фильм-опера и не литературная экранизация, а триллер, фабула которого выстроена вокруг современной постановки оперы классического репертуара. Работая на территории чистого искусства, режиссёр затрагивает эстетические проблемы и среди них острую для сегодняшней культурной ситуации в оперном мире тему – «режиссёрскую оперу».

По сравнению с режиссёрским театром, зарождение которого относится к рубежу XIX – XX столетий, явление «режиссёрской оперы» значительно моложе. Тем не менее великие русские реформаторы театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, а также В. Э. Мейерхольд свои поиски и эксперименты направляли в том числе и на оперу (как образец – революционная постановка Мейерхольдом как раз «Пиковой дамы» Чайковского в МАЛЕГОТе в 1935 году). В 70-е годы прошлого столетия «режиссёрская опера» захватила западноевропейский, и прежде всего немецкий театр, затем с размахом распространилась по миру. Более чем за 50 лет в ней сформировались клише: время и место действия зачастую переносятся в современность или в условно-временное измерение, такой же концептуально-условной становится сценография, отдельные элементы декораций и реквизита приобретают значение символов, возрастает роль миманса, визуальных спецэффектов, сильнейшим средством воздействия на зрителя становится эпатаж, затрагивающий морально-этические нормы [1].

В отечественном контексте последнего двадцатилетия фигура режиссёра в музыкальном театре также становится самодовлеющей и едва ли не главенствует над всей музыкально-постановочной частью. Предлог благовиден: создание нескучного зрелища, осовременивание с целью привлечения зрителя. В результате режиссёры, нередко далёкие от музыки, забывают, что два первоочередных автора оперного спектакля – это либреттист и композитор, что важнейший координатор и интерпретатор музыкального действия – это дирижёр, и делают оперу точкой приложения личных амбиций, объектом принудительного «вчитывания» в авторский текст несуществующего в нём смысла. К слову, по сценарию фильма не профессиональный режиссёр, а оперная дива, вооружившись слоганом «деньги, страсть и секс», ставит «Пиковую даму» – что в некотором роде доводит ситуацию до абсурда.

Самая визуально впечатляющая часть «Дамы пик» – перенос в сценическое пространство 4-й картины оперы Чайковского (сцена в спальне Графини). С одной стороны, в ней присутствует соответствующая партитуре оркестровая игра и звучит добротное закадровое пение, с другой – зритель наблюдает шокирующую сценографию и неожиданные постановочные эффекты (декорация в виде громадных смятых простыней, добавление белых фигур непонятно откуда взявшихся «приживалов» к Хору приживалок, Герман – граф Дракула, раздевающий Графиню-гейшу и т. п.). Всё венчает финал с кровавым самоубийством Германа (герой бритвой перерезает себе горло, заливая сцену кровью, а не застреливается, как в партитуре). Гротеск режиссёра понятен – на оперной сцене сегодня вполне можно вообразить такой волюнтаристский триллер как драматургическую параллель авторскому академизму.

В фильме не так много, как могло бы быть, собственно оперной музыки Чайковского. Нагнетающая ужас тема вступления к 4-й картине (при этом неуловимо изменённая с использованием саунд-дизайна) звучит сквозным лейтмотивом. Ещё мы слышим и видим репетиционный процесс, где в сопровождении рояля звучат несколько ариозо Германа и Лизы, ария у Зимней канавки, показана сцена в игорном доме со знаменитым «Что наша жизнь? Игра!». Внутрикадрово в этих музыкальных эпизодах актёры Ксения Раппопорт, Иван Янковский и Мария Курденевич поют голосами ведущих солистов Большого театра.

Получается, что не Чайковского, а Пушкина в фильме в некотором роде даже больше. Композитор из вполне реалистической повести создал драму рока крупного мазка, изменил сюжетные положения, романтизировал и облагородил героев. Но дело в том, что их трагическое безумие осталось в XIX веке, тогда как низменные человеческие страсти, власть денег, игромания – эти пушкинские темы до сих пор актуальны в современном мире, что и подчёркнуто Лунгиным.

Опера Чайковского «Пиковая дама» за более чем столетнюю историю своего существования не потеряла своей притягательной силы и до сих пор вдохновляет музыкантов-исполнителей, искусствоведов, дирижёров, режиссёров. Редкое сочетание удачного либретто, увлекательного сюжета, чётко выстроенной драматургии и, конечно же, гениальной музыки делает произведение одним из эталонов жанра, созданных в позднеромантическую эпоху. Особо выделяется сложность и новизна звукозрительного синтеза, воплощённого композитором в музыкально-сценическом

пространстве оперы – идеи Чайковского отчасти предвосхитили логику и законы аудиовизуально-го синтеза в кинематографе.

Размышления над природой шедевра Чайковского приводят режиссёров театра и кино к новым прочтениям, дают возможность вместе с вечной проблематикой поставить и актуальные насущные вопросы человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доля, Я. Режиссерский театр: от логики к умозрению / Я. Доля // Честное слово. – 2014. – № 20 (900). – URL: <http://www.chslovo.com/articles/7962107/> (дата обращения: 18.04.2024). – Текст: электронный.
2. Лисса, З. Эстетика киномузыки / З. Лисса. – М: Музыка, 1970. – 495 с.
3. Осипова, Г. Г. Владимир Мартынов – музыкальный философ и кинокомпозитор / Г. Г. Осипова // Человек. Коммуникация. Культура. Восток – Запад: поиски культурной идентичности на постсоветском пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: СПбГИКиТ, 2016. – С. 145-149.
4. Осипова, Г. Г. О религиозных прообразах киномузыки отечественных композиторов / Г. Г. Осипова // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. Вступ. статья и сост. А. Л. Казина. Т. III, ч. II: 1992-2017. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – С. 327-338.
5. Осипова, Г. Г. «Пиковая дама» Пушкина/Чайковского на сцене и на экране: к вопросу о режиссёрской опере / Г. Г. Осипова // Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России: материалы II нац. науч.-практ. конф. / редколлегия: А. Д. Евменов [и др.]. – СПб.: СПбГИКиТ, 2019. – С. 158-162.
6. «Это фильм о внутренней лжи, в которой живут люди». Интервью А. Плахова // Коммерсантъ. – № 54 (4939). – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1902122?isSearch=True> (дата обращения: 30.04.2024). – Текст: электронный.

Шушарина Г. А.
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)**

**INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A FACTOR IN CONSTRUCTING IDENTITY
IN BORDER REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND)**

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Assistant Professor, Head of Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики национальной и региональной идентичности в условиях активной межкультурной коммуникации. В рамках конструктивистской парадигмы на примере российско-китайского приграничья исследуется, как интенсивные трансграничные контакты трансформируют процессы идентификации. Эмпирической основой работы служит выделение ключевых сфер взаимодействия: кулинарной адаптации, языковых контактов, культурно-оздоровительных практик и образовательной интеграции. В результате анализа выявлены и описаны два основных механизма этого влияния: адаптация и синтез культурных элементов, приводящие к усложнению идентичности; рефлексивное переосмысление «своего» через контраст с «другим». Ключевой вывод исследования заключается в том, что в контексте активного диалога политическая граница утрачивает роль линии раздела и превращается в зону генерации новой транскультурной идентичности, формируемой во взаимодействии с «Другим».

Summary. The article analyzes the dynamics of national and regional identity in the context of intensive intercultural communication. Within the constructivist paradigm and using the example of the Russian-Chinese borderland, it explores how intense cross-border contacts transform identification processes. The empirical basis of the work is the identification of key spheres of interaction: culinary adaptation, language contacts, cultural and wellness practices, and educational integration. As a result of the analysis, two primary mechanisms of this influence are identified and described: the adaptation and synthesis of cultural elements leading to a more complex identity; the reflexive reinterpretation of «self» through contrast with the «other». The key conclusion of the study is that in the context of active dialogue, a political border ceases to function solely as a dividing line and transforms into a zone for generating a new transcultural identity, formed in interaction with the «Other».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, национальная идентичность, региональная идентичность, приграничные территории, конструктивизм.

Key words: intercultural communication, national identity, regional identity, border territories, and constructivism.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-02814, <https://rscf.ru/project/25-28-02814/>.

УДК 304.2

Национальная идентичность традиционно рассматривалась как стабильное, укоренённое в истории, языке и культуре образование, обеспечивающее единство и целостность социума. В. А. Тишков указывает, что «национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты» [17]. Однако во второй половине XX века под влиянием постмодернистских и конструктивистских теорий (Б. Андер-

сон, Э. Геллнер [1; 6]) утвердился взгляд на нацию как на «воображаемое сообщество», а на национальную идентичность – как на социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый с помощью политических институтов, системы образования, медиа и культурных практик. Антропологический и культурологический поворот сместил акцент на повседневные практики, дискурсы и коммуникативные акты, в которых идентичность интерактивно производится. Если нация есть «воображаемое сообщество» [1], то воображение это осуществляется не в вакууме, а в семиотически насыщенном социокультурном пространстве, частью которого является межкультурное взаимодействие. Следовательно, объектом анализа становится не идентичность как статичная сущность, а процесс идентификации – незавершённый акт, всегда осуществляемый в отношении к инаковости.

Глобализация, цифровизация и миграция многократно усилили интенсивность межкультурных контактов, сделав процесс конструирования идентичности особенно сложным и динамичным в приграничных регионах.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать механизмы влияния межкультурной коммуникации на конструирование национальной и региональной идентичности на примере российско-китайского приграничья. Территориальные рамки работы составляют приграничные территории Хабаровского края Российской Федерации и провинций северо-востока Китайской Народной Республики.

Соотношение национальной и региональной идентичности не является статичной иерархией, но представляет собой динамическое, контекстно-зависимое поле, структурируемое несколькими ключевыми принципами.

Национальная идентичность – более абстрактный, «воображаемый» конструкт, основанный на общих символах (флаг, гимн, история), политико-правовой принадлежности (гражданство) и языке. Это макроуровень. Региональная идентичность более конкретна, сенсорно и повседневно ощутима. Она укоренена в непосредственном опыте: локальном географическом и культурном ландшафте, локальных диалектах, кухне, общей региональной истории, общих хозяйственных проблемах. Это мезо- или микроуровень. В стабильных условиях они могут сосуществовать по принципу концентрических кругов: региональная идентичность вложена в национальную как её специфическая и обогащающая часть (например, быть дальневосточником и россиянином). «Чувство Родины может быть полноценным лишь при наличии чувства “малой родины”» [7]. Национальный контекст придаёт региональной идентичности сравнительное значение и статус. Быть «дальневосточником» осмысленно только в рамках общероссийского поля. В повседневной жизни в локальном сообществе доминирует региональная идентичность (решение местных проблем, общение). В ситуациях международного представительства (международные спортивные соревнования, международные организации) на первый план выходит национальная идентичность как источник солидарности более высокого порядка. Для современного индивида идентичность многослойна. В одних контекстах он говорит «мы, дальневосточники» (говоря о промышленном развитии своего региона), в других – «мы, россияне» (болея на чемпионате мира), сохраняя при этом возможность идентификации с более мелкими сообществами (город, профессиональная группа).

Влияние межкультурных контактов на формирование идентичности фундируется на конструктивистской парадигме, согласно которой идентичность формируется не изнутри, а в процессе социального взаимодействия, через соотнесение себя с другими. Ключевую роль здесь играет концепция «Чужого/Другого». Образ «Чужого/Другого» (иностранца, представителя иной культуры) является необходимым зеркалом, в котором группа осознаёт собственную уникальность и сопричастность к своему социуму. Межкультурная коммуникация, таким образом, становится тем пространством, где встреча «Своего» и «Чужого» запускает или актуализирует процессы самоопределения. Как отмечал М. М. Бахтин, культура и порождаемая ею идентичность существуют только в диалоге [2]. Таким образом, межкультурная коммуникация является пространством, где встреча «Своего» и «Чужого» запускает процессы самоопределения.

Наиболее рельефно эти процессы проявляются в приграничных регионах, где граница из линии демаркации превращается в зону активного контакта. Исследователи подчёркивают, что в

рамках таких регионов происходят изменения, связанные с индивидуальной и групповой идентификацией, т. к. взаимодействующие локальные культуры испытывают воздействие со стороны граничащих с ним стран [3]. Подобные процессы объясняются тем фактом, что ни одна региональная культура не способна существовать в абсолютной изоляции от культур соседствующих с ней регионов. Практически каждый регион в той или иной степени открыт для контактов и восприятия культурных достижений других регионов и одновременно готов поделиться собственными культурными достижениями и ценностями [12].

Вместе с тем приграничное пространство – это не только пространство трансформации имеющейся идентичности, но и место формирования новых идентичностей [11]. Проживающее в пограничных регионах население может иметь как особую приграничную, так и двойную этническую идентичность, а также обе вышеуказанные идентичности [5]. Если учесть сжатый мир и ограниченное состояние, то идентичности для всех людей и коллективных существ становятся всё более сложными [20]. Этот процесс характеризуется несколькими ключевыми аспектами: во-первых, если в классическом понимании граница – это линия демаркации, утверждающая суверенитет той или иной страны/региона, то в пространстве ежедневной межкультурной коммуникации она трансформируется в зону контакта, в которой генерируются особые экономические отношения, социокультурные и образовательные связи, создаются пиджины для общения народов. Идентичность конструируется не вопреки границе, а благодаря ей и через её постоянное преодоление в повседневных коммуникативных актах. Во-вторых, приграничные территории несколько размыывают бинарную оппозицию «свой-чужой», поскольку у народов фиксируются схожие и даже общие практики приспособления к окружающему географическому пространству, климатическим условиям, экологической или инфраструктурной повестке, демографическим проблемам и т. п. [14] В результате можно говорить о формировании «третьего пространства» в его территориализированном варианте. Жители такого пространства в своей повседневной межкультурной коммуникации (смешанные браки, совместный бизнес, культурные обмены, академическая мобильность) вырабатывают собственные представления как о «своей» нации, так и о «соседней» (видя в ней конкретных людей с их проблемами), разрушая при этом присутствующие стереотипы, которыми живут регионы, отдалённые от соседней страны [10].

Российский Дальний Восток представляет собой наглядное пространство для изучения данных процессов. Интенсивные трансграничные контакты с КНР стали повседневной реальностью [4; 14].

Эмпирический анализ позволяет выделить несколько ключевых сфер, где межкультурная коммуникация непосредственно влияет на региональную среду и, как следствие, на идентичность:

1. Кулинарная адаптация. Следует отметить, что популяризация китайской кухни в российском приграничье осуществляется достаточно активно. Китайская кухня перестала быть экзотикой, интегрировавшись в повседневный рацион. Этот процесс носит характер фьюжна: заимствованные элементы (соусы, ингредиенты) адаптируются под местные вкусы, порождая новые блюда, что становится возможным благодаря развивающемуся туризму, глобализации рынков продуктов питания. Заимствование ингредиентов и техник дополняется их адаптацией в соответствии с местными вкусами, возможностями и культурными смыслами. Интересные факты приводит российский китаевед И. Зуенко: «Китайцы традиционно едят мало салатов, а русские, напротив, много. Поэтому специально для них предприимчивые китайские кулинары стали придумывать новые позиции. В результате в меню появился “пекинский салат” с жареной картошкой, а также “салат из одуванчиков” (на самом деле из рукколы) – любимое “китайское” блюдо дальневосточниц, следящих за фигурой» [8].

2. Языковые контакты. Длительное взаимодействие приводит к возникновению гибридных языковых форм, пиджинов и заимствований, особенно в торговом и бытовом дискурсе, что служит маркером особой приграничной идентичности [19].

3. Распространение культурно-оздоровительных практик. Популяризация тайцзи и цигуна, а также интереса к феномену «азиатской красоты» свидетельствует о глубоком проникновении элементов китайского социокультурного пространства в регион [13].

4. Популяризация китайской медицины происходит в двух направлениях. Во-первых, в регионах создаются учреждения, предоставляющие услуги традиционной китайской медицины, а также предлагаются курсы по изучению традиционной китайской медицины [20]. Во-вторых, становится всё более востребованным медицинский туризм в КНР, чему способствует его экономическая доступность, а также сочетание инновационных технологий и уникального культурного колорита [15].

5. Образовательная и научная интеграция. Академическая мобильность, совместные исследования и образовательные программы между вузами двух стран создают устойчивые каналы для коммуникации и формирования общей профессиональной и интеллектуальной среды [16].

На основании приведённых примеров можно сформулировать два основных механизма влияния межкультурной коммуникации на идентичность.

Первый и он же основной механизм – это адаптация и синтез. Это конструктивный механизм, при котором заимствование элементов иной культуры (кулинарных, языковых практик) ведёт не к размыванию, а к усложнению и обогащению собственной культурной среды и идентичности. Возникающие гибридные формы доказывают способность идентичности к инновациям и адаптации. В процессе длительного и позитивного взаимодействия происходит взаимопроникновение культурных элементов. Заимствование практик, идей, лексики, эстетических стандартов из других культур ведёт к трансформации собственной культурной среды. Национальная и региональная идентичность при этом не разрушается, а усложняется. Этот механизм отражает конструктивный и творческий ответ на межкультурную коммуникацию, ведущий не к размыванию, а к усложнению идентичности через синтез. В результате возникают новые культурные формы («третье пространство»), которые не сводятся к сумме источников. Национальная или региональная идентичность демонстрирует способность к инновациям, доказывая свою жизнеспособность в меняющемся мире. Таким образом, этот механизм показывает, что границы идентичности в процессе межкультурной коммуникации не только охраняются, но и становятся проницаемыми зонами для создания нового.

Второй механизм – рефлексия и переопределение. Столкновение с иной культурной моделью заставляет переосмысливать собственные, казавшиеся естественными установки. Активная приграничная торговля, китайские инвестиции в инфраструктуру, ситуация постоянного визуального и бытового контакта российского населения Дальнего Востока с совершенно иной культурой могут оказывать влияние на конструирование идентичности в нескольких направлениях. Во-первых, конструирование может строиться на контрасте с «китайскостью», страхе перед «тихой экспансией» и размывании национальной идентичности. Тему китайской экспансии в России и широкомасштабного освоения китайцами сибирских просторов российские и зарубежные СМИ активнейшим образом обсуждали в начале 1990-х годов и начале XXI века. В этом случае у «внутреннего» населения приграничных территорий укрепляется оборонительная национальная и региональная идентичность, основанная на идее невозможности понимания приграничья как зоны продуктивного межкультурного диалога. Подробный анализ реальности или мнимости таких угроз провел академик РАН В. Л. Ларин [9]. Во-вторых, успешное экономическое развитие приграничных регионов соседа (например, китайская сторона Амура) становится болезненным контрастом для «внутреннего» населения приграничных территорий, наблюдающих за стагнацией или оттоком населения со своей стороны. Подобные настроения негативно сказываются на идее единства нации и заставляют приграничные территории искать связи с более эффективным соседом. Идентичность может не укрепляться, а, наоборот, ставиться под сомнение. В-третьих, приграничный опыт используется как доказательство того, что российская идентичность способна к диалогу и синтезу. Приграничье преподносится как преимущество, где развиваются технологии, происходит культурный обмен, что делает приграничье ресурсом для развития всей нации [14]. Рефлексия редко приводит к реальному пониманию сложной идентичности самих приграничных жителей, но она формирует доминирующие в обществе представления о том, что значит «быть нацией» и где проходят её границы.

Таким образом, межкультурная коммуникация в приграничных регионах выступает ключевым фактором, трансформирующим саму природу идентичности. Интенсивный повседневный диалог через границу превращает её из барьера в катализатор. Идентичность конструируется уже не вопреки границе, а благодаря ей – в процессе постоянного взаимодействия, где «Другой» становится партнёром по созданию новых, гибридных смыслов и практик. Российско-китайское приграничье демонстрирует, что результатом этого процесса является формирование особой транснациональной региональной идентичности, сочетающей элементы обеих культур и отражающей новое качество межкультурного диалога в современную эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
3. Бернюкевич, Т. В. К вопросу об исследовании региональной идентичности в трансграничном социокультурном пространстве / Т. В. Бернюкевич // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. В 3 ч. Ч. 3 / Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 174 с.
4. Блажевич, В. Трансграничная межкультурная коммуникация между населением Дальнего Востока России и северо-восточных провинций Китая / В. Блажевич // Периферия. Журнал исследования нестолических пространств. – 2024. – № 2 (3). – С. 49-54.
5. Бредихин, А. В. К вопросу об этносоциальной идентификации в приграничье / А. В. Бредихин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 134-144.
6. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 322 с.
7. Еремина, Е. В. Понятие региональной идентичности и специфика её формирования в современной России / Е. В. Еремина // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5. – С. 276-287.
8. Зуенко, И. Дальневосточный фьюжн: как китайская кухня становится русской возле фронта / И. Зуенко // Деловой журнал «Профиль». – URL: <https://profile.ru/abroad/dalnevostochnyj-fjuzhn-kak-kitajskaya-kuhnya-stanovitsya-russkoj-voze-frontira-1753647/> (дата обращения: 04.10.2025). – Текст: электронный.
9. Ларин, В. Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа / В. Л. Ларин // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 9-27.
10. Малышева, Н. В. Стереотипы и взаимные представления китайцев и русских, проживающих на приграничных территориях Дальнего Востока / Н. В. Малышева, А. А. Чувеева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № II (82). – С. 19-27.
11. Морозова, В. С. Трансформация культурно-цивилизационной идентичности российского приграничья: практика, особенности, контексты (на примере Забайкальского края) / В. С. Морозова, К. С. Дубровская // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Чита, 16 апреля 2018 года / Забайкальский государственный университет; науч. ред.: Т. Н. Кучинская, В. С. Морозова. – Чита: ЗабГУ, 2018. – С. 149-159.
12. Морозова, В. С. Роль региональной культуры в межкультурном взаимодействии РФ и КНР (на примере Забайкальского края) / В. С. Морозова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 123. – С. 238-245.
13. Мусалитина, Е. А. Феномен «азиатской красоты» как новый тренд в потребительской культуре России / Е. А. Мусалитина, А. Э. Турмачева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № II (82). – С. 43-52.
14. Петрунина, Ж. В. Составляющие диалога в российско-китайском приграничье в XXI веке (на примере развития города Фуюань) / Ж. В. Петрунина, Ц. Чэнь // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № IV (60). – С. 63-67.
15. Петрунина, Ж. В. Медицинская дипломатия как часть гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем в XXI в. / Ж. В. Петрунина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2024. – № 14. – С. 595-600.

16. Петрунина, Ж. В. Перспективы интеграции научно-образовательного пространства приграничных территорий России и Китая / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 43-51.
17. Тишков, В. А. Что есть Россия и российский народ / В. А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11. – № 3 (37). – С. 21-41.
18. Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен / А. В. Швецова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 6. – С. 653-661.
19. Шушарина, Г. А. Результаты межъязыковых контактов России и Китая в исторической перспективе / Г. А. Шушарина, Ж. В. Петрунина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2025. – Т. 22. – № 1. – С. 35-41.
20. Почему Хабаровчане едут лечиться в Китай // Transsibinfo. – URL: https://transsibinfo.com/news/2025-04-25/pochemu-habarovchane-edut-lechitsya-v-kitay-5377416?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 06.01.2025). – Текст: электронный.
21. Hybrid identities // Theoretical and Empirical Examinations Series: Studies in Critical Social Sciences. 2008. Vol. 12. Leiden, Boston. 409 p.

Ху Юэ, Брейтман А. С.
«ФОТОГРАФИЯ БЕЗ КАМЕРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ:
ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО

Ху Юэ, Брейтман А. С.
Hu Yue, A. S. Breitman

«ФОТОГРАФИЯ БЕЗ КАМЕРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ: ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОГО И ВИРТУАЛЬНОГО

«PHOTOGRAPHY WITHOUT A CAMERA» IN MODERN CHINESE CULTURE: THE PROBLEM OF REAL AND VIRTUAL

Ху Юэ – аспирант кафедры «Международные коммуникации, сервис и туризм» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск), преподаватель Шаньдунского профессионального института искусств и дизайна (Китай, Цзинань); тел. 1(866)016-92-93. E-mail: 18660169293@163.com.

Hu Yue – Postgraduate Student, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk), Teacher at Shandong Vocational College of Art & Design (China, Jinan); tel. 1(866)016-92-93. E-mail: 18660169293@163.com.

Брейтман Александр Семёнович – профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел.: +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Alexander S. Breitman – Professor, Department of International Communications, Service and Tourism, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel.: +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Аннотация. В данной статье фотограмма как ключевая техника «бескамерной фотографии» рассматривается в качестве отправной точки исследования эволюции фотоискусства в контексте современной культуры. Особое внимание уделяется динамике фотограммы и её уникальным проявлениям в китайской фотографической практике. Анализируя творчество таких мастеров, как Лан Цзиншань, сочетавших традиционную китайскую эстетику с онтологическим исследованием фотографии, а также авангардные эксперименты современных художников, например Гао Шиюаня, автор приходит к выводу, что развитие техники фотограммы в Китае вышло за рамки простого технического подражания и стало своеобразным художественным медиумом, объединяющим в себе восточную визуальную философию, западное критическое мышление и технологическую рефлексию. Статья призвана показать, что такой творческий метод, позволяя вернуться к изначальной сущности фотографии, предлагает новый путь к пониманию «китайскости» в фотографии – путь, который выходит за пределы поверхностного воспроизведения и затрагивает саму суть художественного медиума.

Summary. In this article, the photogram, as a key technique of «camera-less photography», is examined as a starting point for exploring the evolution of photographic art in the context of contemporary culture. Special attention is given to the dynamics of the photogram and its unique manifestations in Chinese photographic practice. By analyzing the work of masters such as Lan Jingshan, who combined traditional Chinese aesthetics with an ontological exploration of photography, as well as the avant-garde experiments of contemporary artists like Gao Shiyuan, the authors conclude that the development of photogram techniques in China has gone beyond mere technical imitation and has become a unique artistic medium that combines Eastern visual philosophy, Western critical thinking, and technological reflection. The article aims to show that this creative method, by allowing us to return to the essence of photography, offers a new way of understanding «Chineseness» in photography, a way that goes beyond the superficial.

Ключевые слова: бескамерная фотография; фотограмма; Лан Цзиншань; китайская фотография; онтология медиума.

Key words: camera-less photography, photogram, Lan Jingshan, Chinese photography, medium ontology.

УДК 77.061(510)

Соотношение *реального* и *виртуального* – противоречивая данность и одна из актуальнейших проблем цифровой эпохи. По мере нарастания глобальной цифровизации культуры с её неисчерпаемыми возможностями становится очевидным, что «замещение (подмена) подлинного суще-

ствования виртуально-мифологической реальностью есть не что иное, как бегство от реальности, со всеми вытекающими из этого последствиями...» [1]. Соотношение же фотографической *подлинности* и *неподлинности* – всего лишь частный случай этого глобального противостояния.

В эпоху стремительного развития цифровых изображений, включая и их генерирование искусственным интеллектом (ИИ), границы, определение и даже сама необходимость существования фотографии оказываются под вопросом. В то время как основное направление в фотографической практике стремится к более высокому разрешению, более точному техническому воспроизведению объекта съёмки и более грандиозным нарративам, в мировом искусстве незаметно набирает силу подспудное течение, направленное на возвращение к «первозданности» фотографии – это и есть «бескамерная фотография» (*camera-less photography*). Отвергая объективы и плёнку в качестве оптических и химических посредников, она тем самым позволяет объектам непосредственно «проявляться» на светочувствительном материале, что, в свою очередь, напрямую указывает на самый сущностный физический процесс фотографии – фиксацию света и тени [9; 10].

Однако этот возврат к ранним формам фотографии не сводится к простой ностальгии или эскапизму в цифровую эпоху. На самом деле здесь реакция на засилье цифровых фотографий и технологий генерации изображений с помощью ИИ, своего рода «ответ» на вызовы цифровизации. Поэтому нам необходимо прояснить ключевой вопрос: если цифровые изображения можно бесконечно модифицировать, а ИИ способен генерировать их с нуля, то какую именно позицию выражает «бескамерная фотография», акцентируя прямой контакт объекта со светом и тенью?

История фотограммы. Суть «бескамерной фотографии» заключается в том, чтобы обойти «трансляцию», осуществляемую оптическим объективом, и установить более прямую связь между объектом и изображением. Её история восходит к самым истокам развития фотографического искусства. Британский учёный Уильям Генри Фокс Тальбот в своих ранних экспериментах 1830-х гг. размещал гербарные образцы на бумаге, покрытой светочувствительным составом, и экспонировал их на свету, создавая таким образом примитивные фотограммные изображения. Это стало одним из истоков фотографии (см. рис. 1).

Рис. 1. Уильям Генри Фокс Тальбот
 «Образец растения», 1839 г.

Фотограмма (*Photogram*) как наиболее репрезентативная техника бескамерной фотографии в современном китайском фотоискусстве демонстрирует уникальную жизнеспособность и идейную глубину. Это не просто локальная трансплантация западного художественного языка, но и явление, глубоко резонирующее с богатой традицией визуального искусства Китая и историей его современных фотографических поисков. От опытов Лан Цзиншаня в период Китайской Республики, который через «композиционную фотографию» искал «наиболее китаизированный» язык изображения [8], до серии «Да будет свет!» современного художника Гао Шиюаня, в которой объекты размещаются непосредственно на ПЗС-матрице, – во всём этом прослеживается чёткая линия, сфокусированная на конструировании изображения, его материальности и восточной смысловой наполненности. В данной статье предпринята попытка через историческую ретроспективу и анализ конкретных случаев проследить, как фотограмма в Китае эволюционировала от технического эксперимента к художественной практике, несущей в себе культурное самовыражение и философское осмысление [5].

Принцип фотограммы несложен: объект помещается на светочувствительный материал (например, фотобумагу, плёнку или цифровой сенсор). Под воздействием источника света объект блокирует часть лучей, оставляя на материале свой силуэт,

текстуру и даже полупрозрачные «следы тени». После химического проявления или цифрового считывания формируется негативное изображение (или позитивное после инверсии). Создание такого изображения полностью зависит от формы самого объекта, его светопроницаемости и характера физического контакта со светочувствительным материалом.

Со времени проведения опытов Тальбота техника фотограммы непрерывно эволюционирует. Претерпев генеалогическое разветвление, она породила множество творческих путей, каждый из которых обладает своими методологическими особенностями. Хотя эти технические вариации и придерживаются общего ключевого принципа – «прямого контактного экспонирования» – они демонстрируют разнообразие материалов, задействованных в физических или химических процессах, и яркую визуальную выразительность (язык), формируя чёткую техническую генеалогию (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика основных техник фотограммы

Название техники	Основной принцип	Светочувствительный материал	Характеристики изображения	Представители
Классическая фотограмма	Объект блокирует свет, создавая негативное изображение на фотобумаге	Фотобумага, покрытая светочувствительными химикатами (например, солями серебра)	Высокий контраст, акцент на силуэте объекта	Уильям Генри Фокс Тальбот, Анна Аткинс (цианотипия растений)
Светография	Прямое управление движением света по поверхности фотобумаги	Бромосеребряная фотобумага или другие светочувствительные материалы	Абстрактные световые линии и формы	Ман Рэй и другие художники-модернисты
Химическая фотограмма	Прямое нанесение и управление проявителем/фиксацией на фотобумаге	Бромосеребряная фотобумага	Сильный живописный эффект, непредсказуемые цвета и текстуры; находится на стыке фотографии и живописи	Лора Гейр (Laura Guire), Сунь Яньчу (химическая живопись)
Цифровая фотограмма	Объект помещается непосредственно на сенсор (ПЗС/КМОП) для экспонирования	Сенсор изображения цифровой камеры или цифрового задника	Получение цифрового файла в масштабе 1:1, способность передавать тончайшие текстуры и цвета объекта	Гао Шиюань (серия «Да будет свет!»)

Например, поиски Ман Рэя сосредоточены на исследовании траектории движения самого света в процессе создания абстрактных линий и форм. В свою очередь, химиграмма больше напоминает живопись на фотобумаге, где художник, напрямую манипулируя проявителем, добивается непредсказуемых цветов и текстур. Особого внимания заслуживает «цифровая фотограмма», при которой объект размещается непосредственно на цифровом сенсоре, что привносит в эту старинную технику измерение современных медиа. Эти разнообразные технические подходы предоставляют художникам широкие возможности для выражения своих концепций, позволяя фотограмме выйти за рамки простого технического эксперимента.

На протяжении всей истории западного искусства художники различных направлений наделяли фотограмму богатым содержанием. Вышеупомянутый художник-дадаист и сюрреалист Ман Рэй (Man Ray), используя сопоставление обыденных предметов для создания сновидческих, причудливых изображений, бросающих вызов логике реальности, развил эту технику в то, что он назвал «рэйографией» (Rayograph). Объекты (например, металлические спирали, воронки и т. д.) помещаются непосредственно на неэкспонированную фотобумагу. Воздействие света создаёт негативное изображение теней и контуров объектов, которое после проявки даёт уникальный светотеневой эффект (см. рис. 2) [11].

Пионер модернизма Ласло Мохой-Надь (Laszlo Moholy-Nagy), в свою очередь, рассматривал фотограмму как инструмент для исследования чистых отношений света, пространства и формы, подчёркивая её абстрактность и конструктивность. В Баухаусе фотограмма даже стала важной частью учебной программы, направленной на изучение в студенческой аудитории основных визуальных элементов [7].

Фотограмма в истории китайской культуры. Истоки исследования «бескамерной» или «надкамерной» (supra-camera) эстетики в китайской фотографии можно проследить до начала XX в. Наиболее знаковой фигурой в этом отношении, несомненно, является Лан Цзиншань (1904–1991). Хотя Лан Цзиншань известен своей «компаративной фотографией» и большинство его работ по-прежнему требовали использования негативов, снятых камерой, т. е. не были чистыми фотограммами, основной дух его художественной практики – «использование самого реалистичного и точного фотографического инструмента для слияния с присущими нашей стране принципами живописи» [4] – глубоко созвучен некоторым устремлениям бескамерной фотографии. Композитная фотография Лан Цзиншаня – это искусство «конструирования в тёмной комнате». С помощью таких техник, как монтаж нескольких негативов, их наложение и частичное маскирование, он реконструировал материалы, снятые в разное время и в разных местах, в целостные изображения, соответствующие художественному стилю китайской живописи художников-интеллектуалов. Например, в своей ранней работе «Учёный муж под сенью сосны» (см. рис. 3) он использовал метод «коллажа», применённый известным шведским фотографом Оскаром Рейландером в 1857 г., наделив его более глубоким содержанием.

Рис. 2. Ман Рэй «Рэйография»
 (металлическая спираль и воронка), 1922 г.

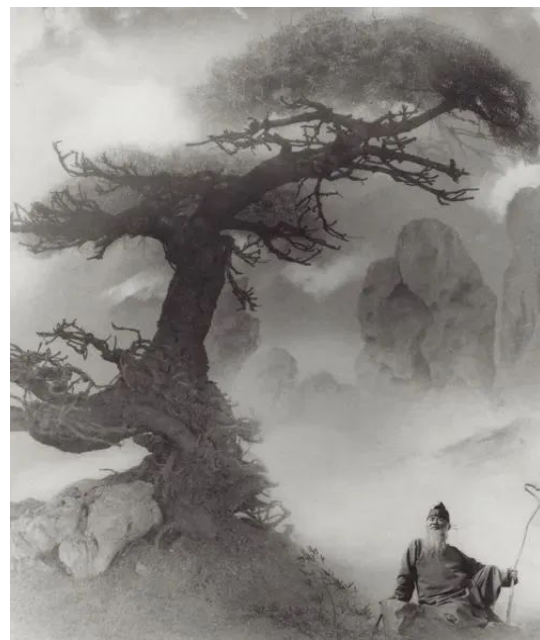

Рис. 3. Лан Цзиншань «Учёный муж под сенью сосны», 1934 г.

Сосны, скалы, облака, человек... Он выбрал эти уникальные изображения, объединив их в едином визуальном пространстве. В этой довольно ещё простой композиции уже ощущался дух китайской культуры. Органично объединив элементы, фотограмма перестаёт быть механической записью объекта: в ней ощущается его *духовное очарование*.

По своей сути этот творческий метод представляет собой деконструкцию и реорганизацию объективного пространства-времени, подчёркивая субъективное «художественное мастерство» и «композиционное решение» художника [2]. Это вступает в интересный диалог с основной идеей бескамерной фотографии: «создавать изображения, а не захватывать их» [14]. Лан Цзиншань стремился не к фиксации момента реальности, а к конструированию идеализированного, поэтического «пейзажа» или «сцены» в своём сознании. Он вывел фотографию из области «искусства затвора» в сферу «создания изображений», более близкую к живописи. Это заложило важную эстетическую и концептуальную основу для принятия и трансформации в китайской фотографии таких техник, как фотограмма, которые в высокой степени зависят от субъективного конструирования [6]. Так, в работе «Весенние деревья на дивных пиках» (см. рис. 4) также использована техника композитного наложения (двойная-тройная... экспозиция) нескольких негативов для имитации единой композиции и «оставленного пустого пространства» в китайской пейзажной живописи, что создаёт атмосферу «далёких гор, причудливых деревьев и окутывающих их облаков и тумана» [13].

Вместе с тем в работах Лан Цзиншаня 1960-х гг. ощущается влияние западного модернистского фотоискусства. В них он использует технику фотограммы в целях минималистической интерпретации китайской культуры, например, в работе «Фотограмма» (см. рис. 5).

«Фотограмма» Лан Цзиншаня не столько результат традиционной съёмки, сколько своеобразная «игра в тёмной комнате», осуществлённая без использования камеры. Художник помещал сухие ветви и листья растений непосредственно на светочувствительную бумагу и экспонировал её, новаторски соединив в этой работе эстетику минимализма с элементами китайской культуры.

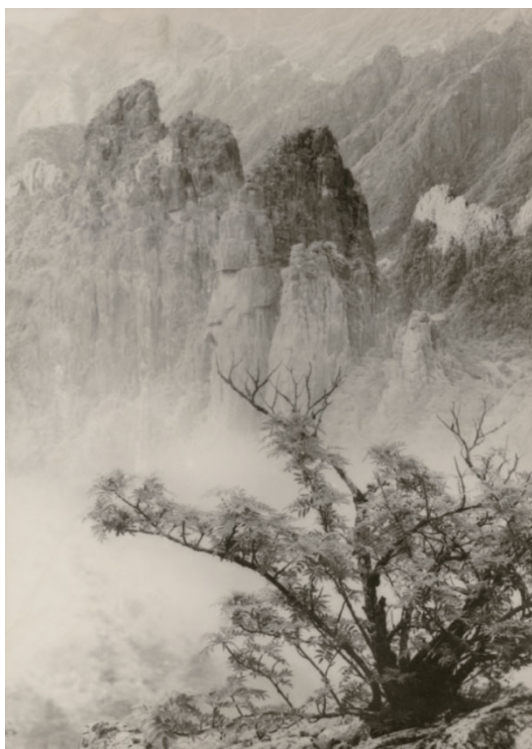

Рис. 4. Лан Цзиншань «Весенние деревья на дивных пиках», 1934 г.

Рис. 5. Лан Цзиншань «Фотограмма», 1965 г.

В то время как западные фотографы обычно создавали фотограммы ради самого изображения, стремясь лишь достоверно отразить на снимке объективную природную сцену без какого-либо дополнительного глубокого смысла, в работах Лан Цзиншаня на китайском материале этот механический процесс демонстрации был преобразован в творческий. Светотеневые эксперименты позволили мастеру преобразовать механический процесс фотограммы до уровня уникального художественного высказывания, высоко оцениваемого китайской интеллигенцией.

Опираясь на принципы «Шести законов» китайской живописи, он в тёмной комнате размещал сухие ветви и другие предметы на светочувствительном материале для прямого экспонирования, а затем монтировал из полученных фрагментов единое изображение, которое по своей композиции и основной мысли напоминало традиционную китайскую картину. Примером такой творческой интерпретации может служить работа того же автора «Лаконичность» (см. рис. 6).

Рис. 6. Лан Цзиншань
«Лаконичность», 1965 г.

На техническом уровне ранние китайские фотографы также не были чужды исследованиям онтологического языка фотографии. И хотя большинство документально подтверждённых, систематических практик чистой фотограммы относятся к настоящему времени, техники «тёмной комнаты», *частичное экспонирование* или *создание фотограмм* (например, размещение объекта непосредственно на фотобумаге при увеличении) и прежде были частью фотографического образования и эксперимента. Ещё важнее – отражённое в традиционной китайской культуре философское осмысление «тени» в идиомах, содержащих размышления о существовании, иллюзии и временности: «тело и тень жалеют друг друга» или «мимолётный свет и скользящая тень». Всё это обеспечило духовную почву для фотограммы как художественной формы, чья онтология основана на «тени». Ведь фотограмма представляет не сам объект, а его «след» или «негативную форму» под воздействием света. Такое выражение отношений между «реальным» и «пустым», «бытием» и «небытием» удивительным образом совпадает с эстетическими принципами традиционного китайского искусства, в том числе «использовать белое как чёрное» и «пустота и полнота порождают друг друга» [12].

Современные практики фотограммы. В XXI в., особенно в последнее десятилетие, под влиянием глобальных тенденций в современном искусстве и углубления рефлексии над онтологией фотографического медиума фотограмма в руках китайских художников приобрела ещё более выраженный концептуальный и экспериментальный характер. Их практики больше не ограничиваются заимствованием западных техник, а тесно связывают их с современной социальной реальностью Китая, технологической рефлексией и индивидуальным опытом. Убедительный пример тому – серия «Шкатулка созвездий» Шао Вэньхуаня на выставке в центре фотографии Fotografiska (см. рис. 7).

Он распечатал опубликованные НАСА карты глубокого космоса в виде прозрачных негативов, смешал их с бетонной пылью и стекловолокном, собранными на строительных площадках сносимых зданий в Ханчжоу, и поместил эту смесь на бромосеребряную фотобумагу формата 8x10 дюймов для контактной печати. Под фотоувеличителем частицы пыли образуют хаотичные световые пятна, которые создают «ошибочное узнавание», смешиваясь с упорядоченными туманностями на звёздных картах. На первый взгляд, зритель думает, что видит астрономическую фотографию, и лишь при ближайшем рассмотрении обнаруживает, что это «имитация космоса», созданная из городского мусора. Края частиц пыли светятся ослепительно-белыми вспышками,

словно взрывы сверхновых, но на самом деле это микроскопические фрагменты строительных обломков. Таким образом, Шао Вэньхуань поднимает тему сосуществования светового загрязнения и руин: когда ночное небо города скрыто светодиодным освещением, настоящая «звёздная пыль», возможно, исходит от бетонной пыли, поднятой бульдозерами. «Бескамерная» природа фотографии помещает мусор и звёздные туманности на один оптический уровень, превращая их в космическую метафору городского метаболизма.

Рис. 7. Шао Вэньхуань «Звёздная шкатулка № 8», 2020 г.

Серия работ современного художника Гао Шиюаня «Да будет свет!» (2022-2024 гг.) (см. рис. 8) – яркий пример такого метафорического мышления.

Мастер отказался от всех традиционных инструментов при создании изображений (объектив, плёнка, фотобумага, сканеры) и даже избежал перемещения и копирования пикселей с помощью программного обеспечения для постобработки. Вместо этого он выбрал метод, который кажется одновременно «атавистическим» и ультрасовременным: размещение различных объектов непосредственно на ПЗС-сенсоре среднеформатной цифровой камеры и однократное экспонирование путём контроля количества проходящего света для получения исходного цифрового изображения в масштабе 1:1. Этот процесс подобен современной «цифровой фотографии». Гао Шиюань признаётся, что чрезмерная отполированность коммерческих изображений, сгенерированных ИИ, порождает экзистенциальную тревогу и что его первоначальным желанием было вернуться к первозданным истокам создания изображений и исследовать сущность взаимодействия света и материи [15]. Его работы абстрактны и великолепны; контуры и текстуры объектов взаимодействуют с реакцией сенсора на свет, создавая визуальные эффекты, напоминающие нейронные сети, звёздные туманности или срезы минералов. Эта серия работ является одновременно и возвращением к физическим истокам фотографии, и актом «расколдовывания» логики генерации цифровых изображений, раскрывая самый прямой диалог между светом и материей, который происходит до любых вычислений.

Рис. 8. Гао Шиюань, фрагмент из серии «Да будет свет!», 2022-2024 гг.

Практика современных художников подчёркивает важные аспекты современной фотографии – критику и расширение онтологии фотографического медиума. Они соединяют передовые цифровые сенсорные технологии с самыми примитивными принципами создания изображений, заставляя зрителя переосмыслить фундаментальный вопрос: «Что такое фотография?». Это резонирует с международными исследованиями в данной области. Например, современная британская визуальная художница Лора Гейр использует химогаммы для привлечения внимания к проблемам *идентичности* и *окружающей среды*. Так организуется некий художественный процесс, в котором в качестве медиума используются интерактивные материалы, чувствительные к химическим веществам. В ходе этого процесса тело зрителя (как носителя его идентичности) и его локальная среда (воздух, пространство) совместно создают изображение посредством химической реакции. Когда вы стоите перед специально обработанным химикатами «холстом» (например, фотобумагой), ваше дыхание, температура кожи и даже влажность воздуха становятся невидимыми «чернилами». Все эти факторы вместе запускают уникальную химическую реакцию. Таким образом, ваше тело и окружающая среда в соавторстве создают импровизированное произведение. Его невозможно повторить, ведь оно запечатлевает не ваш облик, а тот уникальный химический отпечаток, который само ваше бытие оставляет здесь и сейчас. Или японский художник Симпэй Такэда, который использует прямую экспозицию фотоплёнки радиоактивной почвой для фиксации «следов» фукусимской ядерной катастрофы, тем самым возводя фотографию в ранг своего рода социально-исторической «геологической» летописи.

Творческие возможности современной фотографии. В условиях технологического изобилия и избыточности изображений, когда подтверждение аутентичности последних становится всё более проблематичным, возрождение фотографии имеет многогранное значение.

Во-первых, прежде всего это художественная практика, в которой сам медиум становится объектом рефлексии. Отказываясь от сложных аппаратов и алгоритмов, художники, исследуя фундаментальные основы существования фотографии, фокусируют внимание на самых простых отношениях света и тени, светочувствительных материалов и объектов. Это порождает методологию сопротивления чрезмерному потреблению изображений с одновременным размыванием их смысла.

Во-вторых, фотография предоставляет уникальный способ восприятия и выражения. Сохраняя физичность «близкого контакта» объекта со светочувствительной поверхностью, она запечатлевает тактильность, след и процесс. Опора фотографии в творческом процессе на физический контакт и материальные следы обнаруживает внутреннее сродство с концепциями китайской художественной традиции, в которой придаётся большое значение «ощущению руки» и трансформации материала. В качестве примера можно привести принципы «циюнь шэндун» – одухотворённый ритм, и «гуфа юнби» – структурный метод работы кистью. Именно эта особенность делает фотографию особенно подходящей для выражения таких тем, как неопределённость памяти, течение времени, распад материи или тайны микрокосма, которые часто ускользают от репрезентативной фотографии, стремящейся к точному воспроизведению действительности. В конечном итоге фотография открывает новые возможности для выражения трудно запечатлеваемого с помощью фигуративной фотографии: памяти, времени, исчезновения, мира микроматерии.

С учётом вышесказанного попробуем обозначить некоторые тенденции развития фотографии в Китае:

1. Технологическая интеграция. В русле методологии Гао Шиюаня смыслы фотографии будут сочетаться с новыми светочувствительными материалами, биотехнологиями и даже квантовыми сенсорами для создания совершенно новых форм изображения.

2. Социальное участие. С учётом международного опыта фотография может стать мощным инструментом документирования изменений окружающей среды, сохранения памяти сообществ, социальной критики.

3. Популяризация в сфере образования. Как способ верификации изображения фотография будет играть всё более важную роль в профессиональной подготовке и эстетическом воспитании.

«Бескамерная фотография» – от Лан Цзиншаня, конструировавшего «самые китаизированные» пейзажные образы с помощью композитной фотографии, до современных художников, исследующих сущность фотографии через фотограмму, – не является в Китае доминирующей линией фотоискусства, но представляет собой глубокое и жизнеспособное подспудное течение. Она свидетельствует о неустанных усилиях китайских фотографов по локализации и философскому осмыслению этого западного изобретения. Фотограмма с её предельной концентрацией на материальности фотографии и чистом выражении «тени» бросает вызов традиционному взгляду на фотоснимок, ориентированному на репрезентацию. В контексте национальной культуры она, что более вероятно, может соединиться с такими традиционными китайскими эстетическими идеями, как «созерцая вещи, постигать их образы» и «очистив сознание, воспринимать образы». Как представляется, на этом пути возникают реальные возможности для развития уникального изобразительного языка, способствующего взаимопроникновению духа и материи в *эстетике следа*. Сегодня, когда алгоритмы всё больше определяют наше восприятие, этот творческий метод – возврат к ручному труду, принятие случайности и прямое исследование первоисточника – является не просто взглядом в прошлое фотографии, но и проницательным открытием её будущих возможностей. Он напоминает нам о том, что жизненная сила фотографии, возможно, заключается именно в постоянном возвращении к истокам, чтобы там открывать для себя новое звёздное небо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейтман, А. С. Виртуальная реальность как социокультурный феномен: pro at contra / А. С. Брейтман // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № III-2 (11). – С. 118-119.
2. Чэнь Шэнь. Фотографический мир Лан Цзиншаня / Чэнь Шэнь // Китайская фотография. – 1990. – № 4. – С. 10-15.
3. Линь Лу. Сравнение фотографии Лан Цзиншаня с западными традициями / Линь Лу // Pengpai News Художественные рецензии. – 2022. – 19 августа.
4. Ван Жуньюй. Исследование художественной ценности фотожурнала периода Республики Китай «Летающий Орел» / Ван Жуньюй // Восточно-азиатская история искусства. – 2023. – № 2. – С. 45-58.
5. Ли Цзинду. Нарратив в отношениях: новые размышления о темах, структуре и целях документальной фотографии / Ли Цзинду // Сборник докладов XIV Национальной конференции по теории фотографии. – Пекин: Китайское издательство фотографии, 2025. – С. 1-15.
6. Избранные произведения по эстетике современной китайской фотографии / ред. Лун Си-цзу. – Пекин: Издательство китайского национального фотоискусства, 2015. – 624 с.
7. Массони, А. Л. Конструирование образа в современной фотографии / А. Л. Массони, М. Хиндеман; пер. с англ. Фань Сяюань, Лиу Биньсинь. – Пекин: Издательство связи и информации, 2020. – 248 с.
8. Лан Цзиншань. Коллекция и методы создания Цзиншань / Лан Цзиншань. – Шанхай, 1942. – 120 с.
9. Мохой-Надь, Л. Живопись, фотография, кино / Л. Мохой-Надь. – Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 1969. – 220 с.
10. Тэлбот, У. Х. Ф. Карандаш природы / У. Х. Ф. Тэлбот. – Лондон: Longman, Brown, Green and Longmans, 1844-1846. – Т. 1. – Вып. 6. – 148 с.
11. Мэн Рэй. Фотограммы / Мэн Рэй // Shanghai Oriental Media, 2014-2026. – URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_12536313 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.
12. 180 лет фотографии в Китае: каталог выставки. – Иньчуань: Современный музей искусства Иньчуаня, 2019. – 337 с.
13. Яо Лу. Исследование фотохудожественного творчества Лан Цзиншаня: дис. ... д-ра изящных искусств: 1301 / Яо Лу; Центральная академия изящных искусств. – Пекин, 2019. – 108 с.
14. Ху Юэ. Исследование применения «пустого пространства» в художественной фотографии: дис. ... магистра изящных искусств: 1352 / Ху Юэ; Технологический университет Килу. – Цзинань, 2020. – 129 с.
15. Гао Шиюань: «Самое ценное в эпоху ИИ – это работа, сотворённая жизнью» // Vision. – 2024. – 17 июля. – URL: <https://vision.xitek.com/allpage/interview/202407/17-367461.html> (дата обращения: 06.02.2026). – Текст: электронный.

Ларченко Ю. Г.
Yu. G. Larchenko

ИНТЕЛЛЕКТ-КАРТА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ МЕТОД ЗАКРЕПЛЕНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА СТУДЕНТАМИ

INTELLECTUAL MAP AS A VISUAL METHOD OF STUDENTS' LEARNING MATERIAL RECOGNITION

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Design, Management and Development of Information Systems, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В настоящее время в процессе освоения дисциплин учебного плана и формирования компетенций разного уровня студенты сталкиваются с необходимостью восприятия, обработки и систематизации большого объёма информации. Исходя из этого в ряде случаев возникают сложности с запоминанием теоретического материала и, как следствие, с его практическим применением. Для решения данной проблемы используется метод визуализации информации, направленный на установление логических, иерархических взаимосвязей между объектом изучения как системой и её составными элементами, получивший название интеллект-карты, ментальной карты или ассоциативной карты. В статье рассматривается алгоритм создания интеллект-карты, а также приводятся результаты его апробации на примере одной из основных тем дисциплины «Информационные технологии», читаемой студентам первого курса в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет». В заключение своего исследования автор демонстрирует успешный опыт внедрения метода «Интеллект-карта» в учебный процесс и подтверждает его показателем числа студентов, своевременно выполнивших проектное задание по заданной теме.

Summary. Currently, as students master curriculum disciplines and develop competencies at various levels, they are faced with the need to perceive, process, and systematize large volumes of information. Consequently, in some cases, they have difficulty memorizing theoretical material and, consequently, applying it practically. To address this issue, an information visualization method is used. This method is known as an intellectual map, mind map, mental map, or associative map. This method aims to establish logical, hierarchical relationships between the object of study as a system and its constituent elements. This method is called an intellectual map. This article discusses an algorithm for creating a mind map and presents the results of its testing using one of the main topics of the «Information Technology» course taught to first-year students at Komsomolsk-on-Amur State University. In the conclusion, the author demonstrates the successful implementation of the «Mind Map» method in the educational process and confirms this by estimating the number of students who completed a project assignment on a given topic on time.

Ключевые слова: интеллект-карта, метод, визуализация, студент, дисциплина, мышление, знания.

Key words: intellectual map, method, visualization, student, discipline, thinking, knowledge.

УДК 378.147

Интеллект-карта как способ графического структурирования и запоминания информации изначально был предложен британским психологом и учёным Тони Бьюзенем в 70-х годах прошлого столетия. В своих исследованиях он установил, что студенты, в чьих конспектах лекций встречаются графические элементы визуализации учебного материала, более успешно сдавали экзамены. Отсюда возникла идея метода ментальной карты. Тони Бьюзен пришёл к выводу, что человек легче и быстрее запоминает рисунки и картинки, чем сплошной текст [6; 10]. Кроме того, процесс построения ассоциативной карты для запоминания лекционного материала способствует развитию у студентов креативного мышления и навыков рефлексии [2].

Алгоритм создания интеллектуальной карты приведён на рис. 1.

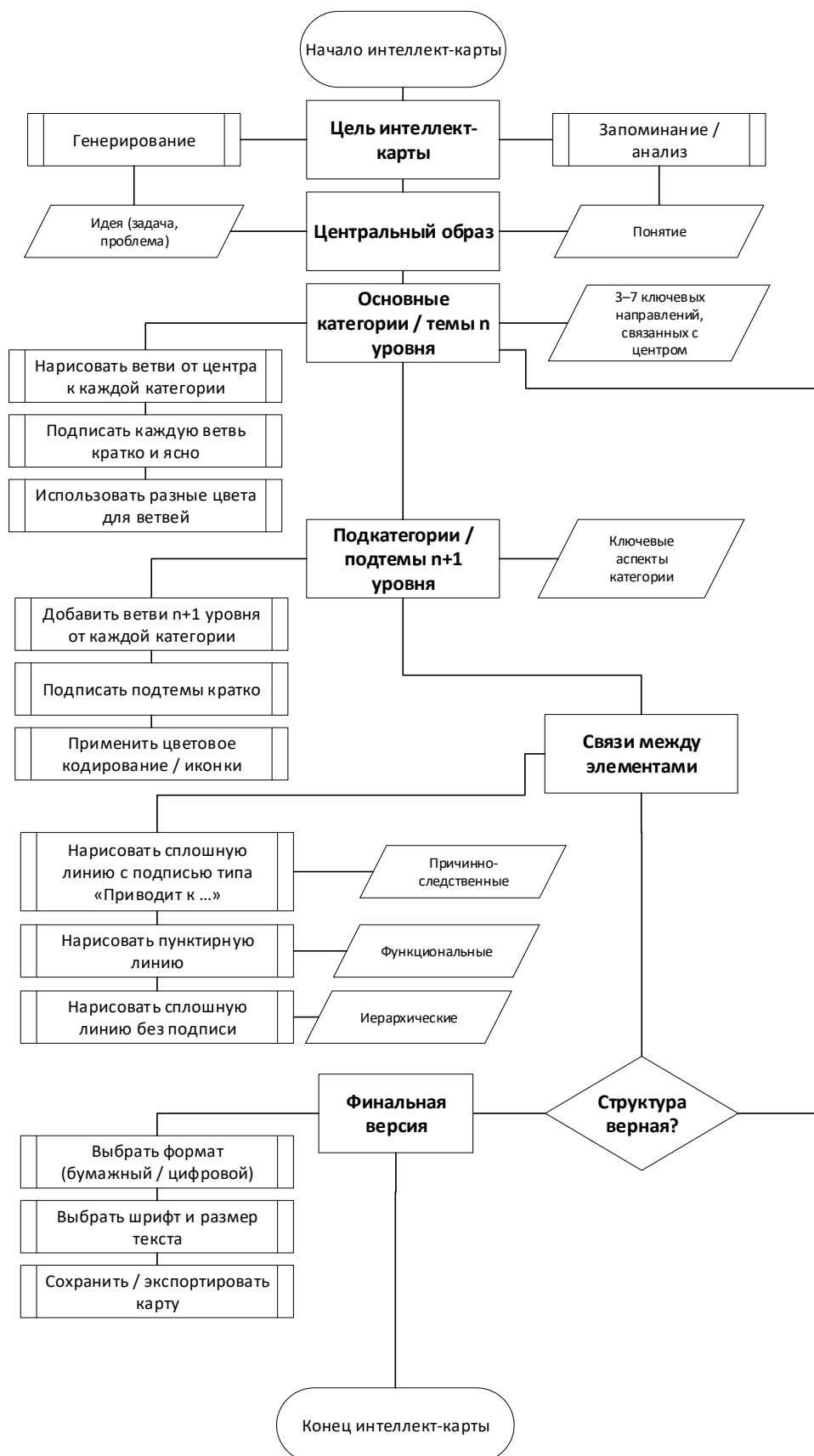

Рис. 1. Алгоритм создания интеллектуальной карты

В общем виде процесс создания интеллект-карты состоит из следующих этапов:

1. Цели:
 - запоминание – систематизация информации;
 - анализ – сравнение информации по каким-либо критериям;
 - генерирование идеи – предложение способа решения проблемы/задачи.
2. Центральный образ (ядро) зависит от цели и может содержать название темы, задачи, проблемы или проекта отдельно или в комбинации с рисунком/символом.
3. Основные категории/темы n уровня. На n -м (первом) уровне определяются направления анализа основной темы – ядра (от трёх до семи).
4. Подкатегории/подтемы ($n+1$) уровня. На ($n+1$) уровне детализируются категории, выделенные на n -м (первом) уровне.
5. Связи между элементами. На этом этапе устанавливается характер связей между категориями и подкатегориями, подкатегориями и подтемами. Связи бывают: причинно-следственные, функциональные и иерархические.
6. Финальная версия – проводится проверка структуры интеллект-карты, её корректировка (при необходимости), сохранение и экспорт [12; 13].

Для построения интеллект-карты используются разные цифровые сервисы графической визуализации информации. Одним из таких инструментов является программа XMind. Для работы в бесплатной версии программы достаточно зарегистрироваться на сайте <https://xmind.com/> [16]. Интерфейс сервиса является русифицированным и понятным. После регистрации на сайте пользователь создаёт свой проект с нуля или пользуется одним из шаблонов (см. рис. 2, 3).

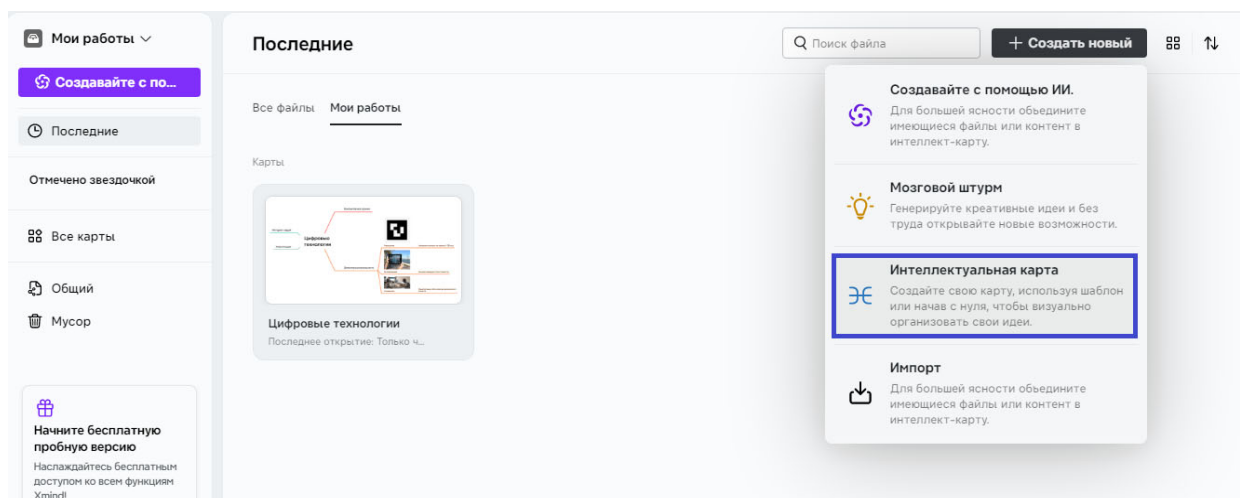

Рис. 2. Начало работы в программе XMind

Базовый шаблон интеллект-карты, представленный на рис. 3, содержит центральную тему и ряд подтем. Разработчик, исходя из цели и поставленных задач, вправе менять формат карты, добавлять изображения и маркеры, гиперссылки и комментарии. После завершения работы над интеллект-картой он может предоставить доступ к ней всем заинтересованным лицам с помощью ссылки.

Рассмотрим пример создания интеллект-карты по дисциплине «Информационные технологии» студентами первого курса, обучающимися в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет». Задание на разработку интеллект-карты представлено в табл. 1.

Примеры построенной студентами первого курса интеллект-карты по заданной теме показаны на рис. 4-6.

Выберите шаблон

Базовый

Интеллектуальная карта

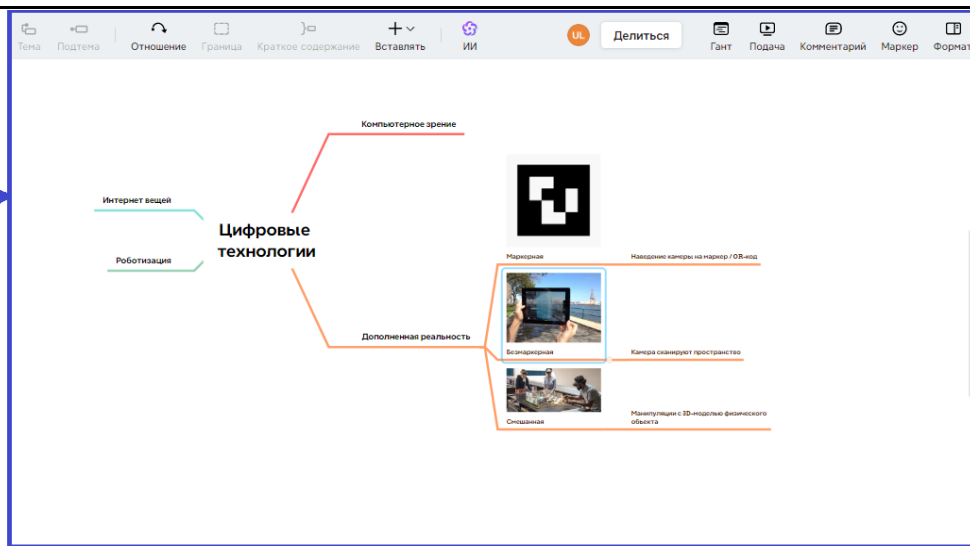

Рис. 3. Этап создания интеллект-карты на основе базового шаблона

Таблица 1

Задание на разработку интеллект-карты

Элемент	Содержание
1 Цель	Запоминание учебного материала лекции «Цифровые технологии: взгляд в будущее»
2 Центральный образ	Цифровые технологии
3 Основные категории	Первый уровень: Интернет вещей; Виртуальная/дополненная реальность; Компьютерное зрение; Роботизация и т. п.
4 Подкатегории	Второй уровень: по каждой основной категории привести не менее 2-3 примеров, а также область применения. Третий уровень (необязательный): по каждой подкатегории указать перспективы развития
5 Связи между элементами	Тип связей – иерархический
6 Финальная версия	Файл интеллект-карты экспортировать в формате .pdf и отправить на проверку преподавателю

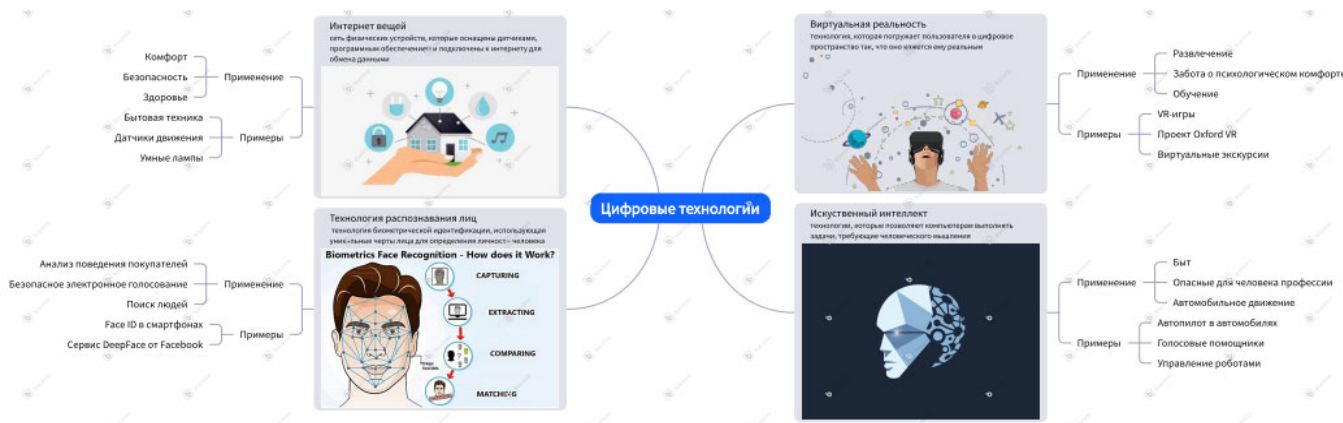

Рис. 4. Пример интеллект-карты по теме «Цифровые технологии» (группа 5БЛ6-1)

Рис. 5. Пример интеллект-карты по теме «Цифровые технологии» (группа 5ДСб-1)

Проведём оценку эффективности метода визуализации в процессе освоения учебного материала лекции «Цифровые технологии» (см. табл. 2).

В эксперименте приняли участие студенты трёх групп (5БЛб-1, 5ДСб-1, 5МДб-1), формирующие единый лекционный поток по дисциплине «Информационные технологии». Студентам выдан видеоконспект лекции по теме «Цифровые технологии: взгляд в будущее». По результатам изучения материала лекции обучающиеся должны были систематизировать полученную информацию и представить её в виде интеллект-карты в соответствии с заданием. На выполнение проектного задания отводилось две недели. В качестве цифрового сервиса для выполнения задания студенты могли использовать любой бесплатный графический инструмент: XMind, MindMeister, Boardmix и т. п.

Рис. 6. Пример интеллект-карты по теме «Цифровые технологии» (группа 5МДб-1)

Таблица 2

Оценка эффективности метода визуализации учебного материала лекции

Группа, образовательная программа	Всего человек	Выполнили задание в срок	
		Человек	%
5БЛб-1, «Лингвистика»	24	15	62,5
5ДСб-1, «Дизайн архитектурной среды»	23	21	91,3
5МДб-1, «Менеджмент»	20	14	70,0
Итого	67	50	74,6

Из учебного потока 75 % всех обучающихся (50 из 67 человек) успешно справились с проектным заданием в установленный срок, что подтверждает эффективность использования интеллект-карты как инструмента визуализации информации в процессе обучения студентов [7]. При этом отметим, что наиболее творчески и креативно к выполнению проектного задания подошли студенты группы 5ДСб-1 образовательной программы «Дизайн архитектурной среды».

Использование данного метода в учебном процессе позволяет повысить уровень запоминания лекционного материала, а также обеспечить развитие общекультурных и общепрофессиональных компетенций студентов, связанных с владением современными информационными техноло-

гиями, саморазвитием, критическим мышлением и уровнем самоорганизации [5; 15]. Отметим, что в ходе разработки интеллект-карты по заданной теме обучающиеся активно используют умения работать с компьютером как средством получения, обработки и управления информацией для решения профессиональных задач, что обеспечивает их конкурентоспособность на рынке труда как будущих специалистов [1; 4; 9].

В последние годы возрастает число учебных заведений страны, которые расширяют область применения метода интеллект-карт. Ранее ассоциативные карты в основном использовались в процессе обучения студентов по гуманитарным дисциплинам (иностранный язык, история, право и др.) [3]. В настоящее время инструмент визуализации теоретического материала применяется в помощь студентам и при изучении технических дисциплин (математика, физика, химия, механика и др.) [8; 11; 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абарникова, Е. Б. Парадигма цифрового образования и использование цифровых образовательных технологий в учебном процессе / Е. Б. Абарникова, В. С. Кортун // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о природе и технике. – 2023. – № V (69). – С. 67-75.
2. Астахова, Л. Г. Интеллект-карты как средство формирования профессиональных знаний студентов / Л. Г. Астахова // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 4 (53). – С. 68-73.
3. Ваганова, О. И. Реализация технологии интеллект-карт при изучении гуманитарных дисциплин / О. И. Ваганова, Е. Б. Пономаренко, Я. В. Зубкова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-2. – С. 51-54.
4. Василюк, Н. Н. Использование интеллект-карт при проведении лекционных занятий в вузе (на примере информатики) / Н. Н. Василюк // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2024. – № 2 (68). – С. 31-38.
5. Вологодина, И. В. Личностно-ориентированное цифровое образование / И. В. Вологодина, О. В. Грибкова, Д. М. Мельцаев // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 82-1. – С. 108-111.
6. Интеллект-карты как эффективный инструмент визуализации учебного материала / Г. А. Сейдуллаева, Ж. М. Жампейсова, Г. К. Темиркулова, Е. У. Ембердиев // Профессиональная ориентация. – 2025. – № 4-1. – С. 134-146.
7. Корягин, А. И. Технологии визуализации в образовательной среде / А. И. Корягин // Вестник педагогических наук. – 2024. – № 4. – С. 150-155.
8. Кутрунова, З. С. Опыт применения техники интеллект-карты в изучении технической механики и сопротивления материалов / З. С. Кутрунова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. – № 6. – С. 51.
9. Наливайко, Т. Е. К проблеме технологичности процесса обучения / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 56-59.
10. Приставченко, О. В. Использование интеллект-карт в качестве закрепления пройденного материала при дистанционном обучении в вузе / О. В. Приставченко, А. И. Эгамов // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 7-6 (65). – С. 383-386.
11. Рочева, М. Г. Применение метода интеллект-карт в процессе обучения математике студентов технического вуза / М. Г. Рочева, Е. А. Терентьева, М. С. Пармузина // Вестник НЦБЖД. – 2025. – № 1 (63). – С. 29-39.
12. Сас, К. П. Использование интеллект-карт в обучении информатике / К. П. Сас // Обзор педагогических исследований. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 208-213.
13. Сас, К. П. Применение интеллект-карт для визуализации процесса обучения справочно-поисковым системам / К. П. Сас // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 990-999.
14. Чаплыгина, А. В. Применение технологии составления интеллект-карт в обучении химии / А. В. Чаплыгина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2021. – № 3 (39). – С. 237-252. – URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/18_3_2021.html (дата обращения: 01.10.2025). – Текст: электронный.
15. Янюшкина, Г. М. Метод интеллект-карт как инструмент когнитивного обучения / Г. М. Янюшкина, Л. И. Ермакова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 107-2. – С. 86-90.
16. XMind: Проект Управление. – URL: <https://xmind.com/> (дата обращения: 11.01.2025). – Текст: электронный.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivaiko, M. V. Shinkoruk

**МЕТОДИКА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ**

METHODOLOGY OF SETTING GOALS IN TEACHER EDUCATIONAL ACTIVITIES

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)24-11-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivaiko – Doctor in Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)24-11-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Marina V. Shinkoruk – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shinkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье описаны цели и задачи воспитания на различных уровнях: федеральном, региональном, локальном. Кроме того, авторы исследуют цели и задачи воспитания как социального феномена, как системы, как деятельности и как процесса.

Summary. The article describes the goals and objectives of education at various levels: federal, regional, and local. In addition, the authors explore the goals and objectives of education as a social phenomenon, as a system, as an activity, and as a process.

Ключевые слова: воспитательная деятельность, цели и задачи воспитания, формы и методы воспитательной работы в вузе.

Key words: educational activities, goals and objectives of education, forms and methods of educational work at a university.

УДК 378.1 (07)

Государственная политика в области воспитания – это система взглядов на воспитание, стратегий, а также совокупность программ и мероприятий, разработанных и реализуемых государственными органами и учреждениями в целях формирования и развития у граждан, особенно у молодёжи, необходимых социальных, моральных и культурных качеств. Государственная политика в области воспитания направлена на создание условий, способствующих всестороннему развитию обучающихся, их социальной адаптации и готовности к активному участию в жизни общества. В этом контексте цели и задачи воспитания чётко определены и согласованы с общими стратегиями развития государства [1; 2]. Уровни целей воспитания представлены на рис. 1.

Основной целью государственной политики в области воспитания является создание условий для всестороннего развития обучающихся, их социального становления и формирования гражданской ответственности.

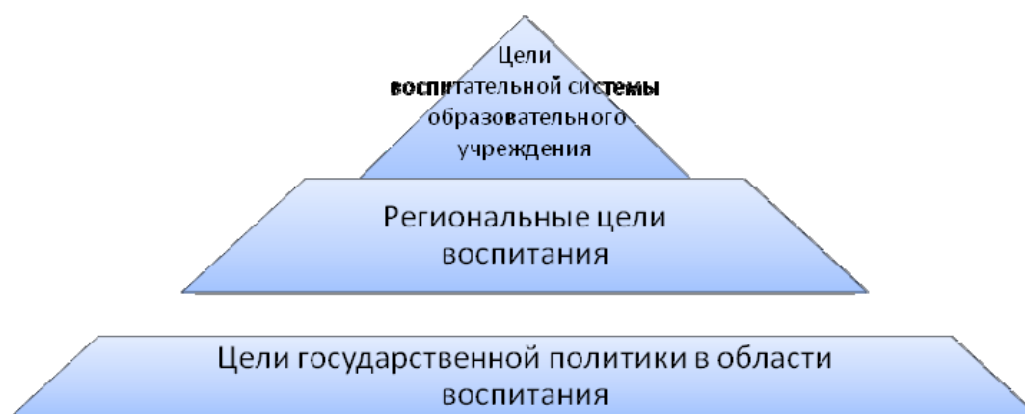

Рис. 1. Уровни целей воспитания

Эта цель конкретизируется через ряд *подцелей*:

- формирование гражданской идентичности граждан Российской Федерации, что предполагает воспитание гражданственности и патриотизма у молодёжи, развитие чувства принадлежности к своей стране, уважения к её истории и культуре;
- развитие социальной ответственности у подрастающего поколения, что реализуется через формирование у обучающихся понимания своей роли в обществе, ответственности за свои поступки и действия, а также активного участия в жизни своей общины и государства;
- создание условий для самореализации обучающихся, что предполагает предоставление возможностей для индивидуального роста и самовыражения каждого, включая поддержку талантливой молодёжи и развитие их творческого потенциала;
- формирование здорового образа жизни молодых людей через воспитание у них ценностей здоровья, физической активности и заботы об окружающей среде, что является основой для формирования ответственного отношения к своему здоровью и благополучию общества;
- укрепление моральных и этических норм, а именно содействие формированию у обучающихся высоких моральных стандартов, таких как честность, уважение, справедливость и толерантность;
- подготовка молодых людей к профессиональной деятельности через обеспечение их готовности к выбору профессии, развитию необходимых профессиональных навыков и компетенций, а также формирование у них стремления к постоянному обучению и саморазвитию.

Названные цели задают ориентиры для формулирования конкретных *задач в контексте государственной политики Российской Федерации* в сфере воспитания, среди которых можно выделить следующие:

- создание интегрированной воспитательной среды и единого воспитательного пространства в системе социализации детей и молодёжи, что предполагает разработку и внедрение программ, которые объединяют усилия образовательных учреждений, семьи и общества для достижения общих целей воспитания;
- разработка и внедрение инновационных методов и форм воспитания, для чего необходимо использование современных технологий и методик, направленных на активное вовлечение обучающихся в процесс воспитания и обучения;
- поддержка и развитие междисциплинарного и межведомственного подхода к организации воспитания, что предполагает содействие взаимодействию различных предметных областей для формирования целостного восприятия мира обучающимися и развития их критического мышления, объединение ресурсов различных социальных институтов в построении единого поля воспитания детей и молодёжи;

- оценка эффективности воспитательных программ, для чего необходима разработка системы критериев, показателей и методов оценки результатов воспитательной деятельности;
- обучение педагогов, подготовка и повышение квалификации педагогических кадров в области воспитания, создающее возможности для эффективной реализации поставленных государством целей и задач воспитания;

- выстраивание сотрудничества с общественными организациями, включающее установление партнёрских отношений с различными социальными институтами (некоммерческими организациями, культурными учреждениями и др.) для совместной реализации воспитательных программ.

Таким образом, цели и задачи воспитания на уровне государственной политики ориентированы на создание общества, в котором каждый человек сможет реализовать свой потенциал, активно участвовать в жизни своей страны и способствовать её развитию. Эффективная реализация этих целей требует комплексного подхода, включающего взаимодействие всех участников образовательного процесса: государства, образовательных учреждений, родителей и самих обучающихся [2].

Воспитание *на региональном уровне* направлено на создание условий, способствующих гармоничному развитию личности в контексте культурных, экономических и социальных особенностей конкретного региона.

Основной *целью* воспитания в этом контексте является формирование у обучающихся активной гражданской позиции, уважения к культурному наследию и традициям своего региона. В соответствии с этой целью региональные *задачи* воспитания включают:

- развитие критического мышления обучающихся в регионе;
- воспитание у молодёжи социальной ответственности за свой край;
- формирование у молодых людей навыков сотрудничества и взаимодействия с окружающими;
- содействие интеграции молодёжи в общественную жизнь через участие в региональных проектах и мероприятиях;
- поддержку индивидуальных талантов и способностей обучающихся, что способствует их успешной социализации и самореализации в рамках местного сообщества.

На *локальном уровне* цели и задачи воспитания отражают специфику образовательного учреждения, которая складывается из следующих составляющих:

- тип образовательного учреждения (дошкольные, школьные, высшие учебные заведения, профессиональные колледжи имеют свои цели, программы и методы воспитания);
- уровень образования (учреждения начального/основного/среднего/высшего образования реализуют разные учебные программы и подходы к обучению и воспитанию);
- методические подходы, технологии и методики, реализуемые в образовательном учреждении (традиционные, инновационные или альтернативные);
- социально-культурный контекст образовательного учреждения, формируемый под влиянием культурных, социальных и экономических условий региона, в котором они расположены;
- характеристики обучающихся в образовательном учреждении (возраст, уровень подготовки, интересы и потребности);
- стратегия управления образовательным учреждением (организационная структура, стиль управления, степень автономии, финансирование, взаимодействие с внешними структурами и т. п.);
- нормативно-правовая база деятельности образовательного учреждения (законодательство и нормативные акты, регулирующие образовательный процесс);
- инфраструктура и ресурсы (наличие материально-технической базы, учебных материалов и технологий).

Эти факторы в совокупности формируют уникальный профиль каждого образовательного учреждения, определяя его подходы к воспитанию. Вместе с тем представляется возможным определение целевых ориентиров и конкретизирующих их задач воспитания, реализуемого в рамках образовательного учреждения.

Так, основными *целями* воспитания на уровне образовательного учреждения выступают:

- создание условий для всестороннего развития личности, включающего интеллектуальные, эмоциональные, социальные и физические аспекты;
- развитие гражданской позиции обучающихся через осознание ими своих прав, обязанностей и ответственности за будущее общества;
- воспитание уважения к культурному наследию, традициям и обычаям как своего региона, так и страны в целом;
- подготовка к жизни в социуме, включая формирование навыков общения, сотрудничества и разрешения конфликтов в условиях многообразия общества.

Исходя из этих целей образовательное учреждение ставит перед собой следующие задачи:

- создание благоприятной образовательной среды, обеспечивающей комфортные условия для обучения и воспитания, которые способствуют развитию доверительных отношений между обучающимися и педагогами;

- развитие личностных качеств обучающихся, таких как ответственность, трудолюбие, честность, толерантность и инициативность;

- стимулирование творческой активности через создание условий для проявления индивидуальности обучающихся, поддержки их увлечений и интереса через различные кружки, секции и проекты;

- формирование навыков саморазвития обучающихся: умения ставить цели, планировать и анализировать свои достижения;

- выстраивание эффективного взаимодействия с семьёй и сообществом, развитие партнёрских отношений с родителями обучающихся посредством организации совместных мероприятий.

Таким образом, цели и задачи воспитания на уровне образовательного учреждения направлены на создание целостной системы, которая обеспечивает не только академическое обучение, но и всестороннее развитие личности. Это требует от педагогов творческого подхода и готовности адаптировать методы воспитания в зависимости от потребностей и особенностей обучающихся.

Как отмечалось выше, цели и задачи воспитания можно определять также в зависимости от рассматриваемого аспекта воспитания. Так, в контексте воспитательной деятельности задачи воспитания направлены на формирование у обучающихся определённых качеств, навыков и установок, способствующих их гармоничному развитию и социальной адаптации. Воспитание в этом аспекте включает в себя практические действия преподавателя, направленные на создание условий для личностного роста и самореализации детей.

Как процесс воспитания представляет собой динамическое взаимодействие между преподавателями и обучающимися, в котором происходит обмен знаниями, опытом и ценностями. Этот процесс требует постоянного мониторинга и корректировки подходов в зависимости от потребностей и особенностей воспитанников.

Как система воспитания охватывает множество взаимосвязанных компонентов: цели, задачи, методы, формы работы и оценочные критерии, – которые функционируют в едином образовательном пространстве. Эта системная перспектива позволяет учитывать разнообразие факторов, влияющих на воспитательный процесс, и обеспечивает целостность и последовательность в реализации воспитательных задач.

Когда речь идёт о целях и задачах воспитания в контексте работы конкретного преподавателя, их содержание определяется стратегическими целями государственной политики в области воспитания, общими целями воспитательной системы образовательного учреждения и спецификой учебного предмета или должностными обязанностями.

Эффективность воспитательной деятельности преподавателя оценивается прежде всего с точки зрения достижения поставленных целей, поэтому важно правильно их определить. Конкретная цель работы преподавателя включает несколько частных целей, которые рассматриваются как воспитательные задачи, отражающие намерения по конкретному мероприятию или времени. Таким образом, в процессе воспитательной работы преподаватель взаимодействует с системой целей, образующих иерархическую структуру:

1. общая цель, соответствующая представлениям общества об идеале личности и определяющая направления деятельности для всех образовательных учреждений;
2. педагогические цели на определённых этапах формирования личности;
3. оперативные цели для конкретных занятий или мероприятий.

Целеполагание является ключевым процессом в воспитательной деятельности, позволяющим определить направления работы, установить приоритеты и оценить результаты.

Методика эффективного целеполагания включает описание нескольких последовательных этапов (см. рис. 2), каждый из которых играет важную роль в достижении воспитательных целей.

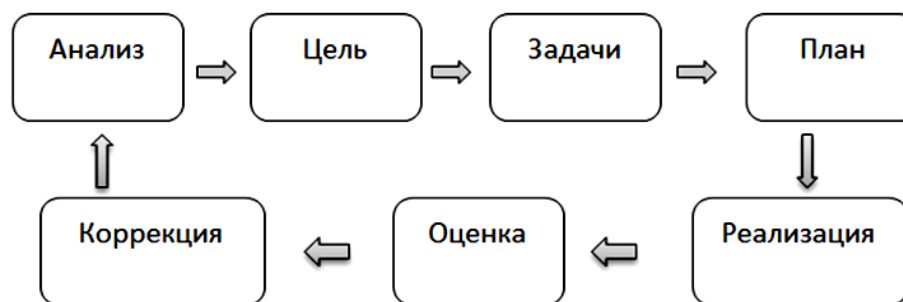

Рис. 2. Методика целеполагания в воспитательной деятельности

1-й этап – анализ ситуации. На первом этапе необходимо провести детальный анализ текущей ситуации в образовательном учреждении, складывающийся:

- из оценки потребностей обучающихся, выявления их интересов, проблем и потребностей;
- изучения и анализа социального, культурного и экономического окружения (контекста), в котором функционирует образовательное учреждение;
- определения ресурсов (материальных, кадровых, временных) для реализации воспитательных мероприятий.

2-й этап – формулирование целей. На этом этапе на основе результатов анализа ситуации формулируются конкретные цели воспитательной деятельности в соответствии с требованиями:

- конкретности, требующей чёткости в формулировании ожидаемых результатов;
- измеримости, позволяющей оценить степень достижения каждой цели;
- актуальности, т.е. соответствия потребностям и интересам обучающихся и образовательного учреждения;
- времени, т. е. ограничения временными рамками их реализации.

3-й этап – разработка задач. На данном этапе преподавателю предстоит сформулировать конкретные шаги, позволяющие достичь поставленные цели. Задачи могут включать:

- организацию мероприятий (кружков, конкурсов, акций, круглых столов);
- внедрение воспитательного контента в учебную дисциплину;
- проведение тематических семинаров, тренингов, деловых игр, просмотров фильмов и т. п.;
- привлечение партнёров, родителей, НКО и местного сообщества в воспитательный процесс.

4-й этап – планирование действий. На этом этапе разрабатывается последовательность действий по реализации поставленных задач. План воспитательной работы включает:

- конкретные мероприятия с указанием сроков и ответственных лиц;
- методы и формы воспитательной работы (индивидуальные, групповые, массовые);
- оценочные критерии для мониторинга процесса.

5-й этап – реализация плана. На этом этапе важно обеспечить:

- активное вовлечение всех участников воспитательного процесса (педагогов, обучающихся, родителей, организации);
- гибкость в подходах, позволяющую вносить изменения в план в зависимости от текущих обстоятельств.

6-й этап – оценка полученных результатов. Этот этап включает:

- осуществление оценочных процедур (наблюдение, экспертные оценки, фото- и видеорегистрация, опросы и т. д.);
- сравнение достигнутых результатов с изначально поставленными целями;
- анализ успешности реализованных мероприятий;
- выявление сильных и слабых сторон проведённой работы.

7-й этап – корректировка целей и задач. На данном этапе на основе полученных на предыдущем этапе данных вносятся коррективы в цели и задачи воспитательной деятельности.

Таким образом, методика целеполагания в воспитательной деятельности преподавателя представляет собой структурированный процесс, который помогает педагогам эффективно планировать и реализовывать свои действия. Правильное целеполагание способствует созданию благоприятной образовательной среды и обеспечивает гармоничное развитие обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования». Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701) // Минпросвещения России. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/> (дата обращения: 08.05.2025). – Текст: электронный.
2. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года: Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 (ред. от 21.02.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/7cdb6b823c28cffc11772942395c6357491e784f/ (дата обращения: 08.05.2025). – Текст: электронный.
3. Наливайко, Т. Е. Содержание воспитания в вузе: направления и виды воспитательной деятельности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2025. – № VIII (88). – С. 90-97.

Пухов А. А., Новгородов Н. А., Ткачева Ю. И.
A. A. Pukhov, N. A. Novgorodov, J. I. Tkacheva

«СЛУЧАЙ САМОУЧКИ» – КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ СИЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ С СИСТЕМАМИ КОМПЬЮТЕРНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

«SELF-TAUGHT» IS A CONCEPT OF TEACHING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES IN A STRONG COMPETITION WITH COMPUTER INTELLIGENCE SYSTEMS

Пухов Алексей Александрович – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: lemonsqueezyeasy@yandex.ru.

Aleksey A. Pukhov – Postgraduate Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: lemonsqueezyeasy@yandex.ru.

Новгородов Никита Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры «Тепловые энергетические установки» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27. E-mail: nikitakms@yandex.ru.

Nikita A. Novgorodov – PhD in Engineering, Associate Professor, Thermal Power Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27. E-mail: nikitakms@yandex.ru.

Ткачева Юлия Ильинична – кандидат технических наук, доцент кафедры «Тепловые энергетические установки» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27. E-mail: grin@knastu.ru.

Julia I. Tkacheva – PhD in Engineering, Associate Professor, Thermal Power Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27. E-mail: grin@knastu.ru.

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема всевозрастающих вычислительных возможностей современных систем компьютерного интеллекта как одна из возможных угроз будущего для человеческого общества в контексте изменения потребностей в рабочей силе и спектре оказываемых ею услуг. На опыте преподавания у отдельной категории учеников, а также на основе анализа особенностей принципов функционирования человеческого мышления и компьютерных вычислений у систем компьютерного интеллекта были выделены ключевые особенности подходов к образовательной деятельности для максимизации превосходства человеческого мышления над компьютерными вычислениями. На основе этого приведены рекомендации по формированию новых учебно-методических материалов.

Summary. This article examines the problem of the ever-increasing computational capabilities of modern computer intelligence systems as one of the possible threats of the future for human society in the context of changing labor force needs and the range of services it provides. Based on the experience of teaching a separate category of students, as well as based on an analysis of the features of the principles of functioning of human thinking and computer calculations in computer intelligence systems, key features of approaches to educational activities were identified to maximize the superiority of human thinking over computer calculations. Based on this, recommendations are given for the formation of new educational and methodological materials.

Ключевые слова: методики обучения, системы компьютерного интеллекта, подходы к образованию.

Key words: teaching methods, computer intelligence systems, approaches to education.

УДК 371.3

Введение. На данный момент имеется значительное количество весьма существенных и небезосновательных опасений по поводу возможности перехода части человеческого труда в область работы систем компьютерного интеллекта [1; 2]. И действительно, даже поверхностное зна-

комство с действующими на данный момент системами искусственного интеллекта как общего, так и в особенности специального назначения позволяет сделать неутешительный вывод о том, что в самом ближайшем будущем большинство профессий, связанных с умственным трудом в виде реализации в общем случае известных или легко предполагаемых алгоритмов, например расчёта прочности конструкции, в котором методики его выполнения в большей части своей алгоритмизированы, бухгалтерского учёта, правового обеспечения, программирования и так далее, смогут быть заменены решениями на основе автоматизированных компьютерных систем, что неизбежно отразится на состоянии человеческого общества. Многие исследователи [3] считают компьютерный интеллект будущего одной из наиболее серьёзных проблем, с которыми когда-либо сталкивалось человечество. Во многом это основывается на том простом факте, что практически неограниченная по сравнению с индивидуальной человеческой компьютерная память позволяет системам компьютерного интеллекта хранить несравнимо большие объёмы информации и, как следствие, при должном подходе своих создателей к обучению нейросетей будущего последние будут обладать практически всем имеющимся у человечества знанием, а значит, само понятие образованного человека как человека, способного решить поставленную задачу, используя уже готовое собственное знание, перестанет существовать – при любом исходе компьютерная система будет способна отыскать это же самое решение в своей огромной базе данных за значительно меньшее время, чем это сможет сделать человек, особенно с учётом разности во времени дальнейшей реализации найденного подхода.

В связи с этим сама концепция образованности будущего должна быть изменена таким образом, чтобы приоритет человеческих способностей не был поглощён вычислительными возможностями компьютера. В данной статье рассмотрена возможность изменения подходов в преподавании естественнонаучных дисциплин с целью соответствия возможностей учеников будущего потенциальному повсеместному внедрению систем искусственного интеллекта.

Концепция преподавания. Сравнение имеющихся на данный момент моделей компьютерных систем интеллекта с интеллектом человеческим в контексте основ функционирования, способа нахождения выходного значения (ответа) на основе набора входных данных позволяет провести некоторые отличия. Так, например, вышеупомянутый процесс поиска ответа в нейросетях имеет более-менее детерминированный механизм. В условиях, когда работа нейросетевой модели предусматривает наличие некоторого «шума», т. е. искусственно вводимой некоторой подсистемой случайности при учёте весовых коэффициентов модели [4], несмотря на отличные друг от друга получаемые ответы при многократном задании идентичных входных данных, процесс нахождения ответа с помощью нейросети можно всё равно считать во многом предопределённым, поскольку введение значительного «шума» не представляется возможным, т. к. неизвестна внутренняя структура модели и, как следствие, попытка реализации сильной зашумлённости приводит к ненаправленному воздействию с получением сравнительно произвольных результатов. Естественно, для данной проблемы существует своё решение, заключающееся во введении параллельно работающей нейросети, которая проверяет адекватность ответа первой. Однако подобные системы запрашивают кратно возрастающие вычислительные ресурсы, ведь количество вычислительных итераций перед достижением некоторого верного ответа из-за стохастичности воздействия шума может быть чрезвычайно велико и, по многим оценкам, останется недоступным в ближайшие десятилетия для практической реализации [5].

Человеческий мозг как система нахождения решения обладает на этом фоне рядом неоспоримых преимуществ. Во-первых, межнейронные связи образуют систему не только последовательных, но и поперечных связей с большим количеством степеней свободы из-за множества путей прохождения сигнала и наличия существенного выбора химических посредников в его передаче, усугубляемой нелинейностью реакции отдельных нейронов на него, что позволяет осуществлять принятие решения среди несоизмеримо большего количества потенциальных ответов в ходе последовательных размышлений. Во-вторых, цитоархитектонически мозг образует сгруппированные области, объединённые по принципу схожести решаемых задач, таким образом, при нормальной его работе поиск решения осуществляется не случайным образом под действием не-

которого входного, к тому же естественного для человека шума, а в некоторой достаточно широкой, но тем не менее целевой области имеющегося у индивида знания, что делает поиск решения более эффективным. В-третьих, для работы человеческого мозга не существует в явном виде «промежуточных вычислений», где результаты предыдущего вычисления используются для дальнейших расчётов в цикле итеративных подходов, – электрохимический сигнал срабатывающего нейрона распространяется параллельно по всем доступным ему путям, что существенно увеличивает скорость вычисления при ограниченных ресурсах. И, наконец, важной особенностью человеческого мозга, отсутствующей у современных систем искусственного интеллекта, является его изменчивость, согласно которой под воздействием внешних стимулов (например, в процессе размышления) мозг человека претерпевает такие изменения на физическом и химическом уровнях, которые позволяют ему решать поставленную задачу, даже если изначально она не входила в интеллектуальные возможности индивидуума.

Совокупность вышеупомянутых фактов позволяет человеку при мышлении приходить к так называемым «нестандартным», «творческим» решениям, представляющим собой синтез знания с получением промежуточного функционального решения. И при этом человек способен выполнять данное действие значительно проще и экономичнее по сравнению с компьютерными системами интеллекта.

Однако, несмотря на потенциальную возможность, реализация преимуществ интеллекта человека над искусственным компьютерным наблюдается чрезвычайно редко в реальной статистике, а редкие случаи проявления их чаще всего закрепляют за индивидуумами-носителями общественную характеристику некоторой степени гениальности.

В связи с этим возникает задача поиска таких подходов в обучении подрастающего поколения, которые позволили бы значительно большей доли его по окончании образовательного процесса обладать превосходством над системами компьютерного интеллекта с учётом их будущего развития.

В науке и обществе существует так называемый «случай самоучки», при котором имеется отдельная категория людей, обладающих некоторой признаваемой степенью «гениальности», которые при этом являются индивидами с преимущественным самообразованием, по крайней мере на начальных этапах обучения. Статистические сравнения количества научных открытий, результатов технического творчества по лицам, задействованным в научной сфере, показывают, что количественные результаты научной деятельности «самоучек» значительно превосходят тех, кто получал образование в соответствии с некоторой общепринятой программой [6]. Ключевой же характеристикой данных людей является то, что выдаваемые ими решения являются уникальными, т. е. ранее не встречавшимися в человеческом знании. В сравнении с теми, кто получал образование в соответствующих учреждениях, «самоучки» имеют тенденцию рассматривать поиск решения задачи не как перебор имеющихся, «готовых» вариантов, подбирая наиболее подходящий, а как задачу поиска решения с «нуля», с самых базовых принципов проблемы и базовых же знаний, более того, согласно собственным интерпретациям, считают данный подход в значительной степени более простым в сравнении с поиском и перебором готовых вариантов [7].

И тем не менее попытка отдать обозначенную проблему на откуп мифическому безусловному различию обучения в рамках образовательных подходов и индивидуальной деятельности, тем самым снять ответственность с текущих систем образования, представляется весьма безосновательной.

Личный опыт работы с учениками-«самоучками», анализ условий формирования их знаний позволяют выделить ключевые особенности образования:

1. Обучение в условиях недостатка информации.

Данная категория учеников в процессе самообучения полагалась на собственные силы при нахождении решения поставленных задач, а результат решения оценивался по косвенным признакам. При известных решениях они были вынуждены из-за недостатка информации прибегать к поиску новых, дающих верный ответ, из-за чего волей-неволей изобретали множество различных верных и неверных подходов, а также навыки по определению ошибочных решений, самокоррек-

ции ошибок. В результате этого при дальнейшем обучении ученики обладали уникальным и весьма обширным набором мыслительного «инструментария», находящегося в интерацептивном состоянии по отношению к возможности их произвольного вспоминания. Помимо этого, данные подходы, прошедшие неоднократную обработку методом проб и ошибок, зачастую обладали большим совершенством по отношению общеизвестным из программы преподавания.

2. Обучение в прочной связи с окружающей средой.

Упомянутая категория учеников чаще всего своим интересом к выбранной сфере знания исходила из желания преобразования или изучения окружающей среды. При этом связь знания и окружающего мира зачастую была непосредственной – получаемые навыки применялись к осуществлению задуманного, что, в свою очередь, из-за всевозрастающих потребностей приводило к необходимости поиска всё большего знания.

3. Формирование особого типа мышления.

Желание знать больше в этой группе очень часто приводило к конфликту с возможностями, т. к. не всегда желаемое знание было доступно к пониманию в силу возраста или текущего уровня знаний. Из-за этого ученики были вынуждены переходить от строгих описательных моделей к интуитивному пониманию изучаемых явлений и процессов, что сохранялось в виде привычки сначала строить внутреннюю интуитивную модель процесса или явления, а лишь затем изучать их в строгом математизированном виде, что на дальней дистанции, включающей дальнейшее обучение, позволяло им иметь интуитивные предположения о возможных решениях проблемы на самых начальных этапах рассуждения, что, в свою очередь, существенно ускоряло процесс поиска.

4. Формирование собственных систем оценки правдивости результатов мышления.

Те ученики, которые вынуждены были решать ранее им неизвестные задачи самостоятельно, помимо уникальных подходов в мышлении, вырабатывали уникальные способы оценки верности получаемого в ходе рассуждений результата, зачастую предусматривая несколько этапов, каждый из которых предполагает задействование широкого пласта смежных знаний, в результате чего формировалась междисциплинарность в мышлении, позволяющая находить решения в одной области знания методами из другой.

Исходя из определённых условий и особенностей саморазвития, можно предложить следующий подход к образовательной деятельности на базе существующих учреждений, предусматривающий построение образовательной программы и её реализации на основе следующих принципов (в том числе и в виде ограниченного применения в кругу заинтересованных учеников):

1. Ассистированное преподавание дисциплин должно проводиться в два этапа. На первом этапе преподаватель подробно рассказывает некоторую тему в минимальном объёме, на основе базовых законов, принципов, представлений. Так, например, преподавание физики должно сводиться к объяснению её законов с отдельным вниманием на первопричины его появления. Далее следует отдавать некоторое время на самостоятельную работу учеников, при которой основой работы должно быть решение заданных задач, при этом подходы к решению каждой из них не должны быть известны заранее ученикам, а источники информации для поиска недоступны. На втором этапе ассистированного преподавания необходимо осуществлять рассмотрение особо сложных задач, в том числе из числа нерешённых самостоятельных, при котором преподавателю не следует ограничиваться демонстрацией какого-то одного конкретного решения, отдавая предпочтение плюрализму решений.

Данный подход в обучении нацелен на максимизацию реализации собственного потенциала ученика за счёт того, что в процессе самостоятельной работы происходит накопление знаний путём его произвольного синтеза, что первично определяет большее понимание и усвоение материала и вторично – прирост его объёма в сравнении с усвоением лишь непосредственно выдаваемого материала.

2. Отказ от внутреннего деления дисциплин на подтемы или подразделы.

Внутреннее деление дисциплин довольно часто приводит к формированию пагубного представления у учеников о независимости разделов друг от друга, что не является истиной. В результате при решении комплексной задачи данные ученики стремятся определить её в какой-то

отдельный подтип, например как относящуюся к разделу «механика» или «термодинамика» в общей физике, и решать её на основе имеющихся для данного подраздела средств. В это же время реальные задачи предусматривают всестороннее рассмотрение для получения наилучшего результата.

3. Любая естественнонаучная дисциплина должна преподаваться в обязательном сравнении и приложении к другим, смежным с ней. Так, например, законы физики должны демонстрироваться в приложении к биологическим системам, к географии и т. д. Такой подход позволит расширить внутреннее представление ученика об изучаемой дисциплине в контексте её возможного приложения к решению задач. Таким образом возможно достичь минимизации ситуаций односторонности рассмотрения проблемы, по которой ученик стремится решать «физические» проблемы методами физики, а, например, «биологические» проблемы – методами биологии, пренебрегая возможностью применения знаний одной дисциплины для решения проблемы в других областях.

4. Каждая рассматриваемая тема в обязательном порядке должна находить отражение в практическом её применении, например, в ходе лабораторных работ. Таким образом у ученика следует формировать глубокую взаимосвязь изучаемого им знания с окружающим миром, дабы в дальнейшем при решении реальных задач ученик не испытывал препятствий в нахождении связи между идеализированными представлениями явлений и процессов, изучаемыми теоретически, и реальными их проявлениями. Предпочтительно при этом предоставление разумной самостоятельности в работе с материалами лабораторных работ при наличии лишь конкретной детерминированности конечного результата работы.

5. Каждая рассматриваемая тема в рамках самостоятельной работы должна содержать в себе задания, связанные с необходимостью самостоятельного поиска некоторой практически ориентированной проблемы, так, например, в курсе физики полезно выдавать задания изобретательского толка, например, при рассмотрении газовых изопроцессов в курсе физики можно попросить ученика провести домашний эксперимент по изучению изобарного процесса, в котором ему будет необходимо не только придумать из подручных средств некоторую экспериментальную установку, но и правильно ею воспользоваться. Данный подход позволяет развивать у учеников творческое мышление на основе имеющегося знания – тот самый способ получения решения поставленной проблемы, который считается наиболее трудным к реализации с использованием компьютерных систем интеллекта.

6. Рассмотрение тем, будь то со стороны преподавателя или со стороны учебного материала, должно сопровождаться описанием достижений техники. Так, например, при рассмотрении понятия массы в курсе физики будет полезным дать хотя бы схематическое описание способов и средств измерения массы, начиная от самых примитивных и заканчивая наиболее совершенными. Это позволит в дальнейшем ученикам при решении реальных задач иметь более полное представление о располагаемых инструментах, что, безусловно, должно увеличить охват рассматриваемых к использованию способов решения.

7. При обучении ученику должны быть доступны к изучению материалы касательно более сложных тем в изучаемой дисциплине, выполненные в описательном виде, например, в виде описания на основе принципов или аналогий. Так, например, для курса физики средней школы следует иметь вспомогательный обучающий материал, в котором в принципиальном виде описывалась бы программа старших классов. Это необходимо для формирования некоторого начального понимания дальнейшей программы, при котором в момент начала её более подробного изучения ученик будет обладать уже устоявшимися базовыми представлениями, что с учётом механизмов мышления и памяти кратко способно увеличить усваиваемость сложного материала [8].

Как очевидно из изложенных выше принципов, их приложение в рамках массового образовательного процесса запрашивает разработку новых методических и учебных материалов. Авторами данной работы предлагается построение учебных материалов для каждого класса в виде основного учебника и двух вспомогательных, в первом из которых излагается приложение изучаемого в основном курсе знания для других смежных дисциплин, а во втором – подробно описыва-

ются имеющиеся технические достижения. Порядок построения темы в основном учебнике предусматривается в следующем виде:

1. основной теоретический материал темы;
2. простейшие примеры приложения теоретического материала в решении задач;
3. расчётные задачи для самостоятельного решения учеником (теоретические задачи);
4. самостоятельные задачи прикладного характера, связанные с необходимостью применения изученного теоретического знания на практике (практические задачи);
5. лабораторные работы по теме.

Заключение. Как следует отметить, исходя из текущей ситуации в системе образования при рассмотрении вопросов актуальности его подходов в ближайшей перспективе и, как следствие, успешности выполнения задач общества необходимо существенное реформирование имеющихся подходов для создания, по крайней мере выборочным характером, возможностей развития одарённости у учеников. При этом обозначенные подходы к достижению данной цели следует считать достижимыми и запрашивающими лишь должного уровня политической воли и соответствующих затрат трудоресурсов на разработку новых учебно-методических материалов, соответствующих указанным принципам.

ЛИТЕРАТУРА

1. West D. M. The future of work: Robots, AI, and automation. – Brookings Institution Press, 2018.
2. Howard J. Artificial intelligence: Implications for the future of work // American journal of industrial medicine. – 2019. – Т. 62. – №. 11. – С. 917-926.
3. Hendrycks D., Mazeika M., Woodside T. An overview of catastrophic AI risks // arXiv preprint arXiv:2306.12001. – 2023.
4. Zhao A. et al. Noise-induced artificial intelligence // Physical Review Research. – 2022. – Т. 4. – №. 4. – С. 043069.
5. Braga A., Logan R. K. The emperor of strong AI has no clothes: limits to artificial intelligence // Information. – 2017. – Т. 8. – № 4. – P. 156.
6. Tellu A. T., Kadir A., Kasim A. Effect of Parent's Attention, Self-Concept, and Self-Study on Biology Students' Achievement at SMA Negeri 2 Sigi Biromaru // First Indonesian Communication Forum of Teacher Training and Education Faculty Leaders International Conference on Education 2017 (ICE 2017). – Atlantis Press, 2018. – P. 338-341.
7. Khayat M. et al. Comparing the effectiveness of flipped and traditional teaching methods in problem-solving learning and self-determination among university students. – 2020.
8. Pollock E., Chandler P., Sweller J. Assimilating complex information // Learning and instruction. – 2002. – Т. 12. – №. 1. – P. 61-86.

Абабкова Н. Н.
N. N. Ababkova

**ГРАЖДАНСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**CIVIL HEALTHCARE IN THE FAR EAST OF THE USSR ON THE EVE OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, педагогика и лингвистика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkova70@mail.ru.

Natalia N. Ababkova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, History, Pedagogy and Linguistics Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: ababkova70@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития системы здравоохранения г. Комсомольска-на-Амуре на рубеже 1930-1940-х гг. На основе архивных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, раскрывается динамика формирования медицинской сети молодого дальневосточного города, анализируются ключевые направления её развития, материально-хозяйственное и кадровое обеспечение. Показаны особенности здравоохранения, указаны масштабы лечебно-профилактической работы в медицинских учреждениях, даны её некоторые качественные характеристики. Сделан вывод о том, что в предвоенные годы вопрос о медицинском обслуживании комсомольчан стоял крайне остро. Действию властей по стабилизации эпидемиологической обстановки и повышению качества медицины помешала начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война.

Summary. This article examines the development of the healthcare system in Komsomolsk-on-Amur at the turn of the 1930s and 1940s. Using archival materials, including those introduced into scientific circulation for the first time, it explores the dynamics of the medical network development in this young Far Eastern city, analyzing key areas of its development, logistics, and personnel. It describes the specifics of healthcare, identifies the scale of treatment and preventive care in medical institutions, and provides some qualitative characteristics. It concludes that in the pre-war years, the issue of healthcare for Komsomolsk residents was extremely pressing. The authorities' efforts to stabilize the epidemiological situation and improve the quality of healthcare were hampered by the outbreak of the Great Patriotic War in 1941.

Ключевые слова: Дальний Восток, г. Комсомольск-на-Амуре, система здравоохранения, больница, амбулатория, фельдшерско-акушерский пункт, медицинское обеспечение, санитарно-эпидемиологическая работа.

Key words: Far East, Komsomolsk-on-Amur, healthcare system, hospital, outpatient clinic, medical center, medical support, sanitary and epidemiological work.

УДК 94

Влияние системы здравоохранения на общество неоспоримо. Достижения медицины, её успехи по обеспечению здоровья людей и сохранению жизни определяют эффективность производства, качество обороноспособности страны, степень удовлетворённости граждан условиями труда, быта, культурного досуга. Изучение опыта функционирования системы здравоохранения конкретного города имеет большую научную значимость, поскольку даёт возможность не только определить специфику её развития, но и расширить знания о процессах государственного строительства в целом.

Целью исследования является изучение состояния сети здравоохранения г. Комсомольска-на-Амуре накануне Великой Отечественной войны.

В конце 1930-х годов ведущим фактором государственной политики СССР стало сосредоточение всех ресурсов на завершении индустриализации. Темпы развития тяжёлой и оборонной промышленности значительно превышали уровень развития социальной сферы.

Тем не менее во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. в СССР отмечалась положительная динамика в увеличении количества родильных домов, фельдшерско-акушерских и сельских пунктов. Возросло число мест в городских и сельских яслях, количество больничных коек. Решался кадровый вопрос, что нашло отражение в снижении числа участков, ранее не укомплектованных медицинским персоналом.

Советское здравоохранение формировалось и развивалось в соответствии с государственным курсом и программными партийными документами. Поэтому в регионах процессы развития медицины были аналогичны процессам в стране в целом.

Однако в ряде мест, большинство из которых находились вдалеке от центра страны, развитие здравоохранения имело свои отличительные черты.

Накануне Великой Отечественной войны г. Комсомольск-на-Амуре представлял собой динамично застраиваемую промышленную площадку с территорией 30-60 километров и количеством населения около 100 000 человек. При активном возведении градостроительных предприятий оборонного значения заметно отставало развитие объектов социального обеспечения.

Город и прилегающие к нему отдалённые строительные центры не имели центральной канализации. Исключение составляла небольшая центральная часть города и Дзёмог. Поэтому обычной картиной того времени было наличие на улицах города хозяйственно-фекальных вод, образовавшихся в результате функционирования прачечных, больниц и других учреждений. Нечистоты собирались во временные приспособления. В основном они не обезвреживались и спускались в открытые водоёмы, что создавало серьёзную угрозу жизни и здоровью горожан.

В 1940 г. госсанинспектором города Н. Шевченко было проведено 902 санитарных бактериальных анализа воды рек Амура, Силенки, городской водонасосной станции, водоразборной будки, шахтных срубных колодцев общественного и индивидуального пользования в рабочих посёлках «Мылки», «Силенка». Результаты анализов показали, что вода большинства водоисточников загрязнена органическими веществами и фекалиями.

По-прежнему сохранялась проблема обеспечения горожан питьевой водой. Отсутствие постоянно работающих прачек, бань, хлорированной воды, дефицит средств гигиены, антисанитария приводили к массовому распространению педикулёза, регулярным вспышкам инфекционных, острых кишечных заболеваний, таких как дифтерия, туберкулёз, сыпной тиф, сифилис.

В докладной записке начальника противоэпидемического управления Крайздрава Ойхберг от 01 октября 1939 г. заместителю председателя Оргкомитета Бахмуткому отмечалось, что за июль 1939 г. было зарегистрировано 513 случаев гемоколитов у взрослого населения, поносов – 48. В августе цифра значительно увеличилась: гемоколитов – 712, токсической диспепсии – 77, поносов – 698. По-прежнему люди болели цингой: в июле было зафиксировано 52 заболевших, в августе – 12. Осложняло ситуацию заболевание брюшным тифом: в июне – 23 случая заболевания, в июле – 7, в августе – 27 и за 8 дней сентября – 8 (см. прим. 1). Из-за отставания темпов строительства жилых домов от строительства промышленных объектов серьёзной проблемой оставалось чрезмерное уплотнение населения при размещении в жилых домах. Санитарные требования по нормам площади и кубатуры на 1 человека не выполнялись. Такая обстановка также способствовала развитию педикулёза и распространению различных инфекционных заболеваний. Ойхберг в своём документе констатировал, что чрезвычайно тяжёлые бытовые условия жизни, сопряжённые с переуплотнённостью жилья и антисанитарией, в том числе в пищевых блоках, создают реальную угрозу жизни и здоровью людей. Смъртность среди первостроителей города была велика [5, 90].

В 1940 г. санитарно-эпидемиологическая ситуация в городе ухудшилась и выразилась в ещё большем распространении инфекционных заболеваний: 154 случая брюшного тифа, 2 случая сыпного тифа, 1728 – гемоколитов, 45 – дизентерии, 912 – кори, 1441 – цинги, 284 случая скарлатины среди детей (см. прим. 2).

Вопросами санитарного состояния занималась санэпидслужба города, которая была создана в 1932 г. приказом стройздравотдела Пермского района от 19 июня 1932 г. Ответственным за санитарно-эпидемиологическую работу был назначен доктор К. К. Михайлов с подчинёнными санинспекторами (Рейсенсон, Степанов, Попов, дезинфектор Кулешов).

Сложная санитарно-эпидемиологическая ситуация в городе требовала расширения сети лечебно-профилактических учреждений. Перед властями города одной из первоочередных задач было восстановление санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Для этого вся лечебно-профилактическая сеть города имела инфекционные отделения. Проблемой оставалось то, что практически все они были расположены на общей территории с соматическими отделениями, иногда даже в общих помещениях. Ни одно из функционирующих инфекционных отделений не имело изоляторов и боксированных палат, что нередко служило причиной отказа в госпитализации больных с остроинфекционными заболеваниями.

В связи с нехваткой медицинского транспорта (в городе работала 1 инфекционная машина) остро стоял вопрос и с транспортировкой инфекционных больных, что затрудняло оказание им срочной медицинской помощи. Низкая оснащённость санитарно-бактериологических лабораторий и отсутствие соответствующих помещений не позволяли своевременно и качественно проводить противозидемические мероприятия.

На 1 января 1940 г. в городе функционировало всего 12 врачебных амбулаторий, в том числе поликлиник и других учреждений амбулаторной помощи, 3 больницы на 585 коек (в том числе 130 родильных).

Проблема нехватки в системе городского здравоохранения специализированных помещений, оборудования, медицинских инструментов, расходного гигиенического материала обострялась кадровым дефицитом. Постановлением президиума Далькрайисполкома № 731 «О работе Комсомольского городского Совета» от 28 июня 1936 г. было принято решение о командировании в город Комсомольск-на-Амуре 12 врачей и 20 медсестёр [2, 133]. К 1941 г. численность медицинских работников возросла до 85 врачей и 181 человека среднего медицинского персонала (см. прим. 3). Однако в связи с расширением сети медицинских учреждений специалистов по-прежнему не хватало. Активизация работы по подготовке медицинских кадров произошла в первые месяцы войны. В соответствии с программой ГКО с августа по ноябрь 1941 г. в городе велась активная профессиональная подготовка среднего медицинского персонала [4, 428].

Кроме того, медицинские работники находились в исключительно тяжёлых жилищных условиях. В ведомстве горздрава имелось 2 жилых дома. Один из них был рассчитан на 10 квартир, однако большую площадь занимал военный госпиталь. Во втором бараке 3 из 10 имеющихся комнат занимали работники завода № 199. Из-за дефицита жилья большинство медиков ютились в полуразрушенных землянках-временках, сооружённых ещё в 1932 г., необорудованных бараках, общежитиях и даже в детских яслях (см. прим. 4). Так, врач Костина проживала на кухне (см. прим. 5).

В начале 1941 г. система здравоохранения Комсомольска-на-Амуре в русле проводимой государственной политики расширилась и включала в себя 3 городские больницы (645 коек), 2 поликлиники, амбулаторию, 2 фельдшерских пункта, 2 скорые помощи, санитарную бактериологическую лабораторию, 6 медпунктов, зубопротезную лабораторию, госсанинспекцию, 2 женских консультации. Также к числу лечебных учреждений относились 8 детских садов и 6 яслей.

Базовым звеном в системе здравоохранения города занимали больницы.

Городская больница № 1 была открыта на территории завода № 199 и располагалась в трёх двухэтажных зданиях (2 деревянных, 1 кирпичное). Корпуса находились на большом расстоянии друг от друга. В каменном здании на первом этаже размещались хирургическое отделение (45 палат), гинекологическое (15 палат) и отдельное помещение для дежурного врача скорой помощи. На втором этаже было размещено родильное отделение на 70 коек для рожениц и такое же количество для новорождённых детей. Родильное отделение было недостаточно снабжено сантехническим и медицинским оборудованием. Отсутствовал пропускной пункт. Роженицы поступали в общий коридор. Изолятором служила палата в общем коридоре без отдельного санитарного блока.

В двухэтажном деревянном здании размещалось терапевтическое отделение (60 коек), детское (40 коек), инфекционное отделение (40 коек), рентген-кабинет, опорный пункт переливания крови и клинические лаборатории. Инфекционное отделение фактически не работало, поскольку в нём отсутствовали специальные выходы и боксы, что нарушало действующие медицинские нормы (см. прим. 6).

Второе деревянное здание, состоящее из 10 двухкомнатных квартир, было передано для жилья работникам больницы.

Помимо основных зданий, больница имела в своём распоряжении несколько подсобных сооружений: больничную кухню (размещалась в одноэтажном здании барачного типа); ледник (летом выполнял функции холодильника, а зимой становился овощехранилищем вместимостью до двух тонн); прачечную (размещалась в сарайном здании); морг (находился в большом одноэтажном здании без подвала, предназначался для хранения трупов, подлежащих анатомическому вскрытию); 2 большие котельные с котлами (их небольшой объём и малая мощность не позволяли обеспечить бесперебойное снабжение горячей водой отделения, из-за чего в зимнее время температура воды находилась на отметке от 10 до 12 С°).

В больнице отсутствовала сушилка, поэтому в зимнее время бельё сушилось при помощи железных каминов. Такое решение заметно отражалось на качестве белья – при сушке оно покрывались ржавчиной и масляными пятнами.

Больница фактически не имела своего собственного двора. Её территория не была загорожена. Через неё проходили узкоколейные и ширококолейная железные дороги. Фактически это был круглосуточный проездной пункт непрерывного движения поездов. Линия проезда проходила совсем рядом с кирпичным зданием больницы. Кроме того, на территории больницы находился склад горючего для завода № 199, а также скопление старых паровозов и вагонов. Такое соседство мешало как больным, чей режим постоянно нарушался гулом паровозов, так и медицинскому персоналу.

История городской больницы № 2 началась 13 марта 1936 г. выходом приказа городского отдела здравоохранения. Для медицинского обслуживания рабочих строительной площадки № 126 была организована городская больница Дзёмги.

Больница располагалась в трёх двухэтажных углублённых зданиях на 250 коек. Компактно размещённые здания больницы были окружены забором. Наличие собственного двора создавало более комфортную обстановку для больных и сотрудников больницы.

В первом корпусе размещались хирургическое отделение (30 палат), детское (30 палат), гинекологическое (20 палат), а также скорая помощь, физиокабинет и рентген-кабинет.

Во втором корпусе функционировало родильное отделение на 50 коек и клиническая лаборатория.

В третьем корпусе были размещены терапевтическое отделение на 56 коек и инфекционное на 30 мест (см. прим. 7).

Функционал городских больниц к началу 1940-х гг. заметно расширился. Особое внимание уделялось не только лечению, но и профилактике болезней. Больницы участвовали в реализации кампаний по борьбе с инфекционными заболеваниями, активно проводили санитарно-просветительские мероприятия, направленные на повышение уровня гигиенической культуры населения.

Таким образом, на рубеже 1930-40-х гг. в Комсомольске-на-Амуре сложилась разветвлённая система здравоохранения. Вопросу развития медицины государство отводило особое место. В государственном бюджете на 1941 г. было запланировано увеличение средств на здравоохранение [3, 915]. Местными властями предпринимались меры по улучшению медицинского обслуживания жителей города. Расширялось строительство медицинских учреждений и детских яслей. Однако темпы развития медицины не удовлетворяли возрастающие потребности растущего населения. Санитарно-эпидемиологическая обстановка оставалась крайне сложной. Молодому городу не хватало грамотных специалистов. Система здравоохранения на Дальнем Востоке СССР по-прежнему развивалась в условиях острого дефицита ресурсов [1, 252].

Реализация санитарно-медицинского обслуживания значительно отставала от центральных регионов страны. Основная часть финансирования направлялась на развитие градообразующих промышленных объектов, тогда как средств на медицину катастрофически не хватало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астанина, Е. А. Обеспечение медико-санитарными услугами дальневосточного населения в конце 1930-х гг. / Е. А. Астанина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12-1. – С. 249-252.
2. Комсомольск-на-Амуре. Страницы истории: сборник документов об истории строительства и развития города Комсомольска-на-Амуре / Гл. ред. Т. А. Шевчик. – Хабаровск: Изд-во Хворова А. Ю., 2012. – 624 с.
3. Серебряный, Р. С. Гражданское здравоохранение Восточной Сибири накануне и в начале Великой Отечественной войны / Р. С. Серебряный, Д. В. Камельских // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – Т. 30. – № 5. – С. 914-919.
4. Филонова, Ю. С. Работа медицинских учреждений в начале Великой Отечественной войны (на примере эвакогоспиталя № 1999 г. Комсомольска-на-Амуре) / Ю. С. Филонова, Н. Н. Абабкова // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. молодых учёных с междунар. участием. В 2 ч., Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 21-23 ноября 2022 г. / редколлегия: И. В. Цевелева (отв. ред.), Н. Э. Ракитина, Н. В. Малышева. Ч. 2. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГУ», 2022. – С. 427-430.
5. Хамзина, И. А. Жизнь Комсомольска-на-Амуре в 1930-х годах (к вопросу о складывании дальневосточной историографии) / И. А. Хамзина, Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре – 2020. – № II-1 (41). – С. 88-93.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КНАГА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
2. КНАГА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 11. Д. 6. Л. 11-16.
4. КНАГА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 52-58.
5. КНАГА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 120-122.
6. КНАГА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.
7. КНАГА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

**СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА ПЕРИОД ДО 2036 ГОДА: ОСНОВА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION'S STATE NATIONAL POLICY
FOR THE PERIOD UP TO 2036: THE FOUNDATION OF RUSSIA'S SECURITY**

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27; тел. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Andrey I. Gorelikov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Public and Private Law Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27; tel. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. В широком историческом контексте представлен анализ реализации стратегических подходов обеспечения национальной безопасности российского государства от внешних и внутренних угроз. Подробно рассмотрены теоретико-методологические концепты приоритетов обеспечения безопасности, утверждённой Президентом РФ В. В. Путиным 25 ноября 2025 г. «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 г.». В статье сделан вывод, что с изменением международной обстановки, активизацией враждебных действий «недружественных» стран НАТО государственная национальная политика РФ выступает главной содержательной составляющей противодействия внешним и внутренним угрозам, создаёт необходимые условия сохранения суверенитета, устойчивого долгосрочного развития исторически сложившегося государственного единства, территориальной целостности многонациональной России.

Summary. In a broad historical context, the article presents an analysis of the implementation of strategic approaches to ensuring the national security of the Russian state from external and internal threats. The article provides a comprehensive review of the theoretical and methodological concepts of the priorities for ensuring security, which were approved by President Vladimir Putin on November 25, 2025, in the «Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036». The article concludes that with the changing international situation and the intensification of hostile actions by «unfriendly» NATO countries, the state national policy of the Russian Federation is the main substantive component of countering external and internal threats. It creates the necessary conditions for preserving sovereignty, sustainable long-term development of the historically established state unity, and the territorial integrity of the multinational Russian Federation.

Ключевые слова: Россия, безопасность, внешние и внутренние угрозы, национальная политика.

Key words: Russia, security, external and internal threats, national policy.

УДК 342

В наступившем XXI в. мировое сообщество столкнулось с глобальной угрозой развязывания третьей мировой войны. Эскалация стран НАТО на Восток, стремление объединённой Европы нанести стратегическое поражение России явились первопричинами проведения специальной военной операции. Сохранение суверенитета российского государства, территориальной целостности становится важнейшей стратегической задачей защиты от возникших внешних угроз.

Не менее значимым для многонациональной России является противодействие процессам активизации экстремистских элементов обострить политическую ситуацию внутри страны, подорвать единство российского общества, разрушить его культурно-нравственные ценности. Заметно выделяется тенденция нарастания внутренних угроз национальной безопасности. В их числе – проявление международного терроризма, возросшая русофобия, попытки подрыва базовых куль-

турно-национальных ценностей населяющих Российскую Федерацию народов. В информационном поле присутствуют манипуляции, преследующие цель искажения реальных фактов, происходящих событий как в мире, так и внутри страны. Тем самым вызываются сомнения, недоверие у российских граждан к внутренним процессам политической, социальной, экономической, культурной жизни.

В условиях нарастания внутренних угроз особую остроту приобретает национальный вопрос как основа консолидации российского общества. Президент РФ в специальном Указе обосновывает необходимость принятия Стратегии национальной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности Российского государства, определяет цели обновлённой национальной политики на период до 2036 г., выделяет приоритеты: устойчивое экономическое и социальное развитие; укрепление государства; увеличение численности населения; повышение уровня жизни [11].

Происходящее в мировом пространстве глобальное ускорение процессов миропереустройства связано с нарастанием в ближайшем будущем неопределённости, непредсказуемости действий «недружественных» государств с целью нанести стратегическое поражение России.

Современное видение выстраивания многополярного миропорядка на предложенных Россией принципах равноправия, суверенитета, национальной независимости вызывает противодействие стран НАТО, направленное на подрыв основ российской цивилизации.

Ответом на вызовы внешних и внутренних угроз приходит понимание необходимости принятия своевременных решительных действий по обеспечению национальной безопасности суверенитета Российского государства, сохранения его территориальной целостности. Реализацией ответа на внешние и внутренние угрозы является введённая с 1 января 2026 г. «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2036 г.» (далее Стратегия) [13]. С научно-теоретической точки зрения Стратегия как доктринальный документ закрепляет важнейшие приоритеты государственной национальной политики, направленной на защиту интересов Российской Федерации, в практическом плане выполняет стратегическую задачу решительными действиями механизмов и инструментов экономической, военной, образовательной, культурной сфер обеспечить противостояние внешним и внутренним угрозам безопасности России.

Представляется актуальным более обстоятельно и углублённо рассмотреть исторический и современный опыт обеспечения национальной безопасности Российского государства, приоритетные направления Стратегии по сохранению суверенитета, территориальной целостности, защиты национальных интересов, единства российского общества.

В качестве методологической базы исследования автором использовались исторический и цивилизационный подходы, метод анализа и синтеза как составляющий логическую цепь исследования многоаспектной системы ответа на вызовы и угрозы.

В науке к настоящему времени понятие «национальная безопасность» рассматривается как особое специфически занимающее одно из ведущих положений проводимой государством национальной политики. В широком смысле – как комплексная системная проблема, учитывающая наличие многообразных факторов и угроз [4].

Рассмотренный исторический опыт формирования национальной безопасности России показал, что защита жизненно важных ценностей и интересов требует оперативного и взвешенного реагирования на возникшие новые внешние и внутренние угрозы. Специалисты отмечают, что в целом теория национальной безопасности остаётся пока сравнительно слабо разработанным направлением [16].

Как считают Г. М. Мусаева, А. М. Абубакаров, происходящие в мире изменения вызывают необходимость рассматривать обеспечение национальной безопасности с позиций «дружественных и недружественных» стран, напрямую связывающихся с охраной суверенитета РФ, её независимости и государственной целостности, социально-экономического развития от внешних и внутренних угроз [9].

В разрабатываемой теории безопасности как доктринальной проблеме впервые закрепилось понятие «национальная безопасность». Построение системы безопасности основывалось на

принципе безопасности личности и государства. Защиту рассматривают как комплексный институт конституционного права [15].

Исторические корни понимания процесса управления безопасностью, собственного развития следует рассматривать в проводимой российским государством внешней и внутренней политике. С позиций современной исторической науки, методологии исследования теоретических вопросов национальной безопасности РФ её главной содержательной характеристикой является системность государственного управления противодействия внешним и внутренним угрозам развития страны. В условиях постоянной угрозы теория национальной безопасности требует отдельных доктринально обоснованных поправок. На первое место ставится обеспечение безопасности национальных интересов государства [8].

Стратегия, в отличие от принятых ранее документов (Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., Стратегии государственной национальной политики до 2025 г.), направленных на обеспечение безопасности российского государства, носит с точки зрения противодействия внешним и внутренним угрозам характер, определяющий долгосрочное и эффективное развитие в рамках государственной национальной политики, расширяет предметное поле экономического суверенитета РФ, выступает за увеличение численности населения, повышение уровня жизни и благополучия россиян.

На различных этапах собственного развития Российской Федерации Стратегия чётко прослеживает управленческий процесс безопасности как состояние защищённости от внутренних и внешних угроз. К главным содержательным условиям обеспечения безопасности относится многофакторная управленческая деятельность государства по достижению, поддержанию и сохранению суверенитета государства, защите его интересов [10].

Под угрозой безопасности понимается воздействие внешних и внутренних факторов, способствующих созданию опасности, усилению напряжённости, нанесению ущерба в различных структурах государственного устройства. К числу наиболее уязвимых относятся экономическая, политическая, социальная, культурная, образовательная, миграционная, транспортная, информационная составляющая [2].

Расширенное понимание термина «национальная безопасность» Н. А. Трусов рассматривает как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, позволяющей обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [14].

С изменением международной обстановки концептуальные составляющие теории национальной безопасности РФ получили дальнейшее развитие в рассматриваемой Стратегии. С позиций противостояния внутренним угрозам Стратегия содержит более расширенное понимание безопасности, научно обосновывает новые подходы к гарантированной защите национальных интересов Российской Федерации, сохранению целостности государства, этнокультурной самобытности народов.

Системность национальной безопасности, в свою очередь, отражает состояние социально-экономических отношений, возможность создания необходимых условий военной защиты от внешних угроз [6]. Находясь в постоянной военной готовности к сохранению суверенитета, защите сложившейся территориальной целостности российского государства, динамично развивающейся экономики, эффективно проводимая национальная политика является фактором, который способен не только противодействовать внешним угрозам, но и служит предупреждением к развязыванию третьей мировой войны. Сдерживающим фактором защищённости, ответом на вызовы и угрозы, особой ролью Стратегии является создание условий эффективного развития экономики и общества, рационального использования ресурсов для организации современного высокотехнологичного оборонно-промышленного комплекса.

Углублённое новое понимание обеспечения национальной безопасности РФ как противодействия нарастающей враждебной активности со стороны внутренних сил Стратегия конкретизирует необходимостью принятия эффективных действий по нейтрализации внутренних вызовов и

угроз. Обеспечение национальной безопасности, противодействие экстремизму, сохранение и укрепление традиционных российских ценностей, региональное развитие, образование, культура, языковая, молодёжная и миграционная политика рассматриваются как защита национальных интересов Российской Федерации.

В теоретических разработках, посвящённых проблеме защиты национальных интересов, вполне определённое значение придаётся ключевому термину – «обеспечение». Обеспечить – значит создать условия для ограждения от опасности причинения вреда государству. В первую очередь учёные к числу национальных интересов относят сбережение народов, повышение качества жизни, поддержание мира и согласия в общественной жизни страны, укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей [3].

Комплексный социально-ориентированный характер национальной политики служит основой для разработки государственных программ, национальных проектов по реализации приоритетов, обозначенных Стратегией. Например, к числу принятых относится Концепция развития коренных малочисленных народов на период до 2036 г. Важно отметить, что в экономической программе промышленного развития топливно-энергетических ресурсов, освоения редкоземельных металлов российской Арктической зоны особое место отводится коренным малочисленным народам, вовлечению их в совместное хозяйственное развитие территорий традиционного обитания [7].

В Стратегии особое внимание выделяется обеспечению защиты общественной безопасности, недопущению социальной напряжённости, защиты государственного строя. В связи с этим Стратегия в сфере обеспечения общественной безопасности особую роль отводит воспитанию социально-ответственной личности человека-патриота. Ответственность за воспитание гармонично-развитого и ответственного человека формируется в рамках образовательного процесса внутри образовательного пространства каждого образовательного учреждения.

Система стратегического планирования национальной безопасности РФ рассматривает гражданское единство и патриотизм как основу российской нации, как признание гражданами РФ суверенитета государства, территориальной целостности, обязанности граждан к защите Отечества.

Подчёркивая значимость исторического опыта развития России как самобытного государства-цивилизации, Стратегия выделяет роль русского народа как государствообразующего. Согласно Всероссийской переписи населения, Россия входит в первую десятку стран по численности населения (занимает 9-е место), является одним из крупнейших многонациональных государств мира, в котором проживает 190 народов, используется более трёхсот языков. Подавляющее большинство населения составляют русские (80,85 %), 99,4 % граждан России владеют русским языком [12].

Стратегия обращает внимание на усилившуюся нестабильность в мире, нарастание внешних и внутренних угроз безопасности России. «Недружественными» иностранными государствами принимаются меры по дестабилизации межнациональных отношений, попытки раскола российского общества, нарушения его внутреннего единства. Наблюдается активизация усилий по искажению исторической правды, уничтожению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Распространяются терроризм, экстремизм и неонацизм. При недостаточном реагировании на них может возникнуть ситуация неустойчивого характера внутренней стабильности в стране.

Нетрудно заметить, что защита от усиливающегося нарастания внешних и внутренних угроз тесно связана с обеспечением культурно-нравственных ценностей народов РФ. Как утверждают специалисты, культурно-нравственные ценности сформировались из народных традиций и обычаев, выражают национальную и культурную идентичность [5]. В принятой Стратегии подчёркивается, что государство считает важным и значимым в проводимой национальной политике обеспечить сохранение, развитие и защиту культурно-нравственных ценностей народов многонациональной России, при этом исходит из того, что традиционные ценности проявляются в духовном, историческом развитии, формируют мировоззрение граждан, нравственные ориентиры и, самое важное, укрепляют единство российского общества [1].

Важной задачей в обеспечении национальной безопасности становится укрепление общероссийской гражданской идентичности народов многонациональной России на основе принципов защиты, поддержки и развития русского языка как не только государственного, но и родного, как

языка многонационального общения, формирования на всех этапах общеобразовательного процесса подрастающего поколения, молодёжи самосознания гражданина России, патриотизма, готовности к выполнению долга по защите Отечества. В этой связи представляется обоснованным выделить необходимость учёта этнокультурного фактора, культурно-исторических ценностей, приобщения к ним молодёжи, усиления внимания на противодействие пропаганде идеологии экстремизма, защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия. Что особенно актуально, это создание оптимальных условий солидарности, социальной ответственности граждан в достижении задач устойчивого развития российского общества.

В области противодействия усиливающимся проявлениям русофобии, нацизма, фальсификации истории Второй мировой войны Стратегия представляет собой развёрнутую программу информационно-просветительской работы.

В проведённом исследовании автор приходит к следующим выводам: вступившая в силу Стратегия является широкой программой действий по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, как доктринальный документ является значительным событием в разработке теории концепции национальной безопасности российского государства.

В области практической реализации рассмотренные приоритеты в своей основе являются самостоятельным видом безопасности, направлены на нейтрализацию внешних и внутренних угроз исторически сложившейся многонациональной Российской Федерации. Стратегия как доктринальный документ государственной национальной политики, в свою очередь, носит комплексный характер единых подходов в решении задач сохранения суверенитета, территориальной целостности современной Российской Федерации. Общественная безопасность, единство народов, динамично развивающаяся экономика создают условия обеспечения военной защиты национальных интересов государства.

В заключение следует отметить, что опубликованные с мая 2024 г. по ноябрь 2025 г. три вышеуказанных важнейших государственных документа выражают озабоченность высшего руководства РФ о своевременном принятии необходимых мер обеспечения национальной безопасности РФ от внешних и внутренних угроз, которые содержатся в преамбуле Стратегии. Нестабильность международной обстановки, угрожающая риторика, стремление «недружественных» стран Запада нанести стратегическое поражение России, а также реальное положение дел в зоне СВО представляют внешние угрозы. Активизация экстремистских элементов внутри страны, заметно усиливающаяся тенденция проявления русофобии, неонацизма, расизма направлены на подрыв исторически сложившегося гражданского единства, традиционных ценностей, что следует рассматривать как проявление внутренней угрозы.

Опираясь на исторический и современный опыт обеспечения национальной безопасности РФ, основное внимание Стратегия уделяет последовательному проведению национальной политики как цивилизирующему фактору, динамике преобразований в этнокультурных общественно-политических, социально-экономических процессах. Именно на этой основе создаются необходимые условия состояния защищённости от различных внутренних и внешних угроз.

Основным положением в оценке обеспечения национальной безопасности РФ является степень сохранения исторически сложившегося государства, единства общества и территориальной целостности. Стратегия предусматривает комплекс мер по поддержанию политической и социальной стабильности, острого реагирования на происходящие конфликты на национальной почве, укрепления единого многонационального народа РФ как основы самобытного государства-цивилизации, подтверждение статуса Российской Федерации как одной из крупнейших многонациональных стран мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредяхин, А. Л. Национальная идея: государственно-правовой аспект / А. Л. Бредяхин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 3. – С. 18-21.
2. Ващук, А. С. Неолиберальные идеи и проект реструктуризации Северо-Востока в 1990-е годы и первое десятилетие XXI века (на материалах Магаданской области) / А. С. Ващук // Учёные записки Комсомоль-

- ского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VI (78). – С. 105-115.
3. Гирько, С. И. Современные проблемы национальной безопасности Российской Федерации / С. И. Гирько, А. А. Долгополов // Транспортное право и безопасность. – 2025. – № 2 (54). – С. 74-84.
 4. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: моногр. / отв. ред. Н. К. Терещенко. – М.: Инфотрофик, 2024. – 352 с.
 5. Иншаков, С. М. Основы теории национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М.: МГЛУ, 2024. – 363 с.
 6. Кийко, М. Ю. Эволюция Российской системы национальной безопасности: историко-правовой аспект / М. Ю. Кийко // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2014. – № 2 (40). – С. 88-94.
 7. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2025 года №1161-р // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: garant.ru/products/ipo/prime/doc/56904834.htm (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
 8. Куршаков, З. С. Соотношение национальной безопасности и системы национальной безопасности / З. С. Куршаков // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 51. – С. 2024-2029.
 9. Мусаева, Г. М. Обеспечение национальной безопасности: понятие, цель и основные методы / Г. М. Мусаева, А. М. Абубакаров // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 83-90.
 10. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: моногр. / отв. ред. О. П. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – 416 с.
 11. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634.htm (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
 12. Результаты переписи населения: основные итоги по городам, регионам и округам // АО «ТБанк». – URL: <https://t-j.ru/perepis-2021> (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
 13. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2036 г.: утверждена Указом Президента Российской Федерации 25 ноября 2025 г. № 858 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – URL: garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563.htm (дата обращения: 10.01.2025). – Текст: электронный.
 14. Трусов, Н. А. Стратегическое планирование в России: история становления, критика, последствия, состояние / Н. А. Трусов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 40-48.
 15. Феоктистов, А. В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации / А. В. Феоктистов, И. В. Зернов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 68-76.
 16. Янковская, Е. С. Национальная безопасность Российской Федерации: доктринальные документы, основы теории, прикладные аспекты / Е. С. Янковская // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2022. – № 1 (37). – С. 16-22.

Дербенев А. С.
США – ИРАН: ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ЭСКАЛАЦИИ

Дербенев А. С.
A. S. Derbenev

США – ИРАН: ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ЭСКАЛАЦИИ

USA – IRAN: ANOTHER ROUND OF ESCALATION

Дербенев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН (Россия, Москва). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Andrei S. Derbenev – PhD in History, Senior Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U. S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Аннотация. Период первой половины 2020-х гг. стал для американо-иранских отношений временем парадоксальной динамики: с одной стороны, нарастание структурных противоречий, с другой – эпизодические попытки дэскалации. В основе противостояния лежат: ядерная программа Ирана, поддержка Тегераном региональных игроков, системные разногласия по вопросам прав человека и внутренней политики, а также агрессивная внешняя политика США, удары США по хуситам и конфликт в Газе. На рубеже 2025-2026 гг. Иран переживает острый социально-экономический кризис, чреватый серьёзными политическими последствиями. Протесты, вспыхнувшие 28 декабря 2025 г. на Большом базаре Тегерана, сигнализируют не просто о недовольстве отдельными аспектами внутренней политики, но о системной делегитимации руководства страны.

Summary. The period of the first half of the 2020s became a time of paradoxical dynamics for US-Iranian relations: on the one hand, the growth of structural contradictions, on the other – episodic attempts at de-escalation. The confrontation is based on Iran's nuclear program, Tehran's support for regional players, systemic disagreements on human rights and domestic policy issues, as well as aggressive US foreign policy, US strikes against the Houthis and the conflict in Gaza. At the turn of 2025-2026 Iran is experiencing an acute socio-economic crisis, fraught with serious political consequences. The protests that broke out on December 28, 2025 in the Grand Bazaar of Tehran signal not just dissatisfaction with certain aspects of domestic policy, but a systemic delegitimization of the country's leadership.

Ключевые слова: США, Иран, Израиль, Тегеран, Газа, протесты.

Key words: USA, Iran, Israel, Tehran, Gaza, protests.

УДК 327.5

Введение. Ближний Восток занимает важное место во внешнеполитической стратегии США. Красное море является одним из ключевых интересов политики американских президентов, будь то президент-республиканец или демократ [1]. «Проводимая Вашингтоном политика в 2024 г. позволяет говорить о том, что США стремятся объединить усилия ключевых партнёров в регионе для борьбы с общими угрозами на Ближнем Востоке. Это отвечает общему вектору внешней политики при администрации Байдена, поскольку даже в Стратегии национальной безопасности упоминается “более интегрированный Ближний Восток, который расширит возможности союзников и партнёров, а также снизит нагрузку на ресурсы Соединённых Штатов в долгосрочной перспективе”. Несмотря на то что Саудовская Аравия не упоминается в тексте, большой уклон наблюдается на углубление интеграции между различными партнёрами в регионе и укрепление энергетической стабильности, в частности, в контексте поддержки Израиля и противостояния Ирану и Сирии», – полагают российские эксперты А. С. Дербенев и Е. С. Яковлева [2]. Во время первого президентства Д. Трампа США неоднократно обращали внимание на необходимость решения так называемого «иранского ядерного вопроса» [3]. В конце 2025 – начале 2026 гг. США возобновили давление на Иран. Официальное объяснение жёсткой риторики Вашингтона –

начавшиеся протесты в Тегеране, быстро распространившиеся на другие территории Ирана, обусловленные целым рядом внутриэкономических и политических проблем. Указанные факторы напрямую касаются стабильности в Красном море, учитывая амбиции глобальных и региональных игроков. Кроме того, на этот регион приходится немалая часть добычи и транспортировки нефти, что крайне важно для мировой энергетической отрасли. Региональные игроки в прошлом и сейчас неоднократно выражали озабоченность американо-иранскими отношениями, а также угрозами, которые исходят от напряжённости между США и Тегераном [4].

Наращение протестного потенциала и фактор США. Важно понимать, что в протестах, которые начались на Большом базаре Тегерана 28 декабря 2025 г., явно прослеживается не только тренд на конкретные повседневные проблемы граждан Ирана или текущую внутреннюю политику в стране, а общее ощущение экономического сбоя. Сам факт того, что протесты начались с базара, сам по себе знаменателен, потому что базар – это не просто место торговли в том смысле, в каком мы привыкли понимать, но на самом деле это крупный центр экономики Тегерана. И в политическом, и в историческом плане это важный момент, т. к. это системно важный узел иранской экономики. Остановка его работы провоцирует цепную реакцию: сбой поставок, рост цен, дефицит. Это своего рода переворот, ощущение, что почва уходит из-под ног. Причиной этого является валютный курс, который существенно упал. Он, по-видимому, уменьшился вдвое по отношению к доллару США, что приводит к экспоненциальному ускорению, резкой девальвации национальной валюты. Это действительно процесс делегитимации. В любом случае это подрывает политическую легитимность. Фактический уровень инфляции сильно сказывается на жителях Ирана. Он превышает 40 %, что очень болезненно. А что касается продуктов питания, то речь идёт о росте цен на 70 %. Люди действительно беспокоятся о стабильности иранской банковской системы. И ключевая проблема, возможно, связана с неравенством. И это в некотором смысле является основной движущей силой нелегитимности. Массовая и всепроникающая коррупционная сеть не способствует улучшению ситуации. Потому что если у вас чисто рыночная система, а валюта девальвирована, это одно. Но Иран этого не делает. Чтобы справиться с давлением санкций, в стране действует многоуровневая система обменных курсов. И это даёт некоторый управленческий контроль, но также открывает двери для массовой коррупции, когда инсайдеры могут получить доступ к твёрдой валюте и защитить свои богатства. Другие люди не могут этого сделать. И это приводит к своего рода растущей делегитимации. И нынешнее правительство – это то правительство, которое было назначено в некотором смысле для того, чтобы взять на себя ответственность. Глава центрального банка подал в отставку. В 1979 г., когда Пехлеви отправились в изгнание, было проведено довольно много расследований, в ходе которых выяснялось, насколько много денег они забрали с собой. Они купили несколько немецких компаний, у них были огромные фонды, огромная доля иранской экономики, которая в то время переживала бум благодаря доходам от продажи нефти. Поскольку Иран – огромная страна, ему действительно понадобился немецкий «инженерный набор» для модернизации. И вот когда иранская монархия отправилась в изгнание, она забрала с собой большое богатство.

На бумаге Иран и Китай являются близкими союзниками. В 2021 г. они подписали важное соглашение сроком на 25 лет. После очередного витка конфронтации с Израилем в июне 2025 г. появились слухи о военных поставках Китая. После того как в прошлом году китайские самолёты участвовали в столкновениях между Пакистаном и Индией, некоторые комментаторы и исследователи говорили о том, что иранцы хотят получить что-то из новой китайской техники. Иран вероятно зависит от Китая как от нефтяного рынка, как это было верно и для Венесуэлы, но обратное не так. Таким образом, подавляющее большинство иранской нефти всё ещё продолжает экспортироваться в Китай, особенно те объёмы, которые мы можем отследить. И довольно много иранской нефти экспортируется по теневым каналам и попадает в Китай, потому что у Китая огромная экономика, есть нефтеперерабатывающие заводы на побережье Китая, и они покупают нефть с танкеров, которые проводят много времени на стоянке у берегов Малайзии и Сингапура в ожидании разгрузки. Это только одна сторона проблемы. Доля Китая в импорте составляет около 13 %. А если добавить Венесуэлу, то это ещё 3 %. Таким образом, на данный момент 16 % китай-

ского импорта нефти приходится на эти две горячие точки геополитики. Китай получает скидку при покупке иранской нефти примерно на сумму от 8 до 10 долларов. Если Китаю нужна нефть, он может просто пойти на общий рынок и купить нефть. Ему не нужно заключать конкретные сделки с этими странами. И если в Венесуэле или Иране, или в обеих странах сменится режим, они всё равно захотят продавать товары Китаю. Китай – главный покупатель. У Пекина потрясающий спрос на нефть. Иран глобальный игрок – «кит» на нефтяном рынке. Если США отменят режим санкций в отношении Ирана, это будет то же самое, что и с Венесуэлой. Не нужно оккупировать Венесуэлу, чтобы получать венесуэльскую нефть для Соединённых Штатов. Нужно просто прекратить бойкотировать Венесуэлу, и Венесуэла сделает всё возможное, чтобы продать нефть. Это не недвижимость. И, в конце концов, конечно, заключаются контракты, и тогда статистики могут измерить, сколько нефти поступает из одной страны в другую.

Ситуация на Ближнем Востоке уже давно не была такой нестабильной, а президент США Д. Трамп только усиливает напряжённость. Саудовские лидеры знают, что региональная безопасность ненадёжна и неразрывно связана с безопасностью страны. С потерей влияния Ирана в Сирии и разгромом «Хезболлы» в Ливане региональная мощь Ирана, безусловно, ослабла. Тем не менее правящая элита Саудовской Аравии знает, что, хотя Иран и может казаться ослабленным, он, безусловно, не слаб. Региональные элиты понимают, что Иран может укрепить свои позиции с помощью трёх столпов сдерживания: ускорения ядерной программы, разработки ракетной программы и использования связанных с Ираном группировок. Хотя эти угрозы вызывают беспокойство у Эр-Рияда, понятие «передовой обороны», пожалуй, является наиболее проблематичным вопросом, с которым приходится сталкиваться, дилеммой, которую, как знают саудовские лидеры, необходимо решать активно, прагматично и деликатно. В связи с войной в Газе регион обеспокоен тем, что Иран может быть спровоцирован. Если это произойдёт, Эр-Рияд уверен, что сможет противостоять шторму. Как война в Газе, так и прямые военные столкновения между Израилем и Ираном в 2024 г. придали лидерам Саудовской Аравии уверенности в их стратегии постоянного поддержания диалога с Ираном. В результате войны в Газе уже был разработан план действий по урегулированию ситуации. Правящая элита Саудовской Аравии будет использовать дипломатию тремя способами, чтобы не попасть под перекрёстный огонь.

На протяжении всего первого президентского срока советники Трампа неоднократно говорили ему, что если он просто усилит давление на Тегеран на достаточно продолжительное время, то сможет заключить «более выгодную сделку», чем та, о которой договаривался бывший президент Барак Обама, – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) 2015 г., будь то по ядерному досье или другому аспекту политики Ирана. Болтон препятствовал Трампу в проведении мирных переговоров с Ираном [5].

Таким образом, фактор США, Китая на Ближнем Востоке является крайне важным. Попытки администрации Байдена в 2021 г. сплотить все демократические страны против Китая показали, что Америка больше не является эффективным якорем для создания такого рода альянса. М. Карни демонстративно отправился в Пекин и заключил с ним сделку в январе 2026 г. Если посмотреть на тексты его выступлений, то приоритетом для средних держав не должны быть глубокие договорённости, основанные на ценностях. Исключительный акцент на глубоких, основанных на ценностях договорённостях – это то, что мы больше не можем считать нормой. Поэтому, в отсутствие этого, государства должны быть готовы к гораздо более широким и продуманным сделкам со странами, с которыми, однако, не обязательно иметь общие ценности по тем вопросам, по которым можно договориться. И именно это должна была продемонстрировать недавняя поездка Карни в Китай. И британцы следуют этому примеру: Кир Стармер, которого не было в Давосе, отправился в Пекин с целью добиться чего-то очень похожего. Трамп делает ставку на заключение сделок. Американская демократия является надёжным партнёром в любой сложной современной международной сделке. Вот в чём, на наш взгляд, заключается смысл заявления Карни. Оно заключается в том, что предположение об универсальности, о конвергенции, о глубокой конвергенции умерло. Поэтому вместо этого мы реалистично смотрим на тех, с кем можно достичь какого-либо соглашения, а с другими переходим к более минималистичному подходу. Но потенциально

это гораздо более приемлемый вариант, потому что вы не собираетесь ждать, пока Канада согласует с Соединёнными Штатами политику в отношении Китая, как того хотела бы администрация Байдена. Трамп заявляет о том, что санкции в отношении Ирана могут быть значительно усилены. Инструмент борьбы с принуждением – это в первую очередь тарифы, а затем гораздо более агрессивные принудительные санкции.

Сегодня всё чаще встречаются заявления о том, что иранцы полностью обогатили уран до оружейного уровня. Ирану необходимо будет отказаться от имеющегося высокообогащённого урана в рамках любой новой сделки, и могут быть установлены новые пороговые значения обогащения – потенциально более высокие, чем те, которые были достигнуты в рамках СВПД. Есть также творческие решения, которые можно было бы воплотить в жизнь: приостановить обогащение урана внутри страны, что позволило бы возобновить его через несколько лет, или создать консорциум по обогащению урана, объединяющий Иран и некоторых его соседей по Персидскому заливу. Если судить по сообщениям, администрация пока не определилась с этим вопросом; просочившийся проект предложения от команды С. Виткоффа указывает на то, что эти обходные пути серьёзно рассматриваются, в то время как в аккаунте президента в социальных сетях по-прежнему звучат призывы «не обогащать уран». Но полный запрет на обогащение урана внутри страны – это, пожалуй, самый быстрый способ гарантировать, что сделка вообще не состоится. Тегеран неоднократно подчёркивал, что для него это является красной чертой в любой сделке. И, возможно, что ещё более тревожно, стремление к нулевому обогащению исходит от некоторых из тех же людей, которые поощряли Трампа выйти из СВПД во время его первого президентского срока, обещая более выгодную сделку. Становится всё более очевидным, что для многих из этих «ястребиных» сторонников внешней политики нет такой сделки с Ираном, которую они сочли бы достаточной. И всё же сделка, которая включает в себя проверку и мониторинг – наряду со строгими стандартами в отношении внутреннего ядерного потенциала Ирана, – намного лучше, чем альтернативы. Это, безусловно, лучше, чем статус-кво, при котором Иран фактически является государством с ядерным порогом, способным в короткие сроки получить статус обладателя ядерного оружия. И это, несомненно, лучше, чем военные удары, которые, вероятно, отбросят ядерные амбиции Ирана самое большее на несколько лет назад и создадут риск возвращения к региональной конфронтации с Ираном и его союзниками – конфронтации, в которой силы США в регионе, вероятно, станут главными мишенями. Военные удары не решают ядерный вопрос, они просто заставят часы начать тикать, отсчитывая время до следующего раза, когда президенту придётся выбирать между дипломатией и бомбардировками. Китай внимательно следит за происходящим в регионе. Для Пекина стабильные поставки ближневосточной нефти крайне важны [6; 7; 8].

Заключение. Иранское направление внешней политики США является ключевым элементом внешнеполитического наследия Трампа, т. к. этот аспект служит индикатором способности его администрации переключить внимание США с затяжных ближневосточных конфликтов на более актуальные глобальные вызовы, такие как противостояние с Китаем. С другой стороны, утверждение, что переговоры по Ирану являются ключевыми для внешнеполитического наследия Трампа, может показаться преувеличением. В конце концов, в портфеле администрации так много нерешённых вопросов – от Украины до тарифов, – которые, несомненно, будут иметь серьёзные глобальные последствия. Тем не менее переговоры по Ирану могут стать самым ярким свидетельством того, что Трамп и советники-единомышленники в его администрации действительно могут добиться успеха в том, чтобы отвлечь Соединённые Штаты от бессмысленной конфронтации на Ближнем Востоке в сторону Китая и других вызовов. Если Трамп действительно тот президент, который наконец намерен покончить с пристрастием Соединённых Штатов к вмешательствам на Ближнем Востоке, то бомбардировки Ирана были бы крайне неудачным началом. С другой стороны, если ему удастся заключить крупную, красивую ядерную сделку с Ираном, возможно, Соединённые Штаты смогут начать свой давно назревший поворот к Азии. Несмотря на значимость ситуации на украинском направлении и торговых тарифов, именно иранское направление наглядно демонстрирует, сможет ли Трамп окончательно отказаться от политики военных интервенций на Ближнем Востоке в пользу прагматичных сделок. Успех в переговорах позволит Трампу закрепить

за собой образ «миротворца-делкоделателя». В его окружении мало кто настроен (за исключением «ястребов») на военное столкновение, что лишь усугубит перспективы региона, чего Трамп стремится избежать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дербенев, А. С. Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории / А. С. Дербенев // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2024. – № 9. – С. 20-30. – URL: <https://journals.rcsi.science/2686-6730/article/view/264035> (дата обращения: 14.01.2026). – Текст: электронный.
2. Дербенев, А. С. США – Саудовская Аравия: приоритетные позиции двустороннего взаимодействия / А. С. Дербенев, Е. С. Яковлева // Восток (Oriens). – 2025. – № 4. – С. 126-138.
3. Тиллерсон заявил, что США намерены изменить ядерную сделку с Ираном // ТАСС. 6 января 2018 г. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/> (дата обращения: 16.01.2026). – Текст: электронный.
4. Дербенев, А. С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности / А. С. Дербенев // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3 (13). – С. 273-285.
5. Болтон мешал Трампу вести переговоры с Ираном // Российская газета. 15 сентября 2019 г. – URL: <https://rg.ru/2019/09/15/bolton-meshal-trampu-vesti-peregovory-s-iranom.html> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
6. Дербенев, А. С. Некоторые аспекты взаимодействия Саудовской Аравии с Китаем и Индией в XXI в. / А. С. Дербенев, Ж. В. Петрунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 7-26.
7. Петрунина, Ж. В. Китай и страны Ближнего Востока: история развития отношений во второй половине XX – начале XXI вв. / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2016. – № I-2 (25). – С. 16-20.
8. Дербенев, А. С. Саудовская Аравия – Китай: стратегия партнёрства / А. С. Дербенев // Новая и новейшая история. – 2022. – Т. 66. – № 3. – С. 216-229.

Петрунина Ж. В., Недоступ Г. А.
Z. V. Petrunina, G. A. Nedostup

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И МОНГОЛИИ В 1990-Е ГОДЫ

SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA IN THE 1990S

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, педагогики и лингвистики Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History, Pedagogy and Linguistics Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Недоступ Галина Александровна – аспирант, преподаватель кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675004, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104; тел. 8(914)049-59-28. E-mail: shabalinagalina1242@gmail.com.

Galina A. Nedostup – Postgraduate Student, Lecturer, World History, Philosophy and Cultural Studies Department, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 104 Lenin Street, Blagoveshchensk, Amur Region, 675004; tel. 8(914)049-59-28. E-mail: shabalinagalina1242@gmail.com.

Аннотация. В данном исследовании рассматривается российско-монгольское научное сотрудничество в 1990-е годы. Этот период характеризуется системным кризисом и охлаждением отношений между странами. В работе обосновывается тезис о том, что даже в ситуации исчезновения прежнего финансирования и усиления конкуренции со стороны Китая, Японии и США российско-монгольское взаимодействие сохранилось благодаря неформальным связям научного сообщества. К ключевым факторам, позволившим сохранить научный задел советского периода, стоит отнести связи учёных-энтузиастов, которые, несмотря на сложности, поддерживали совместные исследования и реализовывали гранты. В основе разрабатываемых научных тем того периода стало переосмысление исторического и культурного контекста двусторонних отношений. В заключение обосновывается тезис, что поддерживаемые научные контакты обеспечили возможность быстрого возрождения и развития гуманитарного взаимодействия в 2000-е годы.

Summary. This study examines Russian-Mongolian scientific cooperation in the 1990s. A systemic crisis and a cooling of relations between the countries characterized this period. The paper argues that even with the disappearance of previous funding and increased competition from China, Japan, and the United States, Russian-Mongolian cooperation was maintained thanks to informal ties within the scientific community. Key factors that enabled the scientific legacy of the Soviet period to be preserved included the connections between enthusiastic scientists who, despite difficulties, supported joint research and implemented grants. The research themes developed during that period were based on a rethinking of the historical and cultural context of bilateral relations. The conclusion substantiates the thesis that these maintained scientific contacts enabled the rapid revival and development of humanitarian cooperation in the 2000s.

Ключевые слова: Монголия, Россия, наука, 1990-е годы, совместные экспедиции, гранты.

Key words: Mongolia, Russia, science, 1990s, joint expeditions, grants.

УДК 94

После распада СССР в условиях геополитического кризиса и охлаждения отношений с бывшими союзниками Россия столкнулась с необходимостью заново выстраивать международные связи. Если на межгосударственном уровне происходило охлаждение отношений и переориентация партнёров, что отмечается, в частности, в исследованиях по взаимодействию с Китаем [2], то в

научной сфере с Монголией наблюдался параллельный, но специфический процесс. В этом контексте гуманитарное сотрудничество, будучи менее политизированной и более гибкой сферой, выступило важным инструментом для поддержания диалога и поиска точек соприкосновения. Одной из ключевых составляющих этого процесса стало научное сотрудничество, которое в 1990-е гг. проявлялось в адаптации унаследованных от советской эпохи связей.

Важным шагом в укреплении научных связей стало подписание в 1993 г. «Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами». Его положения напрямую предусматривали развитие гуманитарного сотрудничества (ст. 11) и установление прямых связей между вузами (ст. 14), что создало официальную основу для активизации горизонтальных контактов в научно-образовательной сфере [4].

В 1995 г. было подписано Соглашение о культурном и научном сотрудничестве [11]. Основными задачами данного соглашения стали установление, развитие и поддержка научно-исследовательских связей между странами, обмен опытом и публикациями, а также культурный обмен. В 1999 г. в Москве подписали Программу культурного и научного сотрудничества между Правительством Монголии и Правительством Российской Федерации на 1999-2001 гг., а в Улан-Баторе – Протокол о сотрудничестве между Министерством культуры России и Министерством просвещения Монголии на 2000-2001 гг. [17, 186]. Эти инициативы способствовали более тесному взаимодействию в области науки и культуры, что, в свою очередь, положительно сказалось на укреплении дружеских отношений между Россией и Монголией. Однако, несмотря на эти важные соглашения, реальное сотрудничество между Россией и Монголией на практике оставалось ограниченным.

Ситуация в российско-монгольских отношениях начала меняться с приходом к власти в России В. В. Путина. Западное направление политики не столь быстро и удачно развивалось, поэтому взоры России устремились на Монголию, которая является одной из узловых точек в Северо-Восточной Азии [8]. В 2000 г. по приглашению президента Монголии Н. Багабанди В. В. Путин посетил Улан-Батор, где состоялось подписание Улан-Баторской декларации. В этом важном документе стороны подтвердили свои обязательства, вытекавшие из Договора о сотрудничестве 1993 г., и обозначили приоритетные направления взаимодействия. Улан-Баторская декларация охватывала широкий спектр вопросов, включая не только экономическую сферу, но и такие важные аспекты, как развитие туризма и образования. Одной из составляющих данной декларации является статья 9, в которой говорится, что Россия и Монголия будут сохранять традиционные узы и поощрять контакты между гражданами и организациями своих стран [14].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. наблюдалось становление и развитие научно-образовательных связей между региональными центрами Восточной Сибири (Республика Бурятия, Республика Тыва) и Монголией. Ключевой особенностью этого процесса было децентрализованное взаимодействие стран, когда инициатива исходила не от федеральных министерств, а от самих научных коллективов, университетов и академических институтов, что позволяет охарактеризовать его как взаимодействие «снизу», это связано с общим историческим прошлым данных регионов [5].

В сентябре 1992 г. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ) и Институт международных и восточных исследований Академии наук Монголии (ИМВИ АН) договорились об установлении сотрудничества. Были запланированы обмены научными делегациями. Научные сотрудники ТНИИЯЛИ М. Х. Маннай-оол, С. М. Орус-оол и А. С. Донгак были направлены в командировку в ИМВИ АН Монголии с целью ознакомления с архивными документами и сбора полевого материала. В Улан-Баторе делегация ТНИИЯЛИ была принята Президентом Академии наук Монголии Д. Баатаром и вице-президентом Б. Чадраа. Состоялась также встреча тувинской делегации с бывшим президентом Академии наук Монголии академиком Б. Ширэндыбом. В свою очередь, в октябре 1992 г. научные сотрудники ИМВИ АН Монголии А. Нима, Х. Дашдондов и Ч. Бор впервые посетили г. Туву с научно-исследовательскими задачами и ознакомились со многими ранее недоступными монгольским учё-

ным материалами Госархива Республики Тыва и его филиала – Центра архивных документов партийных и общественных организаций [10].

Партнёрство между Восточно-Сибирским государственным институтом культуры и Монгольским государственным университетом культуры и искусств, вышедшее за рамки простых обменов студентами и научными сотрудниками, было реализовано в форме совместных исследовательских проектов, регулярных творческих конкурсов и стажировок, создав устойчивую платформу для диалога в области сохранения и развития общего культурного наследия народов Центральной Азии. Также в 1996 г. студенты-монголоведы Восточного института БГУ отправились практиковать язык в Монголию [3, 56-57].

Ярким примером инициатив «снизу» стало сотрудничество между Тувинским государственным университетом и Ховдским филиалом МонГУ. Отправной точкой послужила первая научная конференция по природным условиям Западной Монголии, организованная Ховдским филиалом Монгольского государственного университета в 1993 г. с участием учёных из Тувы, после чего был подписан договор между Тувинским и Ховдским госуниверситетами. С 1997 г. кратковременное сотрудничество перешло в регулярные взаимоотношения с проведением совместных форумов и научных экспедиций. Также важным этапом во взаимодействии данных вузов стали научно-исследовательские проекты с 2006 г. по научно-образовательной программе «Мир Центральной Азии», инициированной при активном участии Тувинского государственного университета [7].

Бурятский государственный университет в конце 1990-х – начале 2000-х гг. также последовательно развивал партнёрскую сеть с ведущими вузами Монголии, что стало основой для проведения совместных научных исследований. Развитие этого процесса отражено в серии двусторонних соглашений. В 1997 г. был заключён договор с Монгольским государственным университетом образования, заложивший основу для взаимного обмена студентами, а также академического и научного взаимодействия. В 1998 г. сотрудничество расширилось. Соглашение с Монгольским государственным университетом официально открыло программы студенческих обменов и стажировок, а договор с Институтом иностранных языков Монголии закрепил практику академических обменов и курсов повышения квалификации. В 1999 г. подобная практика распространилась на Монгольский юридический университет «Их Засаг». Наконец, с 2001 г. вступило в силу соглашение с Монгольским государственным медицинским университетом, сфокусированное на совместной научно-исследовательской работе [16].

Активно продолжают развивать сотрудничество институты г. Иркутска. В мае 1995 г. между Иркутским государственным техническим университетом, Монгольским политехническим институтом и монгольской акционерной компанией «Шарынгол» был заключён договор о проведении совместных научно-исследовательских работ по теме «Испытание и исследование работы режущего бурового инструмента в условиях разреза “Шарынгол”», по результатам которого был разработан новый буровой инструмент для взрывных скважин. В 1997 г. на восточном факультете Иркутского политехнического института было начато преподавание монгольского языка для российских студентов, что в дальнейшем повлияло на более успешный обмен со студентами Монгольского политехнического института [9].

Иркутский педагогический университет активно сотрудничал с Монгольским государственным педагогическим университетом. Монгольские студенты, изучавшие русский язык, проходили практику в российском вузе [3, 163].

В 1998 г. между Институтом истории Академии наук Монголии и Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии был заключён договор о сотрудничестве [1], результатом которого стали серии публикаций и монографий по различным тематикам, таким как развитие транспорта и путей сообщения, политические процессы в Монголии в первой половине XX в., история Монголии XX – начала XXI вв. и др. [15].

В ответ на потребности формирующейся рыночной экономики Монголии стали налаживаться системные контакты с вузами Урала и Западной Сибири. Эти инициативы были сосредоточены на целевой подготовке и переподготовке кадров для ключевых отраслей. Например, Уфим-

ский государственный нефтяной технический университет начинает целенаправленную, хотя и эпизодическую на первом этапе, подготовку монгольских специалистов для ключевой для Монголии топливно-энергетической отрасли. Новосибирский инженерно-строительный институт им. Куйбышева с 1997 г. проводил обучение на курсах повышения квалификации специалистов из Монгольской компании «ГАНХИЙЦ». Параллельно устанавливаются связи между Новосибирским государственным университетом экономики и управления и монгольскими университетами [3, 62-63].

Очень важен факт, что, несмотря на уменьшение финансирования со стороны Москвы и на большую конкуренцию России с более технологически развитыми странами, сохранялось, хотя и в меньшем масштабе, сотрудничество, заложенное ещё в советское время. Продолжалась деятельность совместной российско-монгольской комплексной биологической экспедиции, более того, в 1995 г. были созданы карты экосистем Монголии, которые на тот период не имели мировых аналогов [12]. Также с 1995 г. происходило изучение пещеры Цагаан-агуй, расположенной в Гобийском Алтае, в рамках совместной Монголо-Российско-Американской экспедиции. Организованная академиками А. П. Деревянко, Д. Цэвэндоржем и профессором Дж. У. Олсеном экспедиция способствовала изучению механизмов адаптации древнего человека к экстремальным климатическим условиям [6].

Переход на новую модель сотрудничества потребовал от российских учёных освоения работы в грантовой системе. Ключевую роль в этом сыграло создание новых институтов поддержки науки в самой России. Сначала в 1992 г. был учреждён Российский фонд фундаментальных исследований, а в 1994-м – Российский гуманитарный научный фонд. Данные фонды проводили специальные научные конкурсы и стали важнейшим источником целевого финансирования для российско-монгольских проектов в условиях отсутствия государственного планового финансирования [13; 18].

Таким образом, за последнее десятилетие XX в. был сформирован устойчивый контур сотрудничества в научной сфере, охвативший педагогику, фундаментальные науки, лингвистику, юриспруденцию, медицину, экологию и другие дисциплины. Приведённые примеры позволяют констатировать две ключевые тенденции трансформации российско-монгольского научного сотрудничества в 1990-е гг. Во-первых, произошла смена управленческой модели от централизованной государственной инициативы «сверху» к децентрализованной сетевой активности самих научных коллективов и вузов «снизу». Во-вторых, наблюдалось смещение исследовательских приоритетов от преобладавшего в советский период научно-технического сотрудничества к углублённому взаимодействию в области гуманитарных и естественно-географических наук, что было связано с необходимостью переосмысления исторического и культурного контекста двусторонних отношений. Главным достижением того времени стало сохранение научного ядра – не были заброшены ключевые проекты и профессиональные связи, благодаря чему российская и монгольская науки смогли сберечь советский научный задел, который в следующем десятилетии позволил быстрее нарастить объём и качество совместных исследований на новой основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. Ю. Российско-монгольские научные связи на современном этапе (на примере Республик Бурятия и Тыва) / М. Ю. Бахтин // *Modern Science*. – 2021. – № 4-3. – С. 192-195.
2. Буяров, Д. В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая на примере Дальнего Востока / Д. В. Буяров // *Социум и власть*. – 2011. – № 2. – С. 51-55.
3. Российско-монгольское сотрудничество в области высшего образования: моногр. / А. В. Дамдинов, Е. И. Лиштованный, В. В. Номогоева, А. М. Шойдонова; науч. ред. Норовсамбуугийн Хишигт. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2025. – 192 с.
4. Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией от 20 января 1993 года // Посольство Российской Федерации в Монголии. – URL: https://mongolia.mid.ru/ru/bilateral-relationships/k_95_letiyu_ustanovleniya_dipotnosheniy/osnovnye_dokumenty_poslednikh_let_mezhdu_rossiey_i_mongoliey/dogovor_20_01_1993/ (дата обращения: 25.01.2025). – Текст: электронный.

5. Макаревская, Н. Ю. Тенденция сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации как консолидирующий фактор для тихоокеанской России и стран Северо-Востока Азии / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VI-2 (44). – С. 37-41.
6. Монголо-российские экспедиции ИАЭТ СО РАН: к 60-летию Академии наук Монголии // Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. – URL: <https://archaeology.nsc.ru/mongolsko-rossijskie-ekspeditsii-iaet-k-60-letiyu-akademii-nauk-mongolii/> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
7. Наваанзоч, Х. Ц. Сотрудничество монгольских и российских вузов / Х. Ц. Наваанзоч // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы междунар. науч.-практ. конф., Горно-Алтайск, 20-23 апреля 2014 года / отв. ред. Ф. И. Куликов. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 404-407.
8. Недоступ, Г. А. Изменение статуса русского языка в Монголии в 1990-е – начале 2000-х годов / Г. А. Недоступ // Учёные записки Благовещенского государственного педагогического университета. – 2025. – № 4. – С. 30-33.
9. Рапацкая, Л. А. О некоторых исторических аспектах в образовательной и научной сферах России и Монголии / Л. А. Рапацкая // Науки о Земле и недропользование. – 2023. – Т. 46. – № 3 (84). – С. 321-331.
10. Сектор монголоведения // ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва». – URL: <https://tigpi.ru/sector-mongolovedeniya/> (дата обращения: 19.01.2026). – Текст: электронный.
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о культурном и научном сотрудничестве от 5 апреля 1995 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47890/ (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
12. Совместная Российско-монгольская комплексная биологическая экспедиция // Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова Российской академии наук. – URL: <https://sev-in.ru/sovmesstnaa-rossiisko-mongolskaa-kompleksnaa-biologiceskaa-ekspedicia> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
13. О создании Российского фонда фундаментальных исследований: Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1992 г. № 394 // Администрация Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1239> (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
14. Улан-Баторская декларация от 14 ноября 2000 года // Посольство Российской Федерации в Монголии. – URL: https://mongolia.mid.ru/ru/bilateral-relationships/k_95_letiyu_ustanovleniya_dipotnosheniy/osnovnye_dokumenty_poslednikh_let_mezhdu_rossiye_i_mongoliey/deklaratsiya_14_11_2000/ (дата обращения: 21.01.2026). – Текст: электронный.
15. Цыбенков, Б. Д. Совместные научные проекты ИМБТ СО РАН и монгольских учёных по изучению истории Монголии XX века / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье. В 3 ч. Ч. 1, Чита, 26 октября 2018 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 112-115.
16. Шойдонова, А. М. Сотрудничество России и Монголии в области высшего профессионального образования (на рубеже XX-XXI вв.) / А. М. Шойдонова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 159-162.
17. Эрдэнэбаяр, Г. Взаимодействие России и Монголии в области образования и науки / Г. Эрдэнэбаяр // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 184-193.
18. Юсупова, Т. И. Российско-монгольское научное сотрудничество: особенности становления и развития / Т. И. Юсупова // Вопросы истории естествознания и техники. – 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 63-74.

Content

Научное издание

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

T. A. Borzova, O. A. Voronina

OVERCOMING CULTURAL SHOCK BY FIRST-YEAR CHINESE STUDENTS IN THE COURSE OF «INTERCULTURAL COMMUNICATION» 4

A. S. Breitman

CHINESE NEOREALISM AS A NATIONAL AND GLOBAL PHENOMENON 12

Ya. S. Kryzhanovskaia, Cui Yetong

MUSEUM CULTURE OF CHINA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY 23

A. V. Markova, V. Yu. Prokofeva

«HOW CZAR PETER THE GREAT MARRIED OFF HIS BLACKAMOOR» BY A. MITTA IN A STUDENT AUDIENCE: FROM WORK EXPERIENCE 31

Yu. G. Muller

RUSSIAN HOUSE AND CONFUCIUS INSTITUTE: CULTURAL REPRESENTATIONS ABROAD 37

E. A. Musalitina

«GUOCHAO» AS A CULTURAL PHENOMENON OF SELF-REPRESENTATION OF CONTEMPORARY CHINA 44

T. E. Nalivayko, Y. A. Bolotskaya

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF «PROJECT METHOD», «PROJECT ACTIVITIES», «PROJECT TECHNOLOGY» IN PEDAGOGICAL DISCOURSE 52

Z. V. Petrunina

TOURISM POTENTIAL OF THE XINJIANG UYGUR AUTONOMOUS REGION IN MAINTAINING RUSSIAN IDENTITY IN CHINA IN THE 21ST CENTURY 57

V. E. Smotrov, G. G. Osipova

«THE QUEEN OF SPADES» BY P. I. TCHAIKOVSKY: FILM-MUSICAL ASPECT 62

G. A. Shusharina

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A FACTOR IN CONSTRUCTING IDENTITY IN BORDER REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDERLAND) 69

Hu Yue, A. S. Breitman

«PHOTOGRAPHY WITHOUT A CAMERA» IN MODERN CHINESE CULTURE: THE PROBLEM OF REAL AND VIRTUAL 75

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Yu. G. Larchenko

INTELLECTUAL MAP AS A VISUAL METHOD OF STUDENTS' LEARNING MATERIAL RECOGNITION 84

T. E. Nalivaiko, M. V. Shinkoruk

METHODOLOGY OF SETTING GOALS IN TEACHER EDUCATIONAL ACTIVITIES 90

A. A. Pukhov, N. A. Novgorodov, J. I. Tkacheva

«SELF-TAUGHT» IS A CONCEPT OF TEACHING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES IN A STRONG COMPETITION WITH COMPUTER INTELLIGENCE SYSTEMS 96

HISTORY

N. N. Ababkova

CIVIL HEALTHCARE IN THE FAR EAST OF THE USSR ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR 102

A. I. Gorelikov

STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION'S STATE NATIONAL POLICY FOR THE PERIOD UP TO 2036: THE FOUNDATION OF RUSSIA'S SECURITY 107

A. S. Derbenev

USA – IRAN: ANOTHER ROUND OF ESCALATION 113

Z. V. Petrunina, G. A. Nedostup

SCIENTIFIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND MONGOLIA IN THE 1990S 118

Учёные записки КНАГТУ
2026 № II (90)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 27.03.2026
Дата выхода в свет 31.03.2026

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 15,94.
Уч.-изд. л. 20,09.
Тираж 200. Заказ 31412

Отпечатано:
в типографии КНАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27;
в типографии «Агора»
681024,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 39.

